

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

НДЛ 1Р23 З

А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ.

СОБРАНИЕ И СВОДЪ ЗАКОНОВЪ
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ,

СОСТАВЛЕННЫЕ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°”, Фонтанка, 95.

1898.

A7
Lappo-Danilevskii, A
Sobranie i...

HARVARD LAW LIBRARY

Received APR 1 1932

Aleksandr Lappo-Danilevskii
А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ.

СОБРАНИЕ И СВОДЪ ЗАКОНОВЪ

РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ,

СОСТАВЛЕННЫЕ

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Фонтанка, д. 95.

1897.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народного Просвѣщенія, за 1897 г.

APR 1 1932

Потребность русского общества и правительства въ юридическомъ образованіи, постепенно возраставшая въ теченіе XVIII вѣка, могла получить удовлетвореніе лишь по составленію собранія или свода законовъ. Между тѣмъ кодификаціонныя работы, производившіяся въ законодательныхъ комиссіяхъ, накопили матеріалъ, пригодный для изданія такого сборника. Правительство воспользовалось означеннымъ матеріаломъ для приготовленія „Описанія внутренняго правленія Россійской имперіи“, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходнаго съ полнымъ собраніемъ, въ другихъ—со сводомъ законовъ. Составители „описанія“ положили въ основу его плана систему права, принятую и въ другихъ современныхъ ему памятникахъ законодательства. Это предпріятіе, доведенное до конца, не увѣнчалось, однако, успѣхомъ: по довольно случайнымъ причинамъ „описаніе“ осталось не обнародованнымъ и было совершенно забыто послѣдующими комиссіями XIX в. Тѣмъ не менѣе, какъ первая попытка собранія узаконеній Россійского государства, „описаніе“ не можетъ не обратить на себя вниманіе всякаго, занимающагося или интересующагося нашей отечественною исторіей. Если большинство законовъ и указовъ, помѣщенныхъ на страницахъ этого многотомнаго рукописнаго сборника, и извѣстно теперь по позднѣйшимъ болѣе исправнымъ изданіямъ, то, во всякомъ случаѣ введенія къ разныимъ частямъ „описанія“, ходъ работъ по его составленію, система изложенія и цѣль, преслѣдуемая его составителями, даютъ новый и цѣнныи матеріалъ для исторіи науки русскаго права и для изученія развитія русскаго правосознанія вообще во второй половинѣ XVIII вѣка. Съ этой именно точки зреянія „описаніе внутренняго правленія Россійского государства“ и подвергнуто научному анализу въ печатаемыхъ нынѣ замѣткахъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Русское юридическое образование въ XVIII вѣкѣ.

Новый періодъ русской исторіи, открывающійся эпохой реформъ, знаменуется между прочимъ болѣе сознательнымъ отношеніемъ русскихъ людей къ насущнымъ потребностямъ государственной жизни Россіи за это время. Свѣжія силы, нужная для того, чтобы вырабатывать такое отношеніе, выросли, конечно, не сразу: они пробудились благодаря далеко не обычнымъ условіямъ, въ какія попало государство въ началѣ прошлаго вѣка, и образовывались мало-по-малу подъ вліяніемъ теорій западно-европейского права, съ которыми подростающимъ поколѣніямъ впервые приходилось знакомиться на школьній скамьѣ или виѣ школы путемъ чтенія юридическихъ сочиненій, доступныхъ имъ и въ русскихъ переводахъ.

Первые попытки ввести такое образование въ оборотъ русской жизни оказались, однако, не вполнѣ удачными: до 1763 года практическое обученіе молодыхъ людей здѣссиству въ присутственныхъ мѣстахъ все еще занимало главное мѣсто въ преподаваніи права.

Но мѣрѣ того, однако, какъ росла потребность русского общества и государства въ болѣе сознательномъ отношеніи къ современности, а также въ болѣе нормальному от правленію государственныхъ функцій, и вопросъ объ изученіи национального права становился на иную почву: знаніе общихъ началь его казалось при такихъ условіяхъ необходимымъ въ особенности послѣ учрежденія о губерніяхъ, когда эти начала должны были получить широкое примѣненіе и жизненный интересъ для весьма значительного круга лицъ.

Правительство не замедлило обратить вниманіе на означенныя потребности: но, приступая къ ихъ удовлетворенію путемъ реформы юридического образованія, оно для проведенія ея почувствовало нужду въ сборникѣ законовъ, который далъ бы возможность поставить изученіе и преподаваніе отечественнаго права на прочныхъ историческихъ основаніяхъ.

Таковы важнѣшіе моменты въ исторіи русского юридического образованія въ XVIII вѣкѣ, повліявшия на составленіе „описанія внутренняго правленія Россійской имперіи“. Переидемъ къ подробнѣму разсмотрѣнію ихъ въ указанномъ порядкѣ.

I. Обучение законопискству въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Новое образование, введенное Петромъ Великимъ, отличалось, довольно искусственнымъ характеромъ. Основные начала европейской науки, вырванные изъ тѣхъ жизненныхъ условій, благодаря которымъ они не теряли своего конкретного смысла на западѣ, и перенесенные въ видѣ чистой доктрины на востокъ, оказались слишкомъ отвлечеными для русского общества, мало подготовленного къ ихъ восприятію; за то приложения ихъ получали въ его глазахъ несомнѣнное значеніе. Не будучи въ состояніи установить тѣсную связь между теоріей и практикой, русскіе люди сосредоточили свое вниманіе на этой послѣдней, что придавало образованію исключительно утилитарный характеръ.

Этотъ общий недостатокъ сказался, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ въ какой либо изъ другихъ отраслей образования, на преподаваніи права въ Россіи за первую половину прошлаго вѣка: оно все еще сводилось, главнымъ образомъ, къ практическому обученію молодыхъ людей законопискству въ присутственныхъ мѣстахъ, дѣлопроизводство которыхъ такъ сильно измѣнилось благодаря реформѣ; простые навыки продолжали заступать мѣсто общихъ знаній по части русского права, а специально-юридическое образование становилось своего рода службой и часто смѣшивалось съ нею.

Такое обученіе, на дѣль, вѣроятно, давно уже существовавшее для дѣтей приказныхъ, было введено генеральнымъ регламентомъ 1720 года для дворянства и оставалось въ силѣ, какъ известно, въ теченіе всей первой половины XVIII вѣка¹⁾). На основаніи статей регламента въ „юнкеры“ поступали молодые дворяне, производимые вслѣдъ затѣмъ въ секретари, „дабы потомъ могли бы въ ассессоры, совѣтники и выше происходить“²⁾.

Молодой человѣкъ, поступавшій юнкеромъ въ одно изъ центральныхъ учрежденій³⁾, долженъ былъ обладать известнымъ имущественнымъ цензомъ; въ сенатскую контору, напримѣръ, его принимали

¹⁾ П. С. З., т. VI, № 3584, гл. XXXVI.

²⁾ П. С. З., т. VII, № 4449.

³⁾ Въ 1761 г. юнкера допущены были и въ провинціальныя (остзейскія) присутственныя мѣста (П. С. З., т. XV, № 11283, 1761 г. июня 28-го).

лишь въ томъ случаѣ, если у него было не менѣе сотни душъ крестьянъ; а для приема въ коллегіи и канцелярии надо было имѣть по крайней мѣрѣ 25 такихъ же душъ¹). Кандидаты въ юнкеры нерѣдко являлись не съ предпослѣдняго смотра, а изъ какой нибудь школы, напримѣръ, артиллерійской, навигацкой, гарнизонной или латинской. Во всякомъ случаѣ выборъ изъ нихъ тѣхъ, „которые являются болѣе способны къ гражданской службѣ, чѣмъ къ военной“, производился сенатомъ; остальныхъ отсылали домой до истечения „урочныхъ лѣтъ“²). Такимъ образомъ для поступленія въ „юнкеры“ нужно было удовлетворить не только имущественному, но и образовательному цензу.

Первоначально число юнкеровъ было крайне незначительнымъ, что объясняется главнымъ образомъ развитіемъ начала сословности въ образованіи, мѣшившаго обученію дворянъ приказными дѣлами наравнѣ съ дѣтьми приказнослужителей, а также отвращеніемъ дворянства отъ гражданской службы, начинаемой съ самыхъ „нижнихъ дѣлъ“ подъ смотрѣніемъ какого нибудь повытчика или секретаря³). Хотя занятія подобного рода въ силу генерального регламента не слѣдовало „фамилиямъ знатнымъ и шляхетству въ укоризну ставить, ибо кромѣ сего пути никто въ вышнѣй градусъ и до министерскаго чина произведенъ быти не можетъ“, однако, четыре года спустя правительству пришлось сознаться въ томъ, что „по се время въ коллегіяхъ для вышеозначенного обученія изъ шляхетства мало что находится, а въ нѣкоторыхъ нѣть и по одному человѣку“. Поэтому вмѣсто прежняго приема добровольно поступавшихъ въ коллегіи юнкеровъ, человѣкъ по 6—7 въ каждую, рѣшено было обратиться къ принудительному мѣрамъ: въ 1724 г. сенатъ приказалъ „для произвожденія вышеозначенного по регламенту ученія выбрать изъ шляхетскихъ дѣтей изъ обрѣтающихся въ наукахъ въ академіяхъ сто человѣкъ“ и разослать ихъ въ коллегіи, въ каждую „по пропорціи“⁴). Съ теченіемъ времени, однако, число юнкеровъ нѣсколько увеличи-

¹) П. С. З., т. X, № 7201 (1737 г., марта 6-го).

²) П. С. З., т. X, № 7171 (1737 года, февр. 9-го) и № 7182 (1737 г., февраля 19-го).

³) „Приказные служители до нынѣ признаваемы въ самой подлости и отъ благороднаго дворянства всегда презираемы“ писали жители города Переяславля-Рязанскаго въ 1767 г. (С. Р. И. О., ХСIII, 262).

⁴) П. С. З., т. VII, № 4457 (1724 г. февр. 16-го).

оось и принудительныя мѣры стали излишними; уже съ 1740 года къ изученю приказныхъ дѣлъ опредѣлялись лишь такие, которые „охотою пожелають“. По указу 1752 г. января 20-го въ коллегіи принимали не болѣе 7, въ подчиненныя мѣста — по 4 человѣка юнкеровъ, при чемъ доступъ къ этимъ должностямъ открыть былъ и тѣмъ изъ молодыхъ дворянъ, которые желали поступить сверхъ комплекта въ 35 человѣкъ, установленнаго указомъ 1724 г., титулярными юнкерами; такихъ лицъ оказалось въ разныхъ центральныхъ учрежденіяхъ въ 1757 г. не менѣе 30 человѣкъ¹⁾). Дѣйствительные коллегіи юнкеры состояли въ „рангахъ“ (капральскомъ и сержантскомъ), при чемъ получали обыкновенно жалованье отъ 25 руб. въ годъ; титулярные, напротивъ, не имѣли еще чина и не пользовались правомъ на какой либо окладъ. Это различіе между юнкерами, установленное табелью о рангахъ, окончательно выяснено лишь указомъ 1752 г., что, можетъ быть, также свидѣтельствуетъ объ увеличеніи числа молодыхъ дворянъ, желавшихъ посвятить себя гражданской службѣ²⁾).

Юнкеровъ при поступленіи обязывали „указною присягой“ и передавали на попеченіе секретарей и повытчиковъ, которые также должны были дать подпиську въ томъ, что они за юнкерами будутъ „имѣть прилежное смотрѣніе“; отъ времени до времени они подавали вѣдомости своему начальству о поведеніи и успѣхахъ порученныхъ имъ молодыхъ людей. Программа ихъ занятій, однако, не была точно опредѣлена. Развитіе коллежскаго обученія можно усматривать въ постепенномъ выдѣленіи изъ него элементовъ общаго образования, мало-по-малу приобрѣвшаго теоретическій характеръ³⁾; но специально-юридическое образованіе юнкеровъ въ предѣлахъ рассматриваемаго периода все еще оставалось практическимъ. Юнкеры должны были обучаться „прилежному списыванію дѣлъ“, начиная съ „самыхъ низкихъ“⁴⁾; иногда ихъ свидѣтельствовали также въ знаніи того, „что касается до праваго суда, торгамъ внѣшнимъ и внутреннимъ къ прибыли имперіи и экономіи...“⁵⁾. Въ позднѣйшихъ офи-

¹⁾ П. С. З., т. XI, № 8043; т. XIV, № 9928. Ср. ниже прим. 1-е на стр. 7.

²⁾ П. С. З., т. VI, № 3890 (1722 г. янв. 24-го) и т. XIV, № 9928 (1752 г. янв. 20-го).

³⁾ М. Владижѣровъ-Будановъ, Государство и народное образование въ Россіи XVIII вѣка, Яр., 1874, стр. 259—269.

⁴⁾ П. С. З., т. VI, № 3534, гл. XXXVI (1720 г. февр. 28-го) и т. XIV, № 9928 (1752 г. янв. 20-го).

⁵⁾ П. С. З., т. VI, № 3890, п. 13 (1722 г. янв. 24-го).

ціальнихъ актахъ встречаются какъ бы намеки на обученіе юнкеровъ „приказному порядку, знанію указовъ и правъ государственныхъ: уложенія и протчаго“, то-есть, на ознакомленіе ихъ не только съ дѣлопроизводствомъ даннаго учрежденія, но и съ законоискусствомъ, нужнымъ для рѣшенія дѣль, ему подвѣдомственныхъ. Въ дѣйствительности, однако, это обученіе едва ли не сводилось къ такому же „сочиненію юнкерами журналовъ и протоколовъ по разнымъ повытъямъ“, какое практиковалось и раньше ¹⁾; болѣе специальное образованіе получили лишь юнкеры, служившіе при иностранной коллегіи, при коммерцѣ и мануфактурѣ коллегіяхъ, бергъ-коллегіи съ монетною канцеляріей, а также при юстицѣ и каммерѣ коллегіяхъ лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣль, гдѣ дѣлопроизводство велось на нѣмецкомъ языкѣ; но и здѣсь оно, конечно, отличалось тѣмъ же практическимъ характеромъ ²⁾.

Занятія подобнаго рода не могли особенно интересовать студентовъ. Повытки, довольно небрежно, впрочемъ, слѣдившіе за ихъ работами ³⁾, давали, поэтому, о большинствѣ изъ нихъ неблагопріятные отзывы. докладывая сенату, что „оны къ наукамъ прилежанія не имѣютъ и впередъ безнадежны“. „За лѣнность и гуляніе“ юнкеры подвергались строгимъ наказаніямъ. П. Тутолминъ, напримѣръ, послѣ трехлѣтняго пребыванія юнкеромъ въ одной изъ коллегій (1754 — 1757 гг.), все еще обучался письму, а „ко исправленію дѣль искусства и прилежности и хожденія не имѣлъ и по многимъ посылкамъ не являлся и произвожденія оказался недостойнымъ“. Поэтому „за неприлежность его къ дѣламъ и наукамъ и за самовольныя поѣзdkи въ деревню“, двадцатилѣтняго юнкера велѣно было по предложению генералъ прокурора „наказать при собраніи всѣхъ юнкеровъ жестоко розгами и обязать его подпискою, чтобы онъ впредъ къ дѣламъ и наукамъ прилежность оказывалъ“.

Итакъ, хотя не многие изъ русскихъ дворянъ первой половины XVIII вѣка и попадали въ „студенты“, „кописты“ и вообще въ юнкеры по разнымъ учрежденіямъ, но относились къ своему дѣлу довольно небрежно, да и не могли въ подобнаго рода занятіяхъ прі-

¹⁾ Арх. Мин. Юст., Дѣла по герольдіи 1737 г., ви. 15, октяб., дѣло № 12.

²⁾ П. С. З., т. XI, № 8267 (1740 г. октяб. 20-го) и т. XIV, №№ 10267 и 10389 (1754 г. июля 26-го и 1755 года апр. 3-го); т. XV, № 11283 (1761 года июня 28-го).

³⁾ П. С. З., т. XIV, № 10172 (1754 г. января 12-го).

объести теоретическое образование: его не давало практическое обучение дѣлопроизводству въ присутственныхъ мѣстахъ, введенное Петромъ Великимъ и просуществовавшее вплоть до 1763 г. Поэтому мѣткую характеристику приказныхъ людей, сдѣланную кн. М. Щербатовымъ, можно безъ большихъ преувеличеній отнести и къ юнкерамъ. „Возримъ на отечество наше, писалъ князь въ своемъ сочиненіи о дворянствѣ: у насъ таковые..., не имѣвъ... воспитанія, ниже зная грамматику и логику, начинаютъ съ простыхъ писцовъ свою службу и производятъ ее далѣе. Вся жизнь ихъ употреблена въ спи-
сыванье и напоминаніе законовъ, не оставляя имъ ни малѣйшаго времени на разсмотрѣніе ихъ. И тако становятся весьма памятные на законы, но не искусствные въ познаніи ихъ; не говорю уже колъ много страстей и пороковъ, не бывъ ограждены ни воспитаніемъ, ни наукою, съ младенчества пріобрѣтаютъ“ ¹⁾). Подобнымъ же характеромъ отличалась юнкерская школа при сенатѣ, возстановленная въ 1797 г.; здѣсь „юридические предметы составляли малѣйшую часть преподаваемаго ученія“; лишь съ превращеніемъ этой школы въ училище правовѣдѣнія въ 1805 г., система обученія нѣсколько измѣнилась ²⁾).

Кромѣ законоискусниковъ по обязанности, существовали, впрочемъ, законоискусники по призванию и по охотѣ; въ провинціи, напримѣръ, встрѣчались иногда „великие юриспруденты, которымъ всѣ гражданскіе законы были свѣдомы и всѣ указы не трудно было пересчитать по пальцамъ“. Но эти лица занимались, повидимому, юриспруденціей въ виду склонности своей къ „ябедническимъ предпріятіямъ“, чѣмъ опредѣляется и самый характеръ ихъ знаній ³⁾.

¹⁾ Арх. Мин. Юстиціи, Дѣла по герольдіи, кн. 15 (1737 г. октября, № 12); кн. 18 (1740 г. июля, № 10) и кн. 31 (1757 г. декабря, № 33). П. С. З., т. XIII, № 9797 (1750 г. сентября 12-го). А. Болотовъ, Жизнь и приключенія, т. I, стб. 739. Кн. М. Щербатовъ, Размышленія о дворянствѣ, въ Соб. соч., т. I, стб. 232—233.

²⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17707 (1797 г. января 1-го); т. XXVIII, № 21860 (1805 г. августа 1-го). Самое производство въ коллегіи юнкера было окончательно уничтожено лишь указомъ 2-го апреля 1811 г. (П. С. З., XXXI, № 24580). М. Сухомлиновъ, Исторія Россійской академіи, т. VI, стр. 460—466: юнкерская школа 1797 г. при О. П. Козодавлевѣ.

³⁾ А. Болотовъ, Жизнь и приключенія, т. I, стб. 23, 156 и 225; т. II, стб. 600. Таковъ былъ для автора, М. П. Болотовъ. Кн. Дмитрій Навловичъ Цициановъ также считался „мужемъ въ Россійской юриспруденціи преискусственнымъ“ (Предувѣдом. къ Началы основ. вексел. права Ф. Г. Дильтея, изд. 1794).

Недостаточность практическаго обученія молодыхъ людей, лишенныхъ всякаго общаго образованія, одному дѣлопроизводству разныхъ присутственныхъ мѣстъ сознавалась самимъ правительствомъ: оно попыталось на ряду съ такимъ обученіемъ ввести преподаваніе права въ учебныхъ заведеніяхъ. Петръ Великій имѣть въ виду около 1715 года учредить въ Россіи „академію политики“, въ которой молодые люди могли бы ознакомиться съ юридическими науками¹). Но этотъ проектъ остался безъ осуществленія, быть можетъ потому, что его составитель считалъ невозможнымъ учить одной юриспруденціи „понеже напрасно теряется время, когда не будетъ постановлено ученіе другихъ наукъ, которая суть фундаментъ политики“²). Нѣсколько позднѣе сдѣланы были новыя попытки основать специальная учебная заведенія для образованія русскихъ юристовъ. Но школа подъячихъ, „учиненная“ въ 1721 г., сообщала дѣтямъ приказныхъ служителей, поступавшимъ въ нее, одни практическія свѣдѣнія, нужные для дѣлопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ³). Такой же характеръ должна была пріобрѣсти и „краткая школа для изученія гражданскихъ (и экономическихъ) дѣлъ“, которую въ силу инструкціи герольдмейстеру 1722 года предписано было учредить въ С.-Петербургѣ для дворянскихъ дѣтей⁴). Ни то, ни другое учрежденіе не имѣло успѣха: обученіе дѣяческихъ и подъяческихъ дѣтей „приказнымъ дѣламъ“ едва ли утвердилось и получило надлежащее распространеніе, а „краткая школа“ никогда не была учреждена⁵.

¹) Понятіе „политики“ въ то время, вѣроятно, было болѣе объемистымъ, чѣмъ теперь; въ Московскомъ университѣтѣ въ концѣ прошлаго вѣка подъ „политикой“ разумѣли „законодательство, правленіе и экономію политическую“ (И. Тимковскій, Памятникъ И. И. Шувалову, въ *Москвитинѣ* за 1851 г., ч. III, стр. 25).

²) Арх. Мин. Иностр. Дѣль, Госуд. Древлехр., отд. V, Карт. 2, д. № 2.

³) П. С. З., т. VI, № 3845. Въ эту школу могли поступать и солдатскія дѣти, которыхъ продолжали, однако, причислять къ военному сословію; ср. *M. Владимірскій-Будановъ*, Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка, Ярославль, 1874 г., стр. 121.

⁴) П. С. З., т. VI, № 3896.

⁵) *M. Владимірскій-Будановъ*, Ор. сіт., стр. 174—175. Въ указѣ отъ 20 июня 1744 г. сенатъ безуспѣшно наставивъ на обученіи дѣтей „приказными дѣлами“ (П. С. З., т. XII, № 8975); въ 1755 г. требовалъ справки о томъ, существуютъ ли гдѣ нибудь такія школы. Кн. М. Щербатовъ въ своихъ пріемъчаніяхъ на инструкцію герольдмейстеру (5 февраля 1722 г.) прямо заявляетъ, что „сей школы (при конторѣ) никогда учреждено не было“ (Имп. Публ. Библ., Эрмитаж. библ. № 572).

Неудача въ учрежденія специальнно-юридическихъ школъ въ числѣ другихъ причинъ отвратила, можетъ быть, правительство отъ дальнѣйшихъ мѣропріятій въ томъ же направлѣніи; вмѣсто того оно попыталось ввести преподаваніе права въ учебныя заведенія, не предназначенные исключительно для юридического образованія, и этимъ путемъ думало, вѣроятно, избѣгнуть ошибки, сдѣланной при составленіи проекта 1715 года. Такимъ характеромъ отличалась, напримѣръ, реформа, произведенная въ кадетскомъ корпусѣ. Со времени его основанія здѣсь читали юриспруденцію, то-есть права: натуральное и, вѣроятно, гражданское, а также и прочія политическая науки: специальное преподаваніе ихъ усилено въ 1740 году. Еще позднѣе. указомъ отъ 21-го сентября 1748 года, кадетамъ, уже получившимъ извѣстное приготовительное образованіе и готовящимся къ гражданской службѣ, велѣно было читать по два дня въ недѣлю уложеніе, генеральный регламентъ „и прочіе, подлежащіе къ знанію гражданскихъ правъ уставы, регламенты и указы“¹⁾). Но такое обученіе все же отличалось скорѣе практическимъ характеромъ. Впрочемъ, въ новомъ уставѣ шляхетнаго сухопутнаго корпуса въ числѣ наукъ, которыхъ должно было преподавать его ученикамъ, упомянуты права: естественное, всенародныя и государственныя, а также экономія государственная²⁾), тогда какъ въ морскомъ корпусѣ въ то же время давались уроки по „политикѣ“. Тѣмъ не менѣе начальные курсы по „юриспруденції“, въ составъ которой съ теченіемъ времени стало, повидимому, входить и гражданское право³⁾, а также „прочимъ политическимъ наукамъ“ въ корпусахъ, принимавшихъ сравнительно очень небольшое число воспитанниковъ, не замѣняли, конечно, специальныхъ заведеній, въ которыхъ учащіе могли бы получить юридическое образованіе⁴⁾; при томъ довольно беспорядочныя лекціи про-

¹⁾ П. С. З., т. VII, № 5915; т. XII, № 9532.

²⁾ П. С. З., т. XVII, № 12741.

³⁾ Докладъ гр. де Бальмена въ комиссіи 1784 г. см. *ср. Д. Толстой*, Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ Сборн. отд. рус. яз. и слов., т. XXXVIII, стр. 35. Въ 1792 году изъ числа предметовъ, читаемыхъ въ корпусѣ, былъ исключенъ курсъ гражданского права (*Ф. Веселаго*, Очеркъ исторіи морскаго корпуса и пр., С.-Пб. 1852 г., стр. 154).

⁴⁾ Въ 1783 г. лишь 4,5% изъ всего числа русскихъ кадетовъ слушали курсы по юриспруденціи (*С. Соловьевъ*, Исторія Россіи, XX, 1456). Не лучше, если не хуже, обстояло дѣло въ царствованіе императрицы Елизаветы (*С. Соловьевъ*, Исторія Россіи, XXII, 577); ср. *Пикара*, Письма къ князю Б. А. Куракину въ *Русской Старинѣ* за 1878 г., т. XXII, стр. 53.

фессоровъ, чтеніе которыхъ иногда отлагалось съ года на годъ¹⁾ и состояло въ изложеніи малопонятныхъ теорій общаго права внѣ всякой связи съ живою русскою дѣйствительностью, не могли возбуждать большаго интереса въ слушателяхъ²⁾. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ того времени занимались, кромѣ того, переводомъ и комментированіемъ русскихъ или иностранныхъ газетъ, что съ первого взгляда можно было бы признать своего рода средствомъ для политического образования. Но эти занятія устраивались обыкновенно школьнімъ начальствомъ для обученія ввѣренныхъ ему воспитанниковъ иностраннымъ языкамъ; при такихъ условіяхъ ученики получали лишь крайне скучныя, случайныя и поверхностныя свѣдѣнія о политикѣ, не имѣвшія большаго значенія въ дѣлѣ ознакомленія ихъ съ юридическими науками³⁾). Такимъ образомъ, кадетскій корпусъ былъ единственнымъ училищемъ, въ которомъ возможно было ознакомиться съ теоретическими основаніями современного права и „политики“.

Попытка ввести преподаваніе юридическихъ наукъ въ высшую школу съ общеобразовательнымъ курсомъ не профессионального характера оказалась еще менѣе удачною. Уже въ 1724 году въ будущемъ академическомъ университетѣ предположено было между прочимъ учредить каѳедру „права натуры и публичнаго купна съ политикою и этикою“⁴⁾; лишь гораздо позднѣе во время завѣдыванія своего университетомъ (1758—1765 г.) Ломоносовъ подраздѣлилъ его

¹⁾ Гр. Д. Толстой, Ор. cit., стр. 35—36.

²⁾ Такъ напримѣръ, известный трактатъ Штрубе де Пирмона подъ заглавиемъ: „Introduction à la jurisprudence naturelle, 1767“ написанъ былъ имъ специально для преподаванія въ кадетскомъ корпусѣ.

³⁾ Обычай этотъ существовалъ въ петербургскомъ пансіонѣ Ферре (А. Болотоѳ, Жизнь и приключенія, I, 107) и въ гимназіи при московскомъ университѣтѣ (С. Шевырьевъ, Ист. Моск. унив.-стр. 43), введеніе было и въ университетское преподаваніе (ib., стр. 188). Его придерживались также при воспитанії писаревича Павла (С. Порошинъ, Записки, стб. 40, стр. 126 и 261). Академикъ Бекенштейнъ на своемъ публичномъ курсѣ при Академіи приобщгалъ къ чтенію вѣдомостей „вѣроятно для объясненія генеалогической исторіи владѣтельныхъ домовъ“ (М. Владимірскій-Будановъ, ор. cit., стр. 186). Кн. М. Щербатовъ соѣтывалъ читать „вѣдомости“ для практическаго упражненія въ географіи (ж. М. Щербатовъ, О способахъ преподавать разныя науки, въ Имп. Публ. Библ. Эрмитаж. бібл., № 128, л. 54).

⁴⁾ П. С. З., т. VII, № 4413 (1724 г. января 28); ср. регламентъ академіи 1725 г. въ Лѣт. рус. лит., ч. V, отд. III, стр. 7.

на три факультета, однимъ изъ которыхъ оказался юридический¹⁾. Но академики: Бекенштейнъ, „не имѣвшій о русскомъ правѣ никакого свѣдѣнія“, и Штрубе, читавшій права: натуральное и народное²⁾ едва ли находили достаточное количество слушателей: несмотря на старанія академіи привлечь студентовъ не только изъ академической гимназіи, иногда по нѣсколько лѣтъ сряду не выпускавшей ни одного ученика въ студенты, но и изъ другихъ учрежденій, какъ то: кадетскаго корпуса и семинарій, число ихъ было очень незначительнымъ по количеству и по качеству: при Ломоносовѣ университетъ не бреагаль даже „солдатскими дѣтьми“, а княгиня Дацкова застала въ немъ всего два студента; они должны были „упражняться на дому“ у княгини въ „письмѣ и переводахъ“, а также выполнять „разныя канцелярскія порученія“³⁾. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ лекціи иногда не могли состояться, какъ по небрежности профессоровъ, такъ и по недостатку въ студентахъ⁴⁾; но и въ противномъ случаѣ результаты подобного рода занятій были, вѣроятно, довольно сомнительного свойства. Наконецъ и публичные лекціи Бекенштейна, а также Штрубе по натуральному и народному праву едва ли имѣли успѣхъ⁵⁾.

Какъ видно, и эта попытка ввести теоретическое преподаваніе права въ систему высшаго и общаго образованія, свободнаго отъ принудительности, не можетъ быть названа удачною: она не могла привести къ плодотворнымъ результатаамъ въ виду того, что связанныя съ нею система не находила еще прочныхъ оснований въ средней школѣ и должна была уступить первое мѣсто професиональному образованію, прохожденіе котораго доставляло молодымъ людямъ служебныя преимущества.

¹⁾ Гр. Д. Толстой, Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи въ Сбор. отд. рус. яз. и слов., т. XXXVIII, стр. 54.

²⁾ Въ 1757 г. канцелярія Академіи требовала, чтобы Штрубе читалъ натуральнное право „вмѣсто гражданскаго“. Позднѣе, можетъ быть, Козицкой замѣнилъ Штрубе; см. гр. Д. Толстой, Ор. cit., ibid., стр. 46 и 55.

³⁾ Гр. Д. Толстой, Ор. cit., стр. 56 и 61; Ею же, Академическая гимназія и пр., ib., стр. 46.

⁴⁾ Гр. Д. Толстой Ор. cit., стр. 3, 4, 7, 14, 21, 30, 36, 42, 45, 47, 67. Ею же, Вглядъ на учебную часть въ Россіи, ibid., стр. 9, 11, 12.

⁵⁾ Бекенштейнъ дважды прочелъ курсъ по „institutiones juris“, по „ius publicum imperii germanici“ и „introductio ad praxin forensem“. Штрубе кромѣ публичного курса читалъ приватный по государственному и международному праву (П. Некарский, Ист. академіи наукъ, т. I, стр. 326, 328, 337, 359, 360, 677—678).

Каково бы ни было юридическое образование, предлагаемое въ перечисленныхъ выше учебныхъ заведеніяхъ, его, во всякомъ случаѣ, получали немногіе. Судя по сказкамъ 1759—1761 гг., напримѣръ, лишь самый незначительный процентъ молодыхъ дворянъ попадалъ въ такія учрежденія, какъ кадетскій корпусъ или университетъ, гдѣ и позднѣе на юридическомъ факультетѣ оказывалось иногда (въ 1765 г.) по одному студенту. Большинство же недорослей поступало въ артиллерійскую школу и рѣже въ морской корпусъ; еще менѣе ихъ приходилось на долю инженернаго корпуса и школьнаго: морской и гарнизонной. Ученіки всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній не получали, конечно, никакого историческаго и юридического образованія¹⁾.

Нельзя не замѣтить, при этомъ, что за исключеніемъ немногихъ представителей русского общества эпохи реформъ, наставившихъ на его необходимости²⁾, остальные, вѣроятно, были еще слишкомъ

¹⁾ Арх. Мин. Юстиц., Книги герольдмейстерской конторы: №№ 51, 52, 53, 54, 55 и 56. *M. Даниловъ*, Записки, стр. 53. Въ кадетскій корпусъ по словамъ И. Шувалова поступали одни бѣдные дворяне (Бумаги И. Шувалова въ *Рус. Арх.* за 1867 г., стб. 70). Объ университетѣ см. *C. Шевырева*, Ист. Моск. унив., стр. 132. — Въ 1763 г. у Дильтея училось 7 человѣкъ; въ 1767 г. послѣ того, какъ 18 студентовъ взято было изъ университета въ коммиссію о составленіи проекта Нового Уложенія, ихъ осталось на юридическомъ факультетѣ всего четверо (*Ibid.*, стр. 76 и 166). Ср. С. Р. И. О., XXXII, 434; XLIII, 4, 8 и 371.—Академикъ Фишеръ называлъ русскихъ дворянъ „невѣждами и неучами“ (*Гр. Д. Толстой*, Академический университетъ и пр. въ Сбор. отд. рус. яз. и слов., т. XXXVIII, стр. 52). Припоминая извѣстный разказъ Д. фонъ Визина о поспѣшности, съ какою отецъ его отдалъ сыновей въ университетъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что старикъ И. фонъ Визинъ „былъ не въ состояніи занимать для дѣтей учителей для иностраннѣхъ языковъ“ (*Д. фонъ Визинъ*, Чистосердчное признаніе, въ „Сочиненіяхъ“, 3 изд. А. Смирдина, С.-Пб. 1852 г., стр. 498; ср. стр. 505).

²⁾ Составитель предисловія къ русскому переводу „введенія въ гисторію Европейскую С. Пуффендорфа“ (С.-Пб. 1718 г., стр. 5) іером. преф. Газріль писалъ, напримѣръ, слѣдующее: „Ясно вѣйти, аби перстомъ показуя, яко неизреченную пользу необъятнѣй пожітокъ вѣйти при кормілѣ правленія сідящими и онаго же отъ младыхъ ногтей пріобучающимся чтеніе и разумѣніе историческое содѣживаетъ“. Это общее положеніе доказывается множествомъ примѣровъ и выписокъ на стр. 5—7 того же труда.—Ср. *И. Порошковъ*, Соч., изд. М. Погодинымъ, М., 1842 г., I, 175—176. *В. Татищевъ*, Разсужденіе о ревизіи и о бѣглыхъ въ соч. *Н. Попова*: Татищевъ и его время, прил., стр. 719 и 771—772; примѣръ изъ Судеб., *ibid.*, стр. 785. *Кн. А. Камтесиръ* въ И. Р. С. Соловьевъ, т. XVIII, 187. *А. Волынский*, Проектъ въ ст. *Д. Корсакова*: А. П. Волынский въ Древ. и Нов. Рос., 1877 г., № 8, стр. 292. *Гр. Остреманъ*, Представленіе и проч. въ Пам. Нов. Рус. Ист., т. III, стр. 261 и др.; см. также указы этого времени въ П. С. З. *passim*.

мало подготовлены къ воспріятію отвлеченныхъ ученій о правѣ, выработанныхъ западно-европейскою наукой, и оказывались не способными ни пополнить пробѣлы школьнаго образованія, ни исправить его недостатки ¹⁾). Такимъ образомъ, лица, не побывавшія въ одной изъ выше перечисленныхъ школъ, оказывались въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишенными всякихъ теоретическихъ знаній, хотя бы и самыхъ элементарныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ основаній предполагать чтобы, въ низшихъ классахъ населенія, кромѣ дворянскаго, по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ XVIII столѣтія образованіе стояло выше того уровня, на какомъ оно держалось среди дворянства ²⁾). А между тѣмъ многіе изъ дворянъ конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка не умѣли еще ни читать, ни писать. Судя по сказкамъ недорослей, явившихся въ герольдію на смотръ 1761 года, и дворянскимъ наказамъ 1767 г., число такихъ лицъ колебалось между 2,9% и 17,0%, такъ что среднее количество дворянъ, лишенныхъ первоначальнаго образованія, можетъ быть не выходило за указанные предѣлы ³⁾). При этомъ многіе дворяне, конечно, кромѣ

¹⁾ И. Полосковъ въ наставленіяхъ сыну о „мірскомъ житіи приказномъ“ ни одного слова не говорить о необходимости теоретического образования, нужнаго для отправленія приказной должности (*И. Полосковъ, Завѣщаніе отеческое*, изд. Е. Прилежаева, С.-Пб. 1893 г., стр. 172—206).

²⁾ С. Р. И. О., XLIII, 258 и 350; LXVIII, 517. „Купцы, писаль новгородскій губернаторъ Сиверсь императрицѣ, сами безъ воспитанія были, такъ и дѣтей своихъ теперь не воспитываютъ. Торговля ихъ производится безъ всякаго порядка, рѣдко съ запискою, безъ книгъ и почти безъ счетовъ“. (*С. Соловьевъ, И. Р., XXVII, 411*). Въ 1765 г. Г. Н. Тепловъ, специалистъ по вопросамъ о русской коммерціи, весьма неблагонрѣпто отзывался о ней (*С. Порошинъ, Записки*, стб. 397). Главный магистратъ въ 1767 г. признавалъ дворянъ за людей „больше свѣдущихъ законы, нежели купечество“ (*С. Р. И. О., XLIII, 258*). Таковъ же отзывъ кн. М. Щербатова (*Кн. М. Щербатовъ, Размышленія о законодательствѣ вообще въ Соб. соч.*, изд. подъ ред. И. Хрущова, т. I, С.-Пб. 1896 г., стб. 402). Вышесказанное не противорѣчитъ замѣчанію, сдѣланному въ предисловіи къ 3-му, 4-му и 5-му изданіямъ Живописца объ охотѣ мѣщанъ къ чтенію русскихъ книгъ: оно относится къ нѣсколько позднѣйшему времени и имѣть въ виду такія книги, какъ „Юности честное зерцало“, „Синоністъ“, „Троицкую исторію“ и т. п.

³⁾ Отдельные примѣры и неопределенные свѣдѣнія см. хотя бы въ слѣдующихъ источникахъ: *А. Болотовъ, Жизнь и приключенія*, т. I, стб. 155 и т. II, стб. 442; *С. Р. И. О., IV, 468; XIV, 442 и 495; LXVIII, 658; XCIII, 420 и 560*.—Болѣе точныя указанія собраны въ приложеніи I.

самаго элементарнаго образованія „ничему учены не были“¹). Недивительно, что при такихъ условіяхъ среди представителей русскаго общества, собравшихся въ комиссію о составленіи проекта новаго уложенія, многіе еще обнаруживали отсутствіе самыхъ элементарныхъ знаній по части русскаго законодательства²) и очень мало были знакомы съ общими началами права.

За недостаткомъ русскихъ оригинальныхъ сочиненій по исторіи и догмѣ отечественнаго права, изученіе русскими дѣятелями „корпуса правъ Іустиніановыхъ“, а также трудовъ Юста Липсія, Гуго Гроція, Пуффендорфа, Томазія и другихъ могло бы нѣсколько пополнить пробѣлы школьнаго преподаванія³). Эти книги дѣйствительно попадались въ нѣкоторыхъ изъ библіотекъ того времени; ихъ можно было

¹⁾ М. Даниловъ, Записки, М. 1842 г., стр. 26, 38—44. А. Болотовъ, Жизнь и приключенія, т. I, стб. 212; т. II, стб. 355, 356 и 359. Трутень 1769 года, стр. 50, 125; Животисегъ, ч. 1, изд. 2-е, стр. 128—130. И то и сѣ, Нед. 42 и др.

²⁾ С. Р. И. О., IV, 81, 218 и 391; VIII, 246, 296—299, 313, 321 и 378, XIV, 64, 180—181, 213 и 492; XXXII, 383; LXVIII, 633.

³⁾ Въ силу указа 11-го июня 1718 года академія должна была между прочимъ заботиться о переводе книгъ по юриспруденціи (П. С. З., т. V, № 3208). Сочиненіе Юста Липсія (*Politicorum sive civilis doctrinae libri sex*, 1589) переведено на русскій языкъ іер. Кохановскимъ въ 1721 г.; его „увѣщанія и приклады политическіе и проч.“ ходили во многихъ спискахъ, но, повидимому, не были изданы. Трудъ Гуго Гроція (*De jure belli ac pacis libri III*, 1625) былъ напечатанъ въ русскомъ переводе подъ заглавіемъ: „О законахъ браны и мира три книги“ въ первой четверти XVIII столѣтія; въ 1757 г., Волчковъ снова принялъся за переводъ того же сочиненія (С. Соловьевъ, И. Р., XXVI, 268). Быть можетъ это тотъ же Волчковъ, о которомъ упоминаетъ А. Болотовъ въ запискахъ (Жизнь и приключенія, т. II, стб. 210). Даѣте *Puffendorf's Einleitung zur Historie der vorgnehmsten Staaten in Europa* въ переводѣ Г. Бужинскаго выдержанала два изданія (1718 и 1724 г.) и еще разъ переведена была Б. Волковымъ съ примѣчаніями и политическими разсужденіями (изд. 1767—1777 г.). На русскомъ языкѣ можно было читать и другія сочиненія С. Пуффендорфа, напримѣръ, „О законахъ естества и народовъ книги 2, 3, 6 и 7 (*De jure naturae et gentium libri VIII*, 1672) и „о должностахъ человѣка и гражданина“ (*De officiis hominis et civis*, 1673); послѣдняя книга была переведена Іосифомъ Кречетовскимъ (или Кречетовымъ) къ началу 1724 года. (См. вообще П. Пекарскую Наука и Лит., I, 138, 213, 219, 255—256, 324—326 и II, 437—438. И. Чистовичъ, Феофанъ Прокоповичъ и его время, Спб., 1868 г., стр. 329—330). Русскіе переводы работы Томазія (*Fundamenta juris naturae et gentium*, 1605) не попадались В. Соловьеву, А. Смирдину и П. Пекарскому. Кромѣ указанныхъ въ текстѣ, извѣстны были, конечно, и другія сочиненія, напримѣръ, труды Макіавелли, Бесселя, Бекмана, Фельвингера и Вернулья, а также словарь Морери.

найдти, напримѣръ, у Ф. Прокоповича и Ф. Яновскаго ¹), гр. Я. В. Брюса ²) и гр. А. А. Матвѣева ³), кн. Д. Голицына ⁴) и А. П. Волынскаго ⁵), а также въ кабинетѣ В. Н. Татищева ⁶); въ нихъ иногда заглядывали владѣльцы перечисленныхъ хранилищъ или ближайшіе ихъ друзья. Но все же капитальныя произведенія западно-европейской литературы не находили достаточно обширнаго круга читателей, способныхъ самостоятельно отнестись къ ихъ содержанію ⁷): пользованіе такими сочиненіями оказывалось не по силамъ для большинства русскихъ людей и неспособно было замѣнить, хотя бы въ извѣстной мѣрѣ, образованіе, получаемое немногими изъ нихъ въ школѣ.

Реформа юридического образованія въ первой половинѣ XVIII вѣка, какъ видно, не могла еще привести къ плодотворнымъ результатамъ: отличаясь значительною поверхностию, она не встрѣчала и въ русскомъ обществѣ достаточной подготовки для того, чтобы воспринять и исправить ее.

¹) Въ библіотекѣ Ф. Прокоповича было до 512 юридическихъ сочиненій (*Н. Бокачевъ*, Описи рус. библіотекъ, Спб. 1890, № 435. Ср. *И. Чистовичъ*, Феофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 652). Собрание Ф. Яновскаго—одна изъ наиболѣе полныхъ юридическихъ библіотекъ первой четверти XVIII столѣтія. См. Россійскую библіографію Гартье, 1880 г., № 55, стр. 100—102.

²) Лѣт. Рус. Лит., ч. I, стр. 28—56. Въ библіотекѣ гр. Я. В. Брюса, конечно, большинство книгъ не юридического содержанія: встрѣчаются только труды Гоббеса, Локка и Пуффендорфа.

³) Лѣт. Рус. Лит., ч. V, стр. 57—80. Въ числѣ книгъ гр. А. А. Матвѣева. встрѣчаются еще и другія, напримѣръ, соч. Дома и словарь Морери.

⁴) К. Калайдовичъ и П. Строевъ, Описаніе славяно-rossійскихъ рукописей гр. Ф. Толстова, стр. XXVII—XXVIII. Свѣдѣнія о библіотекѣ кн. Д. М. Голицына не полны (см. В. Татищева, Ист. Рос., ч. I, стр. 62). Опись части библіотеки см. въ Матеріалахъ для исторіи Имп. академіи наукъ, т. IV, Спб. 1887 г., стр. 178—190. Здѣсь между прочимъ встрѣчается и рукописный переводъ сочиненія Локка „о правлениі гражданскомъ“.

⁵) Д. Корсаковъ, А. П. Волынскій въ *Древ. и Нов. Рос.*, 1877 г. №, 8, стр. 288.

⁶) Н. Поповъ, В. Н. Татищевъ и его время, стр. 431—438.

⁷) „Было-бы одинаково смѣшно, писать Д. Макартней 22-го февраля 1766 г., цитировать Кларка и Пиллотона передъ константинопольскимъ диваномъ, какъ ссыпаться въ разговорѣ съ русскими министрами на авторитетъ Гуго Гроцуса или Пуффендорфа“. (*Рус. Стар.*, 1896 г., № 2, стр. 411). Отзывы Д. Макартнея, впрочемъ, отличаются иногда чрезмѣрною рѣзкостью. Такіе люди, какъ Добрынинъ, хотя и читали кое-что, но почти незнакомы были съ интересующею насть литературой (*Г. Добрынинъ*, Записки въ *Рус. Стар.*, т. IV, стр. 112, 135, 183, 313, 359, 365 и 367). А. Болотовъ также въ этомъ отношеніи едва ли пошелъ дальше Добрынина.

II. Пробужденіе общественнаю интереса къ изученію права вообще и національнаю законодательства въ частности во второй половинѣ XVIII столѣтія.

Нельзя сказать, однако, чтобы во второй половинѣ XVIII столѣтія русские люди не чувствовали никакой потребности въ болѣе широкомъ теоретическомъ образованіи. Составители наказовъ 1767 года, напримѣръ, иногда извинялись передъ правительствомъ „за ту непорядочность и разсѣянность, какая по непривычкѣ ихъ въ семъ упражненіи окажется во всеобщемъ ихъ прошеніи, принадлежащемъ до многихъ частей въ поправленіи“: а въ другихъ случаяхъ высказывали общее положеніе, въ силу котораго „каждое дѣло желающей и имѣющей знаніе и склонность, дѣйствительное съ успѣхомъ исполнять можетъ, предъ невѣдомымъ и неимѣющимъ понятія“¹⁾). Поэтому, многіе изъ депутатовъ требовали устройства разнаго рода учебныхъ заведеній по многимъ городамъ имперіи, а члены „комиссіи обь училищахъ“ составили любопытный проектъ о введеніи всеобщаго обязательнаго обученія²⁾). Охота къ чтенію также видимо стала крѣпнуть³⁾.

¹⁾ С. Р. И. О., IV, 412 (наказъ отъ Тульскаго дворянства); VIII, 530 (наказъ отъ Дѣдиловскаго дворянства, ст. 14); XIV, 56; XIV, 376 (наказъ отъ Нековскаго дворянства, ст. 1). Любопытно въ этомъ отношеніи письмо Вильбоа къ А. И. Бибикову по поводу избрания его, А. Вильбоа, въ члены частной комиссіи о разсмотрѣніи юстиціи. „Долгъ искренности моей есть; писать онъ маршалу, Вамему Превосходительству объявить, что себя къ тому способнымъ или полезнымъ отнѣдь не нахожу; изѣясненіе толь меныше сумнительное, сколь мнѣ не величательное. Я, никогда не бывъ въ случаѣ обучить юриспруденцію и познать разныя роды правовъ, съдѣствіенно свидѣтельствовать и распоряжать онныя искунсныя быть не могу (Арх. Госуд. Сов., К. О., № 132, 1767 г. октяб. 1, дѣла част. ком., № 17). „Къ сожалѣнію, замѣчаетъ В. И. Сергеевичъ, не всѣ такъ добросовѣстно относились къ своему дѣлу, какъ Вильбоа“ (В. Сергеевичъ, Откуда неудача Екатерининской законодательной комиссіи?, въ В. Е., 1878 г., № 1, стр. 223). Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что приведенное выше письмо написано какъ разъ въ то время, когда между представителями остзейскихъ провинцій и русскими депутатами произошли разногласія по поводу привилегій остзейскаго дворянства (С. Р. И. О., IV, 220—221). Къ такому же способу дѣйствія лифляндское дворянство прибѣгло при выборѣ предводителя дворянства въ 1769 года (С. Соловьевъ, И. Р., XXIX, 1004).

²⁾ С. Р. И. О., т.т. IV, VIII, XIV, XXXII, XXXVI, XLIII, LXVIII и XCIII, passim. Замѣчательные проекты по учебной части, выработанные частною комиссіей обь училищахъ и хранимые нынѣ въ Арх. Госуд. Сов., изложены гр. Д. Толстымъ въ соч.: Вглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII ст. до 1782 года въ Сб. отд. рус. яз. и слов., т. XXXVIII, стр. 63—73.

³⁾ И. Неплюевъ, Записки, изд. 1893 г., стр. 180. А. Болотова, Жизнь и приключ-

Подобное настроение благопрятствовало насаждению образованія въ Россіи. Мысль о томъ, что безъ просвѣщенія вообще и юридического образованія въ частности нельзя пользоваться и „вольностями“, становилась общимъ мѣстомъ въ преніяхъ, происходившихъ между членами комиссіи 1767 г. и, можетъ быть, еще болѣе окрѣпла благодаря ея дѣятельности. „До тѣхъ поръ“ писалъ, напримѣръ, одинъ изъ депутатовъ, „пока просвѣщеніе и познаніе въ самыхъ младыхъ лѣтахъ чрезъ приличныя каждому роду наставлениія распространено и какъ разумъ, такъ и нравы простаго народа подобно знатному просвѣщены и поправлены не будуть, мы и никакого сущаго и полезнаго отъ всѣхъ установленыемъ законовъ и учрежденій, вольностей и преимуществъ ожидать не можемъ“ ¹⁾). Другіе утверждали, что достоинъ пользоваться вольностью и собственностью лишь тотъ, кто выйдетъ изъ тьмы невѣжства и что „просвѣщеніе показываетъ намъ между прочимъ долгъ къ обществу“ ²⁾); третыи разсуждали о томъ, какъ наука порождаетъ съблюденіе законовъ ³⁾.

Потребность въ общемъ юридическомъ образованіи могла, конечно, не сколько развиться и подъ вліяніемъ такихъ фактовъ, какъ составленіе „кондицій“ 1730 года или проекта 1762 года о государственномъ совѣтѣ; но она все еще очень слабо сказывалась въ небольшомъ кружкѣ лицъ до тѣхъ поръ, пока не получила болѣе широкаго распространенія и не опредѣлилась подъ вліяніемъ перемѣнъ,

ченія: т. I, стб. 700, 814, 961; 741, 873, 815—828, 862—863, 895, 897, 959, 981; 877, 878, 972, 985, 996; т. II, ст. 35, 148, 159, 297, 357, 388, 409, 443, 555, 577, 584, 605; т. III, 1087; 186, 678 и 927; т. IV, 1132; 129, 795 и 808, а также многія другія. Г. Добрининъ, Записки въ *Рус. Стар.* за 1871 г., т. IV, стр. 341. Д. фонъ Визингъ, Чистосердечное признаніе въ Сочиненіяхъ, изд. 3 А. Смирдина, Спб. 1852, стр. 490. С. Р. И. О., IV, 151; 179—180 и 381; VIII, 349 и 401.—П. С. 3., т. XVI, стр. 749, ст. 11; т. XVII, стр. 969, ст. 10; т. XIX, стр. 678, ст. 8.—Живописецъ, предисловіе къ 3, 4 и 5 изданіямъ. И. Хемницеръ, Памятная книжка въ *Рус. Стар.* за 1872 г., т. V, стр. 616.—Д. Казанова, Записки въ *Рус. Стар.* за 1874 г., т. IX, стр. 540—541.—Донесеніе рижской цензуры о степени распространенности сочиненій Вольтера и Руссо въ *Рус. Стар.* за 1875 г., т. XIV, стр. 457—458. С. Соловьевъ, И. Р., XXVI, 180.

¹⁾ Д. Ренненкампфъ, Мнѣніе на проектъ правамъ благородныхъ въ С. Р. И. О., XXXVI, 413.

²⁾ С. Р. И. О., XXXII, 457 (мнѣніе депутата отъ Серпейскаго дворянства графа Строганова); XXXII, 521 (мнѣніе депутата отъ Клинскаго дворянства П. Орлова).

³⁾ С. Р. И. О., XIV, 117 (мнѣніе депутата отъ Уфимскаго казачьяго войска Прокофія Бурцева).

происшедшихъ въ общественномъ строѣ Россіи за XVIII вѣкъ, и благодаря просвѣтительнымъ началамъ внутренней политики императрицы Екатерины II въ первые годы ея царствованія.

Съ точки зрењія личныхъ и имущественныхъ правъ знанія по части юриспруденціи казались необходимыми для каждого. „Граждане, писалъ Шаденъ, при множествѣ законовъ (и при отсутствіи какого-либо, хотя бы внѣшнимъ образомъ объединяющаго ихъ справочнаго пособія) по развлечениіи мыслей и по разсыпаніи вниманія союзы свои съ гражданствомъ и состояніе свое теряютъ, откуда происходитъ множество тяжбъ и самая погибель общества, если бы не было оное соблюдаемо другими средствами“¹⁾. Знаніе законовъ могло, по мнѣнію нѣкоторыхъ, устранить многія изъ такихъ послѣдствій. На это уже указывалъ В. Н. Татищевъ, совѣтовавшій „съ младенчества“ учить „главныя должности изъ законовъ“ и „форму суда“²⁾. „Познаніе свято почитаемыхъ законовъ, говорилъ одинъ изъ членовъ комиссіи 1767 года, на ряду съ прочими знаніями въ сердцѣ всякаго изъ смертныхъ внушиТЬ и впечатлѣТЬ надлежитъ. А сего преизящнаго и неоцѣненнаго дара благоденствіе любезнаго отечества, гласъ усердныхъ гражданъ и польза всякаго, просвѣтить себя хотяЩаго, требуютъ“³⁾. Гораздо яснѣе тѣ же мысли формулировалъ исторіографъ кн. М. Щербатовъ и наши юристы: Десницкій и Польиновъ. Взгляды ихъ по этому вопросу состоять въ слѣдующемъ. „Справедливо разумѣемая свобода всякаго гражданина, живущаго въ подзаконномъ обществѣ, состоитъ въ правѣ дѣлать все то, что дозволено закономъ, а для этого знаніе закона — необходимо“. Но не въ этой одной возможности превращать объективное право въ субъективное состоитъ польза юридическихъ знаній: они имѣютъ значеніе и въ другихъ отношеніяхъ. Познаніе законовъ открываетъ возможность каждому „другимъ не дать воспользоваться своимъ неувѣдѣніемъ, да и самому по невѣдѣнію не впасть въ проступокъ“; въ самомъ дѣлѣ, „во всякомъ благоучрежденномъ правлѣніи, выключая немногихъ, никому почти не дозволяется въ законопреступленіяхъ оправдывать себя незнаніемъ закона“⁴⁾; слѣдовательно, всякъ вообще

¹⁾ *Schaden, De anima legum*, 1767, русск. пер., стр. 25—26.

²⁾ *V. Татищевъ*, Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ, стр. 153—154.

³⁾ С. Р. И. О., VIII, 557 и XXXII, 453 (извѣніе депутата отъ пахотныхъ солдатъ Нижегородской провинціи И. Жеребцова); XLII, 357 (наказъ отъ Главной Полиціи, ст. 374); П. С. З., т. XVII, № 12741.

⁴⁾ Эта точка зрењія уже ясно выражена во многихъ изъ указовъ начала XVIII вѣка; ссылки собраны З. Горюшкинымъ, Op. cit., т. I, стр. 16—23.

обязуется знать законъ свой, дабы и неумышленнымъ поползновеніемъ противъ онаго не подвергнуть себя его истязанію¹⁾). Въ послѣднемъ случаѣ такая предосторожность казалась тѣмъ болѣе необходима, что „каждый по уголовному дѣлу обвиняемый человѣкъ не имѣлъ права взять“ стряпчаго или совѣтника, который бы могъ спомоществовать ему оправданію²⁾). Вообще каждому „необходимо нужно стараться получить познаніе о законахъ отечества своего, ибо, живъ въ отечествѣ своемъ, необходимо нужно знать, какими законами [онъ] обязанъ къ обществу и къ приватнымъ людямъ, какія за преступленіе оныхъ налагаются наказанія, какіе права имѣть человѣкъ на владѣніе своей собственности и какъ отъ похитителей оную можетъ защитить или самъ несправедливымъ образомъ похитителемъ не учиниться“³⁾.

Итакъ, элементарныя знанія въ области національнаго права, по мнѣнію нашихъ юристовъ второй половины XVIII вѣка, необходимы всякому гражданину не только для пользованія своими правами, но и для того, чтобы возстановлять ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они будутъ нарушены, а также уберегать себя отъ отвѣтственности въ неисполненіи своихъ обязанностей.

Понятіе о лицѣ не успѣло, однако, еще вполнѣ опредѣлиться въ русскомъ правосознаніи XVIII вѣка. Самостоятельное существованіе лица, какъ конечной единицы общественного строенія, вѣтъ словесныхъ группъ казалось невозможнымъ. Хотя эпоха реформъ и подготовила тѣ материальная и культурная условія, въ которыхъ могла съ теченіемъ времени развиться свободная человѣческая личность, а теоріи естественного права способствовали эволюції понятія о личныхъ и имущественныхъ правахъ⁴⁾), тѣмъ не менѣе лицо въ право-

¹⁾ С. Десницкій, Op. cit., ibid., стр. 345—346. А. П(ольноевъ?), Предисловіе къ русскому переводу разсужденія короля Фридриха о причинахъ установления или уничтоженія законовъ (С.-Пб. 1769 г.), стр. 4. Кн. М. Щербатовъ, Путешествіе въ землю Офирскую и пр. въ Соб. соч., т. I, стб. 953.

²⁾ Кн. М. Щербатовъ, Размышленіе о законодательствѣ вообще въ Соб. соч., т. I, стб. 417. Такой же порядокъ существовалъ и въ западно-европейской уголовной практикѣ; см., напримѣръ, А. Eustein, Cours, 2 éd., pp. 784, 787 et 791.

³⁾ Кн. М. Щербатовъ, О способахъ преподавать разныя науки, рук. въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Эрмитаж. библ., № 128, стр. 109.

⁴⁾ В. Золотницкій, Сокращеніе естественного права, выбранное изъ разныхъ авторовъ для пользы Россійского Общества, С.-Пб., 1764 г., стр. 6 и passim. Указанное руководство — первая русская компиляція по естественному праву; ср. ниже гл. IV.

выхъ теоріяхъ прошлаго вѣка надѣлялось позитивными правами лишь настолько, насколько принадлежало къ той или другой изъ этихъ группъ. „Всякій, говорили избиратели 1767 г., по должности и званію своему собственное свое имѣеть право“¹⁾). При такихъ условіяхъ знаніе даннымъ лицомъ своихъ правъ сводилось не столько къ ознакомленію его съ правомъ „общимъ всѣмъ родамъ“, сколько съ правомъ, а иногда и преимуществами, именно того рода, къ какому оно принадлежало. А между тѣмъ объемъ такихъ „частныхъ“ правъ далеко еще не установился. Потребность въ разграничениіи сталкивавшихся между собою сословныхъ интересовъ ярко обнаружилась на засѣданіяхъ въ комиссіи 1767 — 1774 гг.²⁾ и получала такимъ образомъ жизненное значеніе, что замѣтно усиливала стремленіе русскихъ людей ознакомиться съ отечественнымъ правомъ и переработать его въ указанномъ направлениі.

Избиратели и депутаты 1767 года, напримѣръ, не разъ высказывали мысль, что *каждое* изъ сословій, на которыхъ раздѣлено русское общество, имѣеть „собственное свое право“ и „знаніемъ своихъ правъ должно содѣствовать общему благополучію“³⁾). Члены дирекціонной комиссіи выражали пожеланіе, „чтобы все и каждый по своему состоянію точно вѣдалъ, въ чёмъ состоять его права и обязанности, какъ пользоваться первыми и исполнять другія“⁴⁾). По обнародованіи манифеста о вольности дворянской, учрежденія о губерніяхъ, а затѣмъ и жалованной грамоты 1785 года знанія подобного рода, разумѣется, должны были приобрѣсти особенно важное значеніе для дворянства. Уже Татищевъ замѣтилъ, что „законовъ своего государства хотя всякому подзаконному учиться надобно, но шляхетству есть необходимая нужда..., понеже шляхтичъ всякой по природѣ судія надъ своими холопи и рабами и крестьяны, а потомъ можетъ по заслугѣ чинъ судій нести яко въ войскѣ, тако и въ гражданствѣ“⁵⁾.

¹⁾ С. Р. И. О., ХСН, 517.

²⁾ Въ комиссіи 1767 г. „нѣкоторые казаки и крестьяне предложеніями своими почти и воздухъ дышущій у дворянъ и купцовъ хотѣли отнять; тамъ купцы старались распространить свои права съ ущербомъ правъ дворянъ и, землемѣдѣльцевъ; наконецъ и дворяне „захватчивость надъ правами другихъ оказали“. (Кн. М. Щербатова, Соб., соч., С.-Пб. 1896 г., стр. 361).

³⁾ С. Р. И. О., IV, 97 (мнѣніе кн. М. Щербатова); ХСН, 511 (наказъ Одоевского купечества); 517 (наказъ Нерехтскаго купечества).

⁴⁾ С. Р. И. О., XXXII, 169 и 575.

⁵⁾ В. Татищевъ, Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ, стр. 153.

Это мнѣніе продолжали повторять и во второй половинѣ XVIII вѣка. Дворяне и вотчинники, „число которыхъ, по словамъ С. Десницкаго, составляетъ общество наиважнѣйшее въ Россіи и наиболезнѣйшее“, постоянно принуждены вступать въ сдѣлки касательно своихъ имѣній и заводить тяжбы съсосѣдями; все это требуетъ со стороны дворянъ знанія законовъ. Еще важнѣе то, что дворянинъ въ деревнѣ своей сдѣланъ не только властелиномъ, но и судьею и отвѣтчикомъ, который по россійскому закону долженъ отвѣтить за поступки крестьянъ своихъ; а благоразуміе правленія не въ другомъ какомъ намѣреніи даетъ ему надъ крѣпостными толикую власть, какъ съ тѣмъ, чтобы тѣ, кои наибольше къ неустройству склонны, имъ же упраляемы, укрощаемы и удовлетворяемы были расправою домашнею, для соблюденія всеобщей тишины и порядка въ государствѣ¹⁾).

Знаніе „своего“ права, основанного на законѣ, какъ видно, получало во второй половинѣ XVIII вѣка утилитарное значеніе и для каждого сословія порознь, и для всего „гражданства“ въ цѣломъ, способствуя этимъ самимъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ „благосостоянію“ государства²⁾). При такихъ условіяхъ ранѣе указанная нами потребность въ юридическомъ образованіи квалифицировалась: изъ общаго, слабаго и мало опредѣленного стремленія она переходила въ ясно выраженное желаніе специальнно ознакомиться съ національнымъ и позитивнымъ правомъ.

Знанія подобнаго рода казались желательными не только съ общественной, но и съ офиціозно-политической точки зрењія. Образо-

¹⁾) С. Десницкій, Юридическое разсужденіе о пользѣ знанія отечественнаго законоискусства и о надобномъ возобновленіи оного въ государственныхъ высокоправительственныхъ училищахъ (1778 г. апр. 22). Первоначально это сочиненіе появилось отдельною брошюрою (1778), удостоившееся похвального отзыва со стороны С.-Петерб. Вѣстника (1778 г., ч. II, стр. 49—55), а затѣмъ перепечатано въ Рѣчахъ, произведенныхъ въ торжественныхъ собраніяхъ Московскаго университета, изд. Общ. Любит. Рос. Слов., ч. IV, М., 1823, стр. 347. Издатели Спб. ученыхъ вѣдомостей замѣчаютъ: „Мы бы желали, дабы потрудился кто нибудь собрать и издать особою книжкою права и преимущества дворянъ россійскихъ къ пользѣ единоземцевъ нашихъ“ (С.-Пб. учен. вѣд. за 1777 г., № 21, изд. 2-е, стр. 160).

²⁾) „Благосостояніе государственное требуетъ возможнаго уравненія его членовъ“ (мнѣніе С. Нарышкина, депутата отъ Михайловскаго дворянства, въ С. Р. И. О., IV, 205); „благосостояніе нашего отечества должноствуетъ заключаться въ справедливомъ опредѣленіи правъ каждого“ (мнѣніе кн. М. Щербатова, депутата отъ Ярославскаго дворянства въ С. Р. И. О., VIII, 111).

ваніе и юридическое образование въ частности становилось средствомъ для формировки вѣрныхъ и преданныхъ сыновъ отечества. Училища и университеты, по мнѣнию извѣстнаго педагога Шадена, должны развивать въ учащихся чувство чести, которое въ монархіяхъ справедливо называется „душею законовъ“ . „Для этого необходимо преподавать въ училищахъ первыя основанія законовъ, на которыхъ каждое гражданство основано“ ¹⁾... „Всякъ вѣрноподданный, писалъ М. Чулковъ въ предисловіи къ своему „словарю“, какова бы онъ званія, чина и состоянія не былъ, обязанъ знать отечества своего законы“ ²⁾. Въ „Быляхъ и небылицахъ“ изображенъ между прочимъ человѣкъ, который ничего не знаетъ о новѣйшихъ преобразованіяхъ и поэтому корить будто бы ему современные, но на самомъ дѣлѣ давно уже исчезнувшіе порядки ³⁾. Начинали даже сознавать то отвѣтственное положеніе, въ какомъ должностныя лица находились относительно общества. Легкость, съ какою ошибки чиновниковъ ускользали отъ вниманія „публики“, вызывали неодобрение самой императрицы ⁴⁾.

Существовало еще одно соображеніе офиціознаго свойства, не лишенное значенія въ развитіи ідей того же порядка. Челобитныя, подаваемыя просителями въ разныя учрежденія, по мнѣнию составителей первой части уложенія 1754—1766 гг., часто не соотвѣтствовали ихъ вѣдомствамъ. „Того ради, писали члены этой комиссіи, всѣмъ вѣрноподданнымъ духовнымъ и мирскимъ, какого бы кто достоинства и чину ни былъ, для вѣденія именно о всѣхъ учрежденныхъ въ государствѣ правительствахъ и какія до котораго дѣла надлежать въ сей главѣ о каждомъ правительстве порознь показуются“ . Озна-

¹⁾ *Shaden, De anima legum*, 1767 г., рус. пер., стр. 22 и 25. Шаденъ въ данномъ случаѣ нѣсколько отступаетъ отъ взглядовъ Монтескье; по мнѣнию автора „Духа Законовъ“, „ce n'est point dans les maisons publiques où l'on instruit l'enfance, que l'on reçoit dans les monarchies la principale éducation; c'est lorsqu'on entre dans le monde que l'éducation en quelque façon commence. Là est l'école de ce qu'on appelle honneur, le maître universel, qui doit partout nous conduire“ (*Montesquieu, Esprit des loix*, div. IV, Chap. 2, p. 27). Cp. *Schneider, Discours sur l'esprit des lois de M. de Montesquieu ou leçons de jurisprudence universelle*, lues dans l'université de Moscou (на франц. и рус. яз.). М. 1782, p. 26.

²⁾ *M. Чулковъ*, Словарь юридический, М. 1792, ч. I, предисловіе.

³⁾ Собесѣдникъ Люб. Рос. Слова за 1783 г., ч. V, стр. 140—141.

⁴⁾ Г. А., X, 17, л. 6. С. Р. И. О., VII, 88: „Personne, sans exception, n'est hors de la portée du jugement, du mépris ou de l'estime du public“; *Ibid.*, XLII, 458: „L'aisance qu'on a à dérober à la connaissance du public les fautes des juges et autres officiers de la couronne“—по мнѣнию императрицы одинъ изъ недостатковъ законодательства.

ченная глава посвящена была описанію правительственныхъ мѣстъ и ихъ вѣдомствъ¹⁾.

Такимъ образомъ, если съ одной стороны населеніе нуждалось въ знающихъ законы чиновникахъ, то съ другой и эти послѣдніе надѣялись въ чelобитчикахъ встрѣтить лицъ, которые знали бы куда обращаться со своими чelобитными и не затрудняли бы дѣлопроизводство исками, не соотвѣтствовавшими вѣдомствамъ тѣхъ учрежденій, въ которыхъ они были предъявлены.

Юридическое образованіе въ національномъ духѣ могло не только способствовать трезвости общественнаго мiѣнія, но и выгодно отозваться на составѣ правительственныхъ мѣстъ и ихъ дѣятельности, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда приобрѣтало специальную научный характеръ²⁾. Между тѣмъ въ чиновники стали мало по малу попадать лица, болѣе способныя, чѣмъ прежніе старинные подъячие, воспринимать такое образованіе: на гражданскую службу начинали смотрѣть, какъ на пристойную и для дворянства³⁾. Идеи подобнаго рода, конечно, не сразу привились къ русскому дворянству: и во второй поло винѣ XVIII вѣка имъ приходилось бороться со взглядами противоположнаго свойства. Многіе дворяне, по словамъ А. Нарышкина (члена комиссіи 1767—1774 гг.), „готовили себя по возможности и опредѣляли въ военную службу, не помышляя можетъ быть ни мало о томъ, что есть въ государствѣ другія службы“. Депутатъ отъ обоянского дворянства предлагалъ даже дворянамъ „въ службѣ быть по пре жнему записывать ихъ въ солдаты и производить господамъ командующимъ по старшинству безошибочно“, при чемъ дѣйствительно и „не помышляя“ о возможности другого рода дѣятельности для лицъ этого состоянія; его примѣру слѣдовали, конечно, и многіе другіе⁴⁾. Еще въ 1790 г. общее собраніе Московскаго губернскаго правленія съ палатами считало нужнымъ замѣтить, что „согласованіе законодательницы и самое существо достоинства обязуетъ каждого дворянина упражняться *главнѣйши* въ службѣ военной“⁵⁾. Та же точка зрѣнія сказывалась и въ готов-

¹⁾ Г. А., X, 15, бумаги Г. Козицкаго, ч. III, л. 373.

²⁾ Г. А., X, 17, л. 6. С. Р. И. О., VII, 88.

³⁾ Обратный взглядъ ярко выраженъ, напримѣръ, И. Посошковымъ въ Соч., С. I, стр. 93.

⁴⁾ С. Р. И. О., XXXII, 215; ср. IV, 366; Д. Тѣбо, Записки въ *Рус. Стар.* за 1877 г., т. XX, стр. 516; А. Радищевъ, Путешествіе, стр. 154.

⁵⁾ Г. А., XVI, 168, кар. 82, лл. 986 sq.; ср. Г. Добрынинъ, Записки въ *Рус. Стар.* за 1871 г., т. III, стр. 665; А. Радищевъ, Житіе Ф. Ушакова въ „Осьмнадцатомъ вѣкѣ“, изд. П. Бартенева, т. I, стр. 191.

ности нѣкоторыхъ изъ дворянъ признать выслугу лишь въ однихъ военныхъ чинахъ законнымъ источникомъ дворянского достоинства¹⁾. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ сенатъ въ 1767 г. считалъ нужнымъ заботиться о томъ, чтобы никто не имѣлъ *отверашенія* отъ статской службы и просилъ уравнять гражданское чинопроизводство съ военнымъ²⁾). Тѣмъ не менѣе со второй половины XVIII вѣка дворяне стали изрѣдка высказывать и другаго рода взгляды. Этому можетъ быть отчасти способствовали, кромѣ большаго образованія, и перемѣны въ характерѣ военной службы: низшіе чины ея все болѣе заполнялись лицами не дворянскаго происхожденія; при такихъ условіяхъ и военная служба теряла значеніе исключительно дворянской обязанности, становилась и менѣе почетною. По увѣренію членовъ комиссіи о дворянствѣ 1763 г., напримѣръ, „хотя правительства внутреннія государства въ совершенство еще и не пришли, но дворянство Россійское и отъ гражданской службы не удаляется“. „Мечь правосудія, писалъ кн. М. Щербатовъ,.... не долженъ быть иному ввѣренъ, какъ благорожденнымъ“³⁾). Такое „совершенство“ съ дворянской точки зрѣнія, можетъ быть, отчасти наступило съ 1770-хъ годовъ, когда появились указы, водворявши сословную привилегію въ гражданской службѣ и чинопроизводствѣ: въ указѣ 1779 г., напримѣръ, въ числѣ состояній, свободныхъ отъ податныхъ обязанностей (указъ 1771 г.) и пользующихся правами гражданской службы, на первомъ мѣстѣ поставлено дворянство; указомъ 1790 г. имъ предоставлены специальная привилегія по этой части⁴⁾). Указы подобнаго рода должны были, конечно, вызвать въ дворянствѣ большую охоту къ гражданской службѣ, чѣмъ то было раньше, а при такихъ условіяхъ, и составъ присутственныхъ мѣстъ, получалъ, разумѣется, болѣе образованный характеръ.

При этомъ, идея о раздѣльности гражданской службы отъ военной начинала утверждаться въ общественномъ сознаніи. А. Нарышкинъ,

¹⁾ С. Р. И. О., IV, 149; XXXVI, 292 и 300; LXVIII, 611 и 619.

²⁾ С. Р. И. О., XLIII, 10 и 143.

³⁾ Подобныя же мысли уже высказывалъ А. Волынскій (*Д. Корсаковъ*, А. П. Волынскій въ Древ. и Нов. Россіи, 1877 г., № 8, стр. 292), но, кажется, въ виду другихъ цѣлей. Матер. для ист. рус. двор., изд. Н. Калячева, вып. II, стр. 40; кн. М. Щербатовъ, Размышленіе о дворянствѣ въ Соб. соч., т. I, стб. 233; ср., однако, С. Р. И. О., XLIII, 10.

⁴⁾ П. С. З., т. XIX, № 13760 и т. XXIII, № 16930; ср. А. Романовича-Славатинскаго, Ор. cit., стр. 221—225.

одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ большой комиссіи, подобно В. Татищеву, возставалъ, напримѣръ, противъ привычки послѣ долговременной военной службы, за негодность къ ней, переходить въ статскую. Справедливость взгляда, высказанного не только популярнымъ депутатомъ отъ старицкаго дворянства, но и столь же извѣстнымъ представителемъ ярославскихъ дворянъ, кн. М. Щербатовымъ, готовы были признать и нѣкоторые другіе члены русскаго общества того времени. „Статская служба, по мнѣнію одного изъ нихъ, какъ внутри отечества, такъ и при сношеніяхъ съ иностранными державами необходимо нужна, полезна и не безтрудна“ ¹⁾). При такой точкѣ зрењія для отправленія статской службы нужно было имѣть достаточное количество специальныхъ свѣдѣній. Подобного рода мысль, впрочемъ, далеко не новую ²⁾, высказывалъ, напримѣръ, А. Нарышкинъ; для отправленія „другихъ службъ, кромѣ военной“, по его мнѣнію, „въ своемъ родѣ потребны такія знанія, о коихъ заранѣе думать должно“. Начинали убѣждаться въ томъ, что для отправленія гражданской службы нужны люди, „нарочно къ тому пріуготовленные“ ³⁾. Эти знанія, по словамъ И. Бецкаго, должны состоять въ знакомствѣ молодаго человѣка, вступающаго въ гражданскую службу, не только съ общими должностями сограждана и римскимъ правомъ, но и съ законами своего отечества ⁴⁾.

Выдѣленію гражданской службы, какъ самостоятельной и специальной отрасли государственной дѣятельности, достойной уваженія, не мало способствовала и идея о благополучіи государства, какъ конечной задачѣ „мудраго правленія“, достигаемой мирнымъ путемъ. Въ царствование Елизаветы Петровны, по мнѣнію нѣсколько пристрастнаго судьи этого времени Н. Панина, „внутреннее государства состояніе насилиствовано и жертвовано для внѣшнихъ политическихъ дѣлъ,

¹⁾ С. Р. И. О., IV, 185 (мнѣніе депутата отъ дворянства Изюмской провинціи И. Заруднова). *А. Радищевъ*, Жизнь Ф. Ушакова въ „Осьмнадцатомъ вѣкѣ“, изд. П. Бартенева, I, 191. *Н. Поповъ*, Татищевъ и его время, стр. 219.

²⁾ Ср., напримѣръ, разсужденія А. Волынского въ „генеральномъ проектѣ“ (*Д. Корсаковъ*, А. П. Волынский въ Древ. и Нов. Россіи, 1877, № 8, стр. 292). *А. Сумарокова*, О неправильныхъ основаніяхъ въ Трудолюбивой пчелѣ, 1759 г., изд. 2-е, стр. 278—279.

³⁾ С. Р. И. О., XVIII, 10.

⁴⁾ Подобный же пожеланія высказывалъ *А. Сумароковъ* (?) въ статьѣ со несправедливыхъ основаніяхъ, напечатанной въ Трудолюбивой пчелѣ, 1760 г. Ср. С. Р. И. О., XIV, 276, 346 и 401; XXXII, 434, 436 и 440; XLIII, 10 (наказъ депутату, посланному отъ Сената въ комиссию 1767 г., ст. 18); XLVIII, 187 и 236.

чѣмъ наконецъ, и едва не взаимными-ль сюрпризами зависти межъ собою, завелася война въ то самое время, когда дошло до высочайшей степени безстрашіе, лихомѣство, расхищеніе, роскошь, мотовство и распутство въ имѣніяхъ и въ сердцахъ¹). Нѣкоторые изъ депутатовъ комиссіи 1767 г. сумѣли перейти отъ конкретнаго случая къ болѣе широкимъ обобщеніямъ. „За основаніе государственного благополучія, писалъ С. Лопухинъ, слѣдуетъ считать не военную славу, а мирное время, когда можно изыскивать полезные источники къ благоденствію и богатству и ко всѣмъ изобилиямъ отечества“. „Тщетно гремитъ слава военная, разсуждалъ кн. М. Щербатовъ, тщетно побѣжденные народы лобзаютъ покорившую ихъ руку, когда внутри нѣтъ благоустройства и правосудія — непрочны тѣ побѣды“. Даже въ высшихъ сферахъ того времени можно было услышать замѣчанія о томъ, „что скорѣе безъ добрыхъ фельдмаршаловъ обойдти можно, нежели безъ первостатейныхъ министровъ“²).

При такихъ взглядахъ на „мирное время“ и значеніе гражданской службы должно было повыситься. А между тѣмъ жалобы на плохое образованіе чиновниковъ, отправлявшихъ не только низшія или среднія, но и высшія должности въ государствѣ — слышались постоянно; этотъ недостатокъ настоятельно требовалъ исправленія³.

¹⁾ С. Р. И. О., VII, 206—207.

²⁾ Кн. М. Щербатовъ, Размышленіе о дворянствѣ въ Соб. соч., т. I, стб. 229. С. Порошинъ, Записки, стб. 128 (мнѣніе П. И. Панина); ср., впрочемъ, ibid., стб. 543.

³⁾ См. напримѣръ отзывы о высшихъ сановникахъ государства: императрицы Екатерины — въ Замѣткахъ о первыхъ пяти годахъ царствованія (С. Р. И. О., XXVII, 171); разказъ Екатерины (о невѣжествѣ Сената по части географіи) подтверждается другими аналогичными свѣдѣніями (М. Гарновскій, Записки въ Рус. Стар. за 1876 г., т. XVI, стр. 231—232. Д. Мертоевъ, Записки въ Рус. Арх. за 1867 г., стр. 98. П. Карабановъ, Разказы въ Рус. Стар. за 1871 г., т. V, стр. 695); Н. Панина въ проектѣ учрежденія государственного совѣта (С. Р. И. О., VII, 203), кн. М. Щербатова въ его письмѣ къ вельможамъ правительству государства (въ Рус. Стар. за 1872 г., т. V, стр. 3). С. Порошина въ его запискахъ (стб. 75) и А. Болотова въ его автобіографіи (Жизнь и приключенія, т. I, стб. 751). Такіе же отзывы о низшихъ слояхъ бюрократіи мы не приводимъ въ виду ихъ многочисленности; особенно извѣстны по этому поводу Ѣдкія статьи А. Сумарокова. (въ подьячему и пр. въ Трудолюбивой пчелѣ 1759 г. изд. 2-е 1780 г. стр. 698—699 и passim); взгляды свои авторъ не разъ высказывалъ и въ присутствіи великаго князя Павла Петровича (С. Порошинъ, Записки С.-Пб. 244, 372 и 391). Ср. также А. Радишева, Путешествие, стр. 42—48 и passim.

Указанная потребность стала еще болѣе ощутительна съ учреждениемъ о губерніяхъ. „Когда при маломъ числѣ судей, писаль кн. Щербатовъ, жалуются многіе, что мало ихъ хорошихъ и право разумѣющихъ законовъ, то гдѣ же взять большее число? И какъ тутъ хотятъ до безконечности умножить судей и надѣяться отъ нихъ прямаго правосудія, гдѣ нѣтъ ни собранныхъ всѣхъ правъ, гдѣ нѣтъ училишь, законовъ, и гдѣ, наконецъ, мало людей правильно и грамотѣ умѣютъ?...“¹⁾). С. Десницкій, обсуждая вопросъ съ болѣе беспристрастной, научной точки зрѣнія, чѣмъ князь Щербатовъ, выскаживалъ, однако, такія же требованія, относительно выборныхъ органовъ мѣстнаго управлениія, число которыхъ такъ размножилось по учрежденію губерній. Служащіе по выборамъ, по его словамъ, „не для того только почтительными преимуществами и закономъ отъ всѣхъ согражданъ отличаются и предпочтитаются всѣмъ, чтобы только запрещать свою особу, свои имѣнія и права, или только чтобы подавать свободно свой голосъ на ту или другую сторону. Нѣтъ. Они въ сіе высокопочтенное званіе приглашаются подъ клятвою и присягою не иначе какъ хранителями древняго и утвердителями новаго Россійскаго закона: и сколь стыдно казаться должно члену законоположенія давать свой голосъ на новый законъ, когда онъ вовсе не знаетъ и не разумѣетъ стараго“. Такимъ образомъ, новыя губернскія учрежденія сильнѣе прежняго естественно вызвали потребность въ знающихъ законы выборныхъ органахъ самоуправлениія и чиновникахъ, администраторахъ и судьяхъ²⁾). Наконецъ, та же потребность ощущительна была и въ чиновной сферѣ, даже въ средѣ высшихъ государственныхъ сановниковъ. „Каждый сенаторъ и высшій судья, писаль Н. Панинъ въ 1762 году, держаційся просто при должности своего званія, почитаетъ ону довольно исполненную, когда въ надлежащіе дни бываетъ въ присутствіи, гдѣ онъ въ должностіи прокуроровъ и секретарей надѣется найти довольноное знаніе и объясненіе законовъ, по которымъ онъ судить долженъ и о которыхъ въ собраніи ему докладываются. На собственное же разсмотрѣніе законовъ, указовъ и дѣлъ и изъ нихъ происходимой пользы или вреда такой судебній чинъ

¹⁾ Кн. М. Щербатовъ, Статистика въ разсужденіи Россіи, стр. 93; ср. ею же: Размышленія о законодательствѣ въ Соб. соч., изд. подъ ред. И. Хрущова, т. I, С.-Пб. 1896 г., стб. 419.

²⁾ С. Десницкій, Юридич. разсужденія и проч. Ibid., стр. 350—351.

конечно ни часа особыхаго въ сутки не употребляеть¹). Между тѣмъ, „человѣкъ безъ образованія, говорили депутаты 1767 г., не можетъ быть и государственнымъ дѣятелемъ²). „Всякъ, писалъ И. Лепехинъ, цѣну знанія политическихъ происшествій ставить за велико иувѣрять, что безъ онаго никакой государственный человѣкъ быть и своему государству служить не можетъ³).

Образованность бюрократіи была желательна и съ другой, чисто правительственной точки зрења, которая, повидимому, также около этого времени стала укрѣпляться въ сознаніи русскаго общества. Нѣ-которые изъ сановниковъ шестидесятыхъ годовъ объяснили чрезмѣрную мелочность и утомительную обстоятельность „инструкцій“ высшимъ должностнымъ лицамъ начала XVIII вѣка недостаточностью ихъ образованія: правительство принуждено было входить въ подробности, не предполагая въ подчиненныхъ властяхъ возможности и способности дѣйствовать самостоительно; чрезмѣрное осложненіе функцій центральной власти и отсутствие достаточной гибкости въ дѣятельности мѣстныхъ органовъ, вызываемая подобною регламентаціей, очевидно становились ощущительными для русскихъ людей второй половины прошлаго вѣка: при свѣтѣ новыхъ идей, успѣвшихъ къ тому времени распространиться въ Россіи, имъ казалось возможнымъ устранить эти неудобства путемъ болѣе глубокаго просвѣщенія правящихъ классовъ, приспособленного къ характеру отправляемыхъ ими должностей⁴).

Потребность въ исправленіи указанныхъ недостатковъ становилась тѣмъ болѣе настоятельной, что ими объяснялось отчасти плохое функционированіе государственного механизма, сказывавшееся главнымъ образомъ во взяточничествѣ и той медлительности въ дѣ-

¹) С. Р. И. О., VII, 203. Средство противъ этого зла Н. Панинъ (можетъ быть по указаніямъ самой императрицы) думалъ найти между прочимъ въ учрежденіи Императорскаго совѣта. Проектъ 28-го декабря 1762 г., хотя и подписанъ былъ императрицей, но какъ известно остался необнародованнымъ. Ср. С. Порошинъ, Записки, изд. 1881 г., стр. 129.

²) С. Р. И. О., LXVIII, 137, 150, 176, 193 и 237 (Наказы отъ Малороссийскаго шляхетства); Всякая всячина, 1769 г., стр. 200; Трутень, 1770 г., стр. 62.

³) И. Лепехинъ, Примѣчанія къ переведенной имъ части натуральной исторіи Бюффона, т. I, стр. 32.

⁴) Таково по крайней мѣрѣ *спечатлѣніе*, вызываемое однимъ изъ разсужденій Н. И. Панина по этому поводу (С. Порошинъ, Зап., С.-Пб. 286).

лопроизводствѣ, на которыхъ открыто жаловались органы обществен-
наго мнѣнія во второй половинѣ XVIII вѣка¹⁾.

Реформа образованія казалась большинству русскихъ людей того
времени наиболѣе пригоднымъ средствомъ для удовлетворенія всѣхъ
этихъ потребностей.

Изъ предметовъ общаго образованія естественно выдѣлялись тѣ
отрасли знанія, которая болѣе другихъ способствовали политическому
развитію: депутаты въ комиссіяхъ 1754—1774 гг. предлагали обу-
чать дѣтей географіи и исторіи²⁾. Русскіе историки и юристы прош-
лого вѣка также взаимно признавали обоюдное значеніе изучаемыхъ
ими специальныхъ научныхъ дисциплинъ. Исторіографъ кн. Щерба-
товъ, напримѣръ, въ составъ географіи включалъ отдѣлы о многона-
родіи, законѣ (то-есть, вѣроисповѣданії), а также ремеслахъ и тор-
говлѣ, обѣ обычаяхъ и умоначертаніи народномъ, о правленіи и си-
лахъ государственныхъ, причемъ ко всему этому присоединялъ еще
„обозрѣніе нѣкоторыхъ основательнѣйшихъ постановленій, заключен-
ныхъ съ другими государствами“. Включая, такимъ образомъ, въ гео-
графію и статистику въ Ахенваль-Шлѣцеровскомъ духѣ, кн. Щерба-
товъ тѣсно связывалъ ихъ съ изученіемъ исторіи, которая по его мнѣ-
нію должна состоять не только „въ повѣствіи дѣяній“, но и въ „изъ-
ясненіи наукъ, искусствъ и торговли, обычаевъ и законовъ, прав-
ленія, силь государства, а также разныхъ его связей“³⁾. Въ свою
очередь и русскіе юристы понимали значеніе, какое для нихъ имѣли
историческая знанія. Полѣновъ, напримѣръ, считалъ изученіе исторіи и

¹⁾ Еще И. Просошковъ писалъ по этому поводу, что „апе суду и всякому
правленію, какъ его правити, совершенного основанія письменнаго (то-есть, „су-
дебной книги“) не учинить и въ томъ правленіи самыя неподвижныя твердости
не устроить, то колику о правомъ судѣ не старатися, а правосудія прямаго уста-
вить будетъ невозможно“ (И. Просошковъ, Сочиненія, изд. М. Погодина, М., 1842,
т. I, стр. 79). „Всякая всячина“, стр. 52, 274, 276—278, 306—308, 396—397; эта
тема—едва ли не единственная, самостоятельно разработанная издателями Вся-
кой всячины (В. Солнцевъ, Всякая всячина и Спектаторъ, стр. 24). „Адская
почта“, стр. 48—50 и другія. Само собой разумѣется, что существование взя-
точничества объясняется не только низкимъ уровнемъ просвѣщенія, но и ничтож-
ными размѣрами окладовъ, выдаваемыхъ довольно неисправно; вообще указанные
недостатки порождены были и многими другими причинами.

²⁾ Проектъ новаго Уложенія 1754—1766 гг., ч. III, изд. В. Латкинъ, стр. 21. С. Р. И. О., VIII, 161 и 504. Ср. предшествующія примѣчанія.

³⁾ Кн. М. Щербатовъ, О способахъ преподавать разныя науки, въ Импера-
торской Публичной Библіотекѣ, Эрмитаж. бібл., № 128, лл. 44, 52 и 59.

древностей лучшимъ залогомъ для успѣховъ въ будущихъ занятіяхъ своихъ юриспруденцій; того же мнѣнія придерживался Десницкій, а вслѣдъ за нимъ и Горюшкинъ¹⁾). На ряду съ историческимъ образованіемъ нѣкоторые изъ депутатовъ готовы были признать значеніе доктринального изученія: одни считали полезнымъ для крестьянъ чтеніе гражданскихъ законовъ и желали ученыхъ священниковъ или свѣтскихъ учителей, которые „утверждали бы народъ въ знаніи законовъ ея величества“²⁾, другіе рекомендовали обучать мѣщанъ изложенію государственныхъ законовъ³⁾, третыи, наконецъ, предлагали привозить дѣтей дворянскихъ въ собраніе дворянъ „для пріученія къ разсужденію о пользѣ общественной“⁴⁾). Вообще „познаніе“ каждымъ законовъ своего отечества начинали считать однимъ изъ коренныхъ правилъ общежитія⁵⁾. Доктринальное изученіе дѣйствующаго права, какъ видно, сводилось по мнѣнію депутатовъ, къ простому толкованію законовъ. Нѣкоторые, однако, начинали сознавать необходимость теоретического образования въ области права. Члены комиссіи 1763 г. указывали на примѣрное по ихъ мнѣнію поведеніе лифляндскихъ дворянъ, „которые по склонности къ гражданской наукѣ послѣ пятнадцати и шестнадцати透过三 or four yearsкурса продолжаютъ наукамъ философскимъ, нравоучительнымъ и юридическимъ въ университетахъ“⁶⁾. Впрочемъ, лишь немногіе, какъ напримѣръ, С. Лопу-

¹⁾ *M. Шуцерга*, Ученіе и ученики въ XVIII вѣкѣ въ *Русск. Арх.* за 1866 г., стр. 317. Въ 1768 г. Полѣновъ вмѣстѣ съ Башиловымъ охотно принялись за изданіе второй части Никоновской лѣтописи (*ibid.*, стр. 223). *M. Сухомлиновъ*, Исторія Россійской Академіи, т. V, стр. 8 (вообще стр. 3—8: свѣдѣнія о Десницкомъ). З. *Горюшкинъ*, Руководство, т. I, стр. VIII. См. ниже.

²⁾ С. Р. И. О., VIII, 557 (наказъ Крапивенского дворянства); XXXII, 398 и 453 (мнѣніе депутатовъ отъ Нижегородской провинціи пахотныхъ солдатъ и отъ гор. Пензы). *Кн. М. Щербатовъ*, Размышленія о законодательствѣ вообще въ Соб. соч., изд. подъ ред. И. Хрущова, т. I, С.-Пб. 1896, стб. 424. *C. Соловьевъ*, И. Р., XXVII, 382; 399, прим.

³⁾ С. Р. И. О., VIII, 36. (Мнѣніе депутата отъ Любимского дворянства Н. Толмачева).

⁴⁾ С. Р. И. О., VIII, 504 (наказъ Дмитровского дворянства, ст. 4). Это требование, можетъ быть, высказано было подъ вліяніемъ примѣра, приведенного въ Уставѣ сухопутнаго шляхетскаго кадетскаго корпуса; здѣсь говорится о томъ, какъ дѣти римскихъ сенаторовъ хаживали за отцами своими въ Сенатъ слушать, какія дѣла и какія обѣ оныхъ разсужденія происходили (П. С. З., т. XVII, № 12741).

⁵⁾ *Кн. М. Щербатовъ*, Путешествіе въ землю Офирскую въ Соб. соч., т. I, стб. 947.

⁶⁾ Матер. для ист. рус. двор., изд. Н. Калачевымъ, вып. II, стр. 43.

хинъ, депутатъ отъ Тамбовскаго дворянства въ комиссіи 1767 г., считали необходимымъ учредить такія училища, въ которыхъ между прочимъ „всему принадлежащему къ гражданской службѣ обучали со всякою тщательностью, усердiemъ и ревностью“. Дворяне Калужскаго и Медынскаго уѣздовъ считали необходимымъ учредить „во всякомъ городѣ“ по училищу, въ которомъ „за главное почитали, чтобы юношеству чтеніемъ внушить... законы“ ¹⁾). Хотя такихъ училищъ въ то время еще не существовало, но содержатели частныхъ заведеній начинали предлагать учащейся молодежи курсы по „натуральному праву“ и по „политикѣ“ ²⁾). Настаивая на желательности учрежденія шляхетскаго кадетскаго корпуса къ Москвѣ или „академіи и университетовъ“, депутаты предполагали, вѣроятно, найти въ этихъ учрежденіяхъ между прочимъ и преподаваніе юридическихъ наукъ ³⁾).

Наиболѣе полную программу для обученія „благородныхъ“ юношь (то-есть, дворянъ) юридическимъ наукамъ (притомъ скорѣе до машняго, чѣмъ собственно школьнаго) представилъ кн. Щербатовъ въ сочиненіи своемъ „о способахъ преподавать разныя науки“. По мнѣнію автора „надлежитъ прежде всего обучать (молодаго человѣка) праву естественному, то-есть, тому, чѣмъ онъ, потому что онъ есть человѣкъ, самъ себѣ и ближнему долженъ“. Всльдѣ затѣмъ можно перейти и къ знакомству съ Римскимъ правомъ, которое „всѣмъ случаямъ наимъ лучшія правила преподаетъ“ и не заслуживаетъ того „охуленія, какое многіе нынѣ писатели тщатся ему дѣлать“, ибо „общее согласіе всея Европы и самая его подробность [?] входитъ во всѣ тонкости сходственno съ здравымъ разсудкомъ [и] опровергаетъ ихъ мудрствованія“. Хотя сочиненія, вполнѣ подходящаго для ознакомленія съ чужеземнымъ правомъ не имѣется, однако, для выписокъ, могущихъ отчасти замѣнить таковое, князь Щербатовъ рекомендуетъ институціи Юстиніана и систематические сборники Миара де-Венилана, а также Дома ⁴⁾). „Къ тому же для лучшихъ разсужденій можно приложить“ извѣстныя сочиненія Монтескье и Беккаріи; полезенъ и Большой наказъ, составленный на основаніи этихъ трудовъ. Всего важнѣе, однако, молодому человѣку обучиться „за-

¹⁾ С. Р. И. О., IV, 289.

²⁾ С. Соловьевъ, И. Р., XXVI, 259.

³⁾ С. Р. И. О., IV, 172; LXVIII, 150. С. Соловьевъ, И. Р., XXVII, 399, прим.

⁴⁾ M. Muyart de Venylans, Les loix criminelle de France dans leur ordre naturel. J. Domat, Les loix civiles dans leur ordre naturel.

конамъ отечества своего". Для этого надо обратиться къ непосредственному изученію Уложенія царя Алексея Михайловича „со учненнымъ сводомъ указовъ“, и къ важнѣйшимъ памятникамъ позднѣйшаго законодательства до учрежденія о губерніяхъ включительно. Кн. Щербатовъ совѣтуетъ сперва ознакомить юношу съ „дѣлами уголовными и гражданскими“, а также дать ему понятіе о томъ, „съ чего и какъ платить и какія узаконенія къ какому платежу обязуютъ“. Сообщивъ такимъ образомъ ученику свѣдѣнія объ „общемъ положеніи законовъ“ нужно вслѣдъ затѣмъ „войти въ учрежденіе самыхъ правительствъ“. Слѣдуетъ начать при этомъ „историческимъ порядкомъ съ учненныхъ учрежденій Петромъ Великимъ и сдѣлать исчисление о всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, которыя имъ были учреждены и которыя послѣ до 1775 года учреждаены были“. а. также „истолковать, какія дѣла до которыхъ мѣсть относились и какія были причины учрежденія оныхъ“. Такъ какъ „съ установлениемъ намѣстничествъ лишь малые слѣды расположенія [прежнихъ] правительствъ остались, то и надлежитъ съ особливымъ прилежаніемъ прочитать учненное учрежденіе о управлѣніи губерніями по новому обряду“. Наконецъ, по мнѣнію кн. Щербатова, можно заключить курсъ по русскому праву обозрѣніемъ дѣлопроизводства изученныхъ ранѣе государственныхъ установленій, причемъ необходимо обратить особенное вниманіе на гражданское и уголовное судопроизводства, какъ имѣющія важное практическое значеніе для каждого. Планъ, предложенный кн. Щербатовымъ, какъ видно, отличается сравнительной полнотою и цѣльностью; ему слѣдуетъ приписывать тѣмъ большее значеніе, что въ этомъ планѣ, какъ и въ другихъ частяхъ своего сочиненія, авторъ, по собственному своему признанію „повѣствовалъ лишь о томъ, въ чёмъ самъ трудности себѣ находилъ и какими способами ихъ превозмогъ“¹⁾.

Кромѣ школы выгоднымъ образовательнымъ средствомъ для достижениія юридического образованія могло способствовать, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ образованныхъ людей того времени, и чтеніе произведеній западно-европейской научной литературы. „Вместо нашихъ училищъ“, писалъ А. П. Сумароковъ, „а особливо вмѣсто кадетскаго корпуса, потребны великие и всею Европой почитаемые авторы, а особливо несравненный Монтескиу“. Кн. Щербатовъ также рекомен-

¹⁾ Кн. М. Щербатовъ, О способахъ преподавать разныя науки, рук. въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Эрмитаж. библ., № 128, стр. 1 и 107—112.

доваль читать „Духъ законовъ“, хотя и не вполнѣ соглашался со всѣми заключеніями его автора. „Великія мысли и обширный разумъ г. Монтескіу, писать онъ въ одномъ изъ своихъ разсужденій, училъ, что по многимъ несправедливымъ охуленіямъ сея книги, она толь великий верхъ взяла, что писаніе сіе яко оракулъ политики и закономудрствія стали почитать. Гоненіе саму труду отъ бѣсновѣровъ было несправедливо, а и почтеніе послѣдующее излишне, ибо многими уже учеными людьми прымѣчено, что господинъ Монтескіу вель её не систематическимъ образомъ, что упоминавенія о писателяхъ часто несправедливы и заключенія часто противны естеству и течению вещей“¹⁾). Другимъ капитальнымъ сочиненіемъ того времени считали, конечно, трактатъ Беккаріи, писателя „исполненного человѣколюбія и потещившаго оное въ законъ ввести“; „намѣренія его, прибавляеть тотъ же кн. М. Щербатовъ, похвальны, но исполненіе [ихъ] часто невозможно бываетъ“. Взгляды Монтескіе и Беккаріи также изложены были въ большомъ Наказѣ, „выбранномъ изъ сіихъ двухъ вышеписанныхъ“, а поэтому и отличающимся „тѣми же [достижениями] и пороками“²⁾). Позднѣе стали обращать вниманіе и на другія книги. „Не худо было бы, писалъ, напримѣръ, А. Радищевъ про сочиненіе Блэкстона, заставлять судей нашихъ имѣть сію книгу вмѣсто святцовъ и заставлять ихъ чаще въ нее заглядывать, нежели въ календарь“³⁾). Полнаго перевода творенія Монтескіѣ „славнаго законовѣдца“, „къ просвѣщенію разума необходимаго“⁴⁾), однако, въ теченіе всего XVIII вѣка, повидимому, не было издано⁵⁾; еще менѣе

¹⁾ Кн. М. Щербатовъ, О способахъ преподавать разныя науки рук. въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Эрмитаж. библ., № 128, стр. 109. Трудъ Монтескіе вызвалъ также замѣчанія со стороны И. Болтина (*И. Болтингъ, Критическая примѣчанія на ист. Леклерка, ч. I, стр. 5 и др.*).

²⁾ А. Сумароковъ, Замѣчанія на Наказъ въ С. Р. И. О., X, 83. Кн. М. Щербатовъ, Ор. cit., ibid., стр. 109. Ср. Полемику автора съ Беккаріей въ Соб. соч., т. I, столб. 427—457.

³⁾ А. Радищевъ, Путешествіе, стр. 90.

⁴⁾ С. Порошинъ, Записки, стб. 200—201, 448.

⁵⁾ Н. Новиковъ сообщаетъ, что А. Мятлевъ (1749—1771), весьма хорошо зная французскій языкъ и обучавшійся въ числѣ прочихъ наукъ исторіи и философіи, перевелъ на россійскій языкъ „Монтескія о разумѣ законовъ“ 4 части съ такимъ успѣхомъ, что переводъ сей дѣлаетъ честь его имени“ (Н. Новиковъ, Опытъ ист. словаря въ Мат. для ист. Рус. лит., изд. П. Ефремовынъ, С.-Пб. 1867 г., стр 78). Въ указателяхъ В. Сопикова и А. Смирдина этотъ переводъ не значится. Извѣстенъ хищъ переводъ, сдѣланный Вас. Крамаренковымъ,

посчастливилось книгѣ Беккаріи, которая впервые переведена была лишь въ началѣ нашего столѣтія¹⁾). За то сочиненіе популяризатора Духа законовъ бар. Бильфельда, а отчасти и комментарій Блэкстона уже извѣстны были на русскомъ языкѣ въ царствование императрицы Екатерины II²⁾.

Члены законодательныхъ комиссій, дѣйствовавшихъ въ теченіе первыхъ двухъ третей XVIII вѣка, болѣе другихъ, можетъ быть, чувствовали эту потребность восполнить пробѣлы своего образованія чтеніемъ имѣющихся подъ руками книгъ; кромѣ чужеаемыхъ сборниковъ законодательства и экстрактовъ изъ нихъ (см. ниже гл. IV), они обращались, напримѣръ, за свѣдѣніями не только къ сочиненіямъ Бодена, Монтескье и Бильфельда, но и къ болѣе специальными трудами: Гренека, Риккіуса, Лёна, де Мальта и Дюпена; для наведенія справокъ служили также словари, въ особенности „лексиконъ Мореріевъ“³⁾.

ч. I, С.-Пб. 1775 г. Второе изданіе той же 1-й части вышло въ 1801 г. Первый полный переводъ „Духа Законовъ“ съ введеніемъ Д’Алаамбера и примѣчаніями Гельвеція появился въ 4 частяхъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ лишь въ 1809—1814 годахъ (В. Сопиковъ, Опытъ, III, 393; А. Смирдинъ, Ростисль, № 2147).

¹⁾ Трудъ Беккаріи вѣроятно извѣстенъ былъ русскимъ читателямъ во французской переводѣ, сдѣланной аб. Морелетомъ (Morellet) въ 1766 г. и выдержавшей много изданій.

²⁾ Ваг. *Bielfeld*, членъ берлинской академіи наукъ, поднесъ свои „Institutions politiques“ (La Haye, 1760) императрицѣ; она благодарила его въ письмѣ отъ 6-го апрѣля 1765 г. (С. Р. И. О., XIII, 3). Institutions появились въ русскомъ переводе кн. Ф. Шаховскаго и проф. А. Барсова въ 1768—1776 гг. (М. 2 части). „Ваше Императорское Величество, читаемъ мы на третьей страницѣ посвященія, предшествующаго переводу наставлений, по проницательномъ усмотрѣніи ихъ и преимущества между прочими такого рода сочиненіями въ переводе съ французскаго подлинника на Россійскій языкъ имѣть и ко всенародной пользѣ въ печать изданіе видѣть собственнымъ своимъ побужденіемъ возжелать созволили“. Сама императрица принимала участіе въ исправленіи перевода (С. Шевыревъ, Ор. cit., стр. 150).

³⁾ J. Grenneck, „О правахъ и правностяхъ чиновъ Австрійскаго эрцгерцогства“. Свѣдѣній объ авторѣ этого сочиненія и его дѣятельности нѣтъ ни въ энциклопедіи Эрша и Грубера, ни въ соч. R. v. Mohla: Die Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften, 3 B-de 1855—1858. Chr. Got. Riccius, Zuverlssiger Entwurf von dem landssigen Adel in Teutschland etc. Nurenberg 1735. I. M. v. Loen, „Vom Adel“. M. de Malte, „Traite des nobles dans les tribunaux“. L. E. Du Pin, Bibliothque universelle de tous les auteurs ecclesiastiques etc.; съ 1696 г. „библиотека“ стала выходить подъ названіемъ „Histoire de l’Eglise et des auteurs ecclesiastiques; 1686—1704, 58 vol.—Briefe ber den gegenwrtigen Staat von Danemarck, Kopenhagen, 1758.—L. Moreri, Grand dictionnaire historique, 1-re d. 1573; nouvelle d. avec les supplments de l’abb  Goujet refondues et notes de Drouet, 10 vol., Par. 1759. Словарь Морери издавался до 20 разъ.

Важнѣйшія изъ сочиненій по юриспруденціи, вѣроятно, уже попадались въ частныхъ библиотекахъ того времени. Во всякомъ случаѣ ихъ можно было встрѣтить въ наиболѣе крупныхъ книгохранилищахъ послѣдней четверти XVIII вѣка. Здѣсь, на полкахъ, стояли и кодексъ Юстиніана, и старые труды Юста Липсія, а также Бодена; серія старинныхъ работъ Гуго Гроція и Пуффендорфа по естественному праву въ новѣйшихъ переводахъ съ примѣчаніями Барбейрака становилась уже недостаточной: ее пополняли произведеніями Вольфа, а иногда Неттельбладта и Ваттеля¹⁾, представителей школы Лейбница, а также сочиненіями эклектика Бурламаки, соединившаго теоріи Гроція, Томазія и Вольфа въ одно цѣлое; разсужденія Руссо рѣдко попадались въ такихъ библиотекахъ²⁾. Но не однѣ книги по естественному праву заполняли ихъ: сочиненій, писанныхъ сторонниками противоположнаго направленія, здѣсь было также не мало. Разныя изданія трудовъ Монтескіе и Бильфельда, Юсти, а также Близктона и Юма³⁾ хранились въ собраніяхъ П. Г. Демидова, князей: Г. Потемкина и, вѣроятно, М. Щербатова, а также графовъ: Д. Бутурлина, А. Головина, Д. Шереметева и А. Разумовскаго⁴⁾.

¹⁾ F. A. Wolff, *Jus naturae methodo scientifica pertractatum*, Lipsiae, 8 том., 1740—1748 въ нѣмец. перев. 1771 г.; *Institutiones juris naturae et gentium Halae*, 1754 во французскомъ переводѣ (Luzac'a) 1772 г.; *Politik oder vernünftige Gedanken von dem gesellschaftlichen Leben und dem Gemeinen Wesen*, Halle, 1756; *Formey, Principes du droit de la nature et des gens, extraits du grand ouvrage de Wolff*, 1758, 3 vol. Руководство Неттельбладта (о немъ см. ниже въ гл. IV) хранилось въ библиотекѣ П. Демидова,—Ваттеля (*Le droit des gens etc.* 1758, 2 vol.) въ библиотекѣ гр. Д. Бутурлина.

²⁾ Въ библиотекѣ кн. Г. А. Потемкина находилось полное собраніе сочиненій Ж. Ж. Руссо (82 vol.); въ библиотекѣ гр. Д. Шереметева—*Discours sur l'inégalité*, а въ библиотекѣ гр. А. Разумовскаго—*Contrat social* и нѣкоторыя другія.

³⁾ D. Hume. *Essays and treatises*, Lond. 1764; *Discours politiques trad. de M. de Mauvillon*, 5 vol., 1761.

⁴⁾ Музѣум Demidoff, vol. 1-г, М., 1806.—Каталогъ книгамъ и манускриптамъ (и книгамъ), находящимся въ библиотекѣ В. А. Попова, С.-Пб., 1864 г. Catalogue de la bibliothèque de M. le C-te de Boutourline, 2 éd., revue par Barbier et Pougens, Paris, 1805. Catalogue des livres de la bibliothèque du C-te A. G(olovine), М., 1811 (ата библиотека одна изъ самыхъ бѣдныхъ по отдѣлу юриспруденціи). Опись библиотеки, находившейся въ Москвѣ на Воздвиженкѣ въ домѣ гр. Д. Н. Шереметева до 1812 г., С.-Пб., 1883 г. Catalogue des livres de S. E. M. le C-te A. de Rasoumoffsky, М., 1814, 2 vol. — Опись библиотеки кн. М. М. Щербатова еще не извлечата; она хранится повидимому, въ одномъ частномъ собраніи въ С.-Петербурга.

Не следует упускать изъ виду, однако, что все эти книги, вѣроятно, лишь изредка попадали въ руки какого-нибудь любителя читателя, выхватывавшаго изъ нихъ кое-какіе факты или обрывки мыслей. Но и въ такихъ случаяхъ ему едва ли не приходилось согласиться съ справедливостью замѣчанія, сдѣланнаго А. Т. Болотовымъ, когда онъ въ деревенской глухи, принялъ за чтеніе нѣкоторыхъ чужеземныхъ сочиненій. „А совѣщался я, признается этотъ „философическій“ писатель, съ одними только книгами, и книгами не нашими, а иностранными, писанными не на нашъ климатъ и по не нашимъ обстоятельствамъ и потомующими скорѣ всего заводить насть въ лавиринты погрѣшностей и ошибокъ...“¹⁾.

Итакъ, русскіе люди второй половины XVIII вѣка начинали мало по малу соизнавать, что безъ знанія отечественнаго права невозможно установить правомѣрныхъ отношеній сословныхъ группъ другъ къ другу, да и правительственной дѣятельности на закономѣрныхъ основаніяхъ; они также предлагали и обсуждали средства, которыми возможно было бы восполнить такой проблѣль. Но выборъ послѣднихъ и выполнение указанной цѣли поставлены были въ прямую зависимость отъ взглядовъ самой императрицы Екатерины II на это дѣло и отъ направленія, какое приняла правительственная политика въ началѣ ея царствованія.

III. Правительственная политика, направленная на удовлетвореніе общественной и государственной потребности въ изученіи русского права во второй половинѣ XVIII столѣтія.

Настроеніе, сказывавшееся среди представителей русскаго общества, во многихъ отношеніяхъ согласно было съ намѣреніями самой императрицы Екатерины II и даже отчасти обнаружилось благодаря ея дѣятельности въ первые годы ея царствованія. Сильно увлекшись общими теоріями, она, однако, не вполнѣ отрицательно относилась къ историческимъ основамъ русскаго дѣйствующаго права. „Вездѣ внутрення распоряженія, по словамъ императрицы, должны основываться на правахъ націі“. Слѣдовательно „для

¹⁾ А. Болотовъ, Записки, т. II, стб. 343. Г. Добрынина читалъ „нѣкоторые переводы Монтескію“ (Г. Добрынина, Записки въ *Русской Старинѣ*, т. III, стр. 604. А. Радищевъ, Путешествіе, стр. 90).

преобразованій необходимо прежде всего знать, что имѣшь, ибо перемѣны должно совершать не для перемѣнъ; они не могутъ касаться добрыхъ учрежденій и имѣть смыслъ лишь для превращенія зла въ добро¹⁾). Признаніе и развитіе сословнаго строя казалось ей не только необходимымъ, но и желательнымъ въ „подзаконномъ“ государствѣ, пространство которого предполагало монархическую, но не деспотическую власть; она „хотѣла чтобы повиновались законамъ, а не рабовъ“; отсюда естественно вытекало общее положеніе о знаніи каждымъ сословiemъ своихъ правъ²⁾). Императрица готова была признать и болѣе широкую точку зрѣнія: „законы, писала она, должны быть писаны простымъ языкомъ; и уложеніе, всѣ законы въ себѣ содержащее, должно быти книгою весьма употребительною и которую бы за малую цѣну достать можно было на подобіе букваря“. Въ противномъ случаѣ, „когда гражданинъ не можетъ самъ собою узнать слѣдствій, сопряженныхъ съ собственными своими дѣлами и касающихся до его особы и вольности, то будетъ онъ зависѣть отъ чѣлѣвчаго числа людей, взявшихъ къ себѣ во храненіе законы и толкующихъ оные“³⁾): „Принимая за правило своихъ дѣйствій и уставовъ благо народное“ и желая, чтобы „власть пользовалась довѣріемъ подданныхъ“, Екатерина ясно понимала необходимость специального образованія для лицъ, отправляющихъ должности по гражданской части, особенно послѣ учрежденія о губерніяхъ⁴⁾). Постоянныя безпорядки въ губерніяхъ, „всего болѣе требовавшихъ поправленія“, императрица, повидимому, считала возможнымъ устранить хотя бы отчасти этимъ образованіемъ, обусловливающимъ и болѣе закономѣрное функ-

¹⁾ Г. А., X, 17, л. 14. С. Р. И. О., VII, 346. С. Соловьевъ, И. Р., XXVII, 329. Ср. также отзывъ императрицы Екатерины о планахъ реформы, предложенной ей Дидро (Осьмнадцатый вѣкъ, изд. П. Бартенева, т. I, стр. 362—363). Ученіе о необходимости сообразовывать законы съ „умонаترتаниемъ“ народныхъ давало, конечно, возможность Екатеринѣ заранѣе ограничивать теоретическіе выводы практическими требованіями (С. Соловьевъ, XXVII, 338).

²⁾ Мысль эта ясно выражена въ манифестѣ о восшествіи на престолъ (Осьмнадцатый вѣкъ, изд. П. Бартенева, т. IV). Кн. М. М. Щербатовъ ясно указалъ на эту связь; „самовластію (то-есть, „деспотичеству“, а не „монархическому правленію“) вредно, чтобы кто вникалъ во взаимственные права, сочиняющія основанія обществъ, и умыслилъ бы очами возврѣти на состояніе свое“ (Кн. М. Щербатовъ, Размышленія о законодательствѣ вообще въ Соб. соч., изд. подъ ред. И. Хрущова, т. I, С.-Пб. 1896, стр. 388).

³⁾ Наказъ, ст. 158.

⁴⁾ С. Р. И. О., VII, 347. П. С. З., т. XVI, № 11,989 (указы о штатахъ 1763 г. декабрь 15, ст. 25). С. Соловьевъ, И. Р., XXIX, 1002.

ціонированіе губернскіхъ учрежденій. Замѣтимъ, наконецъ, что въ началѣ своего царствованія императрица сильно интересовалась задачами внутренней политики и полагала, что „миръ доставить Россіи больше значенія, чѣмъ случайность войны, всегда разорительной“¹⁾.

Естественно, поэтому, что Екатерина, по вступленію на престолъ, охотно приялась за изысканіе средствъ для удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей. Вниманіе ея прежде всего обратило на себя школьнное образованіе. Считая возможнымъ обучать дѣтей въ школахъ не только по церковнымъ книгамъ, но и по гражданскимъ законамъ, написаннымъ общедоступнымъ, всѣмъ въ равной мѣрѣ понятнымъ слогомъ²⁾, она, не могла, конечно, признать практическое знакомство съ действующимъ правомъ достаточнымъ для молодыхъ людей, поступавшихъ на гражданскую службу. Не смотря на почти полное отсутствіе „нижнихъ школъ для воспитанія юношества и приготовленіе онаго къ академическимъ ученіямъ“, которыхъ, однако, лучшіе изъ современниковъ императрицы считали „необходимо потребными для распространенія наукъ“³⁾, она въ виду указанной цѣли прямо приялась за

¹⁾ С. Р. И. О., I, 254—291. Въ манифестѣ отъ 15-го декабря 1763 г. (П. С. З., т. XVI, № 11989) сказано между прочимъ, что „всякаго государства благосостояніе основано на внутреннемъ спокойствіи и благоденствіи обитателей“. Въ „приложеніяхъ“ принциповъ, изложенныхъ въ книгѣ извѣстной подъ названіемъ „Esprit des lois“ въ русской жизни, императрица, имѣя въ виду текстъ 5-й главы XI-й книги сочиненія Монтескье, замѣчаетъ: „La Russie a une étendue de possessions qui doit lui défendre toute conquête ultérieure; celle ci ne pourrait que l'affaiblir. Son objet ne peut donc être que de maintenir ce qu'elle possède, son intérieur demande un grand soin d'augmenter le nombre des habitants, de les porter à la culture des terres, au commerce, puis à l'industrie, aux arts, de maintenir la discipline militaire; les engagements politiques pour le maintien de la tranquillité du Nord peuvent acquérir des corps peu considérables de troupes et par là soutenir la reputation de ses armes“. (Г. А., X, 19, лл. 491—492).

²⁾ Наказъ, ст. 158, 448 и 458.

³⁾ Въ указѣ объ учрежденіи академіи императоръ Петръ I сознавался, что въ государствѣ „прямыхъ школъ, гимназіевъ и семинаріевъ нѣть, въ которыхъ бы молодые люди начали обучаться и потому выше градусы наукъ воспріять въ угодными себя учинить могли“ (П. С. З., т. VII, № 4443). Нѣкоторые изъ академиковъ, напримѣръ, Миллеръ, высказывали таіи же мысли (Гр. Д. Толстой, Академіческий университетъ и пр. въ Сбор. отд. рус. яз. и слов., т. XXXVIII, стр. 4, 27). „Въ нижнихъ (школахъ) начинаютъ учиться наукамъ, въ верховныхъ ученіе совершаютъ... последнія безъ подкрѣпленія первыхъ никакъ устоять не могутъ“ (Наказъ Академіи Наукъ 1767 г. въ С. Р. И. О., XLIII, 371; ср. ibid., стр. 8). С. Порошинъ, Записки, изд. 1881 г., стр. 37—38 (мнѣніе Н. Панина).

преобразование существующихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведений. Въ силу манифеста 1763 года школа при сенатѣ была упразднена такъ же, какъ и самое званіе коллежскихъ и титулярныхъ юнкеровъ при разныхъ присутственныхъ мѣстахъ; отныне молодые люди, способные учиться, должны были поступать въ коммерческія училища¹⁾, кадетскіе корпуса и университетъ. Съ течениемъ времени послѣдній занялъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто²⁾. При основаніи Московскаго университета на ряду съ другими факультетами учрежденіе былъ, конечно, и факультетъ юридическій: въ задачи преподаванія на этомъ отдѣленіи входило между прочимъ подготовленіе знающихъ законы чиновниковъ³⁾: студентамъ-юристамъ предполагали читать общую юриспруденцію, то-есть, натуральный и народный права, узаконенія Римской древней и новой имперіи, юриспруденцію Россійскую, при преподаваніи которой профессоръ долженъ быть „изъяснять внутреннія государственные права“, а также „политику“⁴⁾. Въ основу факультетскаго преподаванія, какъ видно, положено было изученіе правъ: естественного, римскаго и русскаго. Преподаваніе послѣдняго на первыхъ порахъ было, однако, поставлено въ самыя не-выгодныя условія: иностранные профессора, не имѣвшіе, притомъ, подъ руками сборниковъ и учебниковъ по исторіи россійскаго законодательства, предпочитали сосредоточивать свое вниманіе на изученіи и преподаваніи чужеземнаго права. Между тѣмъ ученія римскихъ юристовъ, а также французскихъ „юриспрудентовъ“ позднѣйшаго времени далеко не вполнѣ удовлетворяли потребностямъ русской практики;

¹⁾ Воспитанники коммерческаго училища въ силу учрежденія 1772 года также должны были обучаться отъ 15 до 18 лѣтъ между прочимъ правамъ и экономіи государственнымъ (П. С. З., т. XIX, № 13916).

²⁾ Составитель нового устава кадетскаго корпуса (И. Бецкій?) требовалъ „практическаго воспитанія“, но въ смыслѣ „смотрѣнія и слышанія, а не тверженія уроковъ“. Онъ настаивалъ такимъ образомъ скорѣе на необходимости конкретныхъ и живыхъ средствъ для образованія, чѣмъ на практическомъ характерѣ его содержанія (П. С. З., т. XVII, № 12741, стр. 975, 976, 981 и 992) и при томъ имѣть въ виду специальная задача, преслѣдуемая кадетскій корпусъ, а не образованіе вообще (ib., стр. 976 и 981). Впрочемъ, та же точка зрѣнія высказана и въ планѣ воспитательного дома (П. С. З., т. XVIII, № 12957, стр. 315).

³⁾ Эту мысль высказывалъ, напримѣръ, Шаденъ въ рѣчи своей: *De anima legitim*, 1767 г. С. Шевыревъ, Ор. cit., стр. 158.

⁴⁾ Рѣчи и стихи произнесенные въ торжественномъ собраніи Имп. Московскаго университета июня 26-го 1830 г. М. 1830 г., стр. 81 и 99. Ср. Біографический Словарь профессоровъ Московск. унив. 1855 г., т. I, стр. 305.

въ основѣ послѣдней все же лежали своеобразныя начала туземнаго права¹). Если въ западной Европѣ, гдѣ рецепція римской доктрины достигла столь значительныхъ размѣровъ, уже въ XVII и началѣ XVIII вѣковъ стали учреждать самостоятельные каѳедры по національному гражданскому и государственному праву²), то въ Россіи подобное же выдѣленіе казалось тѣмъ болѣе законнымъ, чѣмъ менѣе русское право оказывалось зависимымъ отъ западно-европейскаго по содержанию.

Неудивительно поэтому, что императрица Екатерина II, возлагая на университетъ обязанность подготовлять знающихъ русскіе законы чиновниковъ, позаботилась о возможно болѣе благопріятной постановкѣ преподаванія русскаго права въ Московскомъ университѣтѣ: уничтожая школу при сенатѣ, она одновременно повелѣла для этихъ цѣлѣй учредить „особые классы россійской юриспруденції“ и преподавать ее (съ 1767 г.) на русскомъ языкѣ³). Дѣйствительно, около этого времени въ числѣ предметовъ, читаемыхъ на юридическомъ факультетѣ, впервые появляется русское право. Уже въ 1765 году Дильтѣт обѣщалъ читать право русское и другія права примѣнительно къ русскому; между 1770—1777 годами онъ въ самомъ дѣлѣ преподавалъ исторію русскаго права, права военное и морское по уставамъ и уго-

¹) Дополнительные курсы по статистикѣ, которые читалъ проф. Рейхель (вѣроятно въ Ахенвалль-Шлѣцеровскомъ духѣ) въ видѣ заключенія къ новѣйшей исторіи государства Европы (С. Шевырьевъ, Ист. Моск. унив., стр. 35, 186), едва ли пополнили этотъ проблѣмъ въ преподаваніи на юридическомъ факультетѣ, да и предназначались для филологовъ и историковъ. О содержаніи этихъ курсовъ, вѣроятно, можно судить по книгѣ, напечатанной І. Рейхелемъ подъ заглавіемъ: „Краткое руководство къ познанію натурального, церковнаго, политическаго и ироч. состоянія нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ Европейскихъ государствъ. Перев. съ лат., М., 1775 г.“. А. Шлѣцерь, на основаніи официальныхъ данныхъ читавшій статистику своимъ ученикамъ „въ Академіи Х-й линіи“, вѣроятно, воспользовался своими записками впослѣдствіи для составленія статистического обозрѣнія Россіи.

²) Преподаваніе французскаго права въ университетахъ начинается съ 1679 г. (A. Esmein, *Cours élémentaire d'histoire du Droit français*, Par., 2-те ed., 1895, p. 757). Агумашъ читалъ лекціи по государственному праву въ Іенѣ между 1605—1687 годами; G. Вейгер началъ свою лекцію по нѣмеckому гражданскому праву въ Витенбергѣ въ 1707 году. (G. Meyer, Staats- und Verwaltungsrecht in W. Lexis, Die Deutsche Universitten, I, 362—363 и H. Brunner, Deutsches Recht, ibid., I, 320). Блэкстонъ (W. Blackstone) едва ли не первый открылъ публичный курсъ англійскаго гражданскаго и государственнаго права въ 1753 г., послѣ чего на предѣта Винера основана была каѳедра англійскаго публичнаго права.

³) П. С. З., т. XVI, № 11989 (1763 г. декабря 15-го).

ловное право примѣнительно къ россійскимъ законамъ. Въ то же время Десницкій (съ 1767 г.) толковалъ Пандекты, а Третьяковъ (1771 — 1776) — Дигесты сравнительно съ правомъ россійскимъ. До 1783 г. И. Аничковъ уже открылъ курсъ по практической россійской юриспруденціи и судопроизводству, который затѣмъ продолжалъ извѣстный юристъ З. А. Горюшкинъ. Въ 1789—1790 гг., наконецъ, проф. Пургольдъ читалъ между прочимъ лекціи по введенію въ право россійское и по его исторіи¹⁾. Въ то же время З. А. Горюшкинъ сталъ преподавать россійское практическое юриспруденціе въ благородномъ пансионѣ, учрежденномъ при Московскомъ университѣтѣ, при чёмъ во вступительной рѣчи своей къ открываемому курсу наставляя на необходимости „пріобрѣтать знанія по россійскому юриспруденцію на основаніи правилъ, избранныхъ изъ законовъ“²⁾.

Сама императрица, однако, едва ли вполнѣ довѣряла педагогическимъ способностямъ профессоровъ Московскаго университета. Во время подготовительныхъ работъ по созванію большой комиссіи 1767 г. императрица размыкала между прочимъ и о томъ, какъ повысить образовательный уровень чиновниковъ, служившихъ по гражданскому вѣдомству. Съ этой целью она предполагала открыть благородныи юношамъ, желающимъ служить по судебнай части (*qui se destinent à la robe*) дорогу къ занятію должностей, заставляя ихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ исправлять обязанности стряпчихъ³⁾. Къ тому же времени, вѣроятно, относится и другое предположеніе императрицы, между прочимъ высказанное также однимъ изъ членовъ комиссіи 1767 г., обѣя учрежденіи при герольдіи „экзамена трибючнаго для тѣхъ, кои опредѣлится желаютъ къ дѣламъ и безъ такого въ законахъ экзамена никого не опредѣлить“⁴⁾. Предположеніе это, сводившееся въ сущности къ возстановленію государственныхъ экзаменовъ,

¹⁾ С. Шевыревъ, Ор. cit., стр. 132, 146—147, 186, 188, 228. Въ послужномъ спискѣ С. Десницкаго (Г. А. XVI, 168, Кар. 14, л. 540) говорится, что онъ началъ преподавать „наставленія и Пандекты права Римскаго сравнивая съ оними и право Россійское“ съ 1767 года; у С. Шевырева взамѣнъ 1767 г. стоитъ 1770-й.

²⁾ З. Горюшкинъ, Руководство къ познанію Рос. Законоискусства, т. I, М., 1811 г., стр. I—XII. Пансионъ открытъ былъ въ 1779 г. (С. Шевыревъ, Ор. cit., стр. 214). Курсъ практическаго юриспруденція стали читать въ немъ едва ли не съ 1786 г. (З. Горюшкинъ, Руководство, I, 2); рѣчь Горюшкина помѣчена 5-мъ сентября 1790 г.

³⁾ Г. А., X, 19, л. 468. Императрица считала нужнымъ при этомъ окрестить эту должность другимъ названіемъ.

⁴⁾ С. Р. И. О., XXXII, 440. Г. А., X, 19, л. 62.

известныхъ съ 1720 г. подъ названиемъ смотровъ, осталось, однако, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. То же недовѣріе сказалось и въ другихъ мѣропріятіяхъ императрицы. Въ 1765 г., напримѣрь, два студента академического университета посланы были въ Геттингенскій университетъ для обученія подъ руководствомъ Шлецера; въ числѣ предметовъ, входившихъ въ кругъ обученія, названы, кромѣ исторіи: статистика, натуральное право, немецкое государственное право (*jus publicum Germaniae*) и политика¹). Спустя три года послѣ появленія манифеста 15-го декабря, какъ извѣстно, нѣсколько молодыхъ русскихъ дворянъ также отправлено было въ Лейпцигъ для того, „чтобы между людьми въ дѣлахъ судебныхъ или судопроизводныхъ обращающими было нѣкоторое число судей, имѣющихъ понятіе, какимъ образомъ отличившіеся законоположеніемъ своимъ народы онѣ сообразовали съ дѣяніемъ гражданъ на судѣ“. Въ виду этой цѣли молодые люди, посланные въ Лейпцигскій университетъ, должны были обучаться „исторіи, наипаче праву естественному и всенародному, отчасти Римской имперіи праву“, а также моральной „философіи“; впрочемъ не всѣ они воспользовались столь благопріятнымъ случаемъ для пополненія своего образования, не всѣ съумѣли и употребить его въ дѣло по возвращеніи въ Россію²). Русскіе студенты, посланные изъ учебныхъ заведеній по духовному вѣдомству въ Оксфордъ и Кембриджъ также слушали лекціи по исторіи и юридическимъ наукамъ, но специальнно ими не занимались³). Императрица, какъ видно, уси-

¹⁾ Гр. Д. Толстой, Академический университетъ и пр. въ Сборн. отд. рус. яз. и слов., т. XXXVIII, стр. 58 и 65—67. Въ 1785 г. также послано было нѣсколько гимназистовъ-студентовъ въ тотъ же университетъ (Гр. Д. Толстой, Академическая гимназія въ XVIII ст., ibid., стр. 87).

²⁾ Сынъ Г. Теплова, напримѣрь, вернулся изъ Лейпцига „довольно обученный разнымъ наукамъ, въ томъ числѣ и юридическимъ“, но, вслѣдъ затѣмъ произведенный въ офицеры, „съ пріѣзда своего черезъ пять лѣтъ ни книга, ни пера, ни бумаги въ руки не бралъ и все то забылъ, чему были обучаемы..“ (Переписка Г. Теплова съ Екатериной II въ Госуд. Арх. V, 1, № 119).

³⁾ С. Р. И. О., т. X, стр. 107—131; А. Радищевъ, Житіе О. В. Ушакова въ „Восемнадцатомъ вѣкѣ“ т. I, стр. 187, 199. С. Порошинъ, Записки, С.-Пб. стб. 446. В. Александренко, Изъ жизни русскихъ студентовъ въ Оксфордѣ къ Ж. М. Н. Пр. за 1898 г., январь, стр. 5. — Бывали и охотники до заграниц资料ного образования по собственной инициативѣ, выражавшіе желаніе отправиться въ европейскіе университеты; таковъ былъ, напримѣрь, учитель Крутицкой семинаріи Д. Семеновъ, учившійся въ Геттингенскомъ университѣтѣ въ 1766—1772 гг. и слушавшій между прочимъ лекціи по исторіи, статистикѣ и правамъ естественному и международному (С. Соловьевъ, XXVI, 287).

ливая преподаваніе русскаго права въ университетѣ, продолжала тѣмъ не менѣе по примѣру своихъ предшественниковъ¹⁾ прибѣгать къ помощи иностранныхъ профессоровъ и учебныхъ учрежденій для ознакомленія нѣкоторыхъ изъ русскихъ студентовъ съ общими начальными юриспруденціями.

Это оказывалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что мѣропріятія, которыми Екатерина II думала поднять уровень юридического образованія въ Россіи, долго еще не приносили желанныхъ результатовъ. Изъ кадетскаго корпуса и послѣ изданія манифеста 1763 года все еще выпускали въ штатскіе чины молодыхъ людей, лишенныхъ надлежащихъ знаній. Университетскій курсъ также оканчивало еще очень мало студентовъ, едва ли всегда достаточно образованнѣй²⁾. Неудивительно поэтому, что по учрежденію губерній императрица отчасти возвратилась къ прежнему способу практическаго обученія молодыхъ людей законоискусству, при чёмъ надзоръ за такимъ обученіемъ изъ центральныхъ учрежденій перенесла въ мѣстныя. „Весьма желательно, читаемъ мы въ штатахъ чиновъ, опредѣленныхъ для отправленія правосудія въ губерніяхъ, да и главнокомандующему и губернскому правлѣнію нужно поощрять, чтобы молодые дворянѣ по окончаніи наукъ употребляли себя къ обученію не менѣе для нихъ полезному: знать законы своей страны и образъ судопроизводства; а для сего бы опредѣлились въ приказы, не вѣдя отнюдь въ предосужденіе благородству пріобрѣтать отъ первыхъ степеней канцелярскихъ свѣдѣнія и способности въ дѣлахъ и въ нихъ столько изощряться, чтобы могли поступая въ чины вышнѣе достойно и похвально исправлять свое званіе къ пользѣ общей; ибо такимъ преимуществомъ всегда отдается при выборѣ и опредѣленіи въ почетнѣйшия мѣста гражданскихъ должностей"³⁾. На этотъ обычай, можетъ быть, и жаловался Десницкій. „И по днесъ, писалъ нашъ юристъ въ 1778 году, вѣдь приступаютъ къ изученію законознанія въ канцеляріяхъ“; „начиная сперва консистами и прорываясь

¹⁾ Ср. П. С. З., т. V, № 2997. А. Болотовъ, Записки, т. I, стб. 937, 960—961.

²⁾ „Университетъ нашъ Московской, писалъ въ М. Щербатовъ уже послѣ 1775 года, является не довольно способными и искусными учителями и недостаточно они тщаніе прилагаютъ для такого обученія“ (эн. М. Щербатовъ, О способахъ преподавать разныя науки рук. въ Имп. Публичн. Библ., Эрмит. Библ., № 128, стр. 1).

³⁾ Ср. Уставъ о благочиніи, стр. 55. въ П. С. З., т. XXI, № 15379.

сквозь всѣ огромности бумагъ“, служащіе „выходить по долговремен-
номъ измѣненіи на перѣ въ канцеляристы и высшіе чины“; „и сей
способъ ученія юридическаго“, продолжаетъ авторъ, „только недостато-
чествующій во многомъ и при самомъ начинаніи, явно доказующійся
многотрудный и беспорядочный, повсемѣстно въ Россіи въ обык-
новеніе принять; такъ что всѣ почти, оставя всякое другое воспи-
таніе, какъ непотребное для приказанаго человѣка, отсылаютъ дѣтей
своихъ прямо къ повытчикамъ и канцеляристамъ для наученія ихъ
всей глубинѣ премудрости закона безъ всякихъ къ тому другаго при-
готовленій“ ¹⁾.

Итакъ, русскіе законоискусники, по мнѣнію талантливаго нашего
юриста, съ одной стороны не имѣли никакого общаго образованія, съ
другой обладали одними практическими свѣдѣніями, а не знаніемъ
первыхъ началь закона, безъ котораго приказная дѣятельность пре-
вращается въ рутину, такъ что „знающій порядокъ въ одномъ су-
дебномъ мѣстѣ, переведенъ будучи въ другое, непремѣнно снова дол-
женъ будетъ учиться порядку въ ономъ употребляемому“, пра чѣмъ
„малѣйшая перемѣна въ законѣ опрокинетъ и помутитъ весь его ра-
зумъ“ ²⁾.

Печальное положеніе, въ какомъ находилось юридическое образо-
ваніе того времени, объяснить нетрудно. Какъ ни проста была за-
дача, намѣченная манифестомъ 1763 года, выполнить ее оказалось не
такъ-то легко: помимо отсутствія достаточнаго количества среднихъ
учебныхъ заведеній, способныхъ подготовить молодыхъ людей къ слу-
шанію университетскихъ лекцій, у преподавателей и учениковъ (пред-
полагая даже со стороны тѣхъ и другихъ способность и полное же-
желаніе учить и учиться) не было подъ руками подходящаго системе-
тическаго сборника законовъ. По древнейшей исторіи русскаго
права, правда, существовали кое-какія изданія въ родѣ, напримѣръ,
„Древней россійской Вивліоеки“ Н. Новикова, выходившей отдель-
ными выпусками (частями) съ 1773 года; немногіе изъ важнѣйшихъ

¹⁾ П. С. З., т. XVII, № 12481. „Живописецъ“, изд. Н. Новиковъмъ, ч. I,
изд. 2-е, стр. 158—160. С. Десницкій, Ор. сіт., т. IV, стр. 356—357. Впрочемъ,
не всѣ такъ скептически относились къ этимъ порядкамъ: ви. М. Щербатовъ
жаждѣль обѣ упраздненіи юнкерскихъ школъ, „гдѣ познанію законовъ учились“
(Кн. М. Щербатовъ, Размышленія о законодательствѣ вообще въ Собр. соч.
т. I, стб. 425).

²⁾ З. Горюшкинъ, Руководство, ч. I, стр. VII.

памятниковъ законодательства и отдельные указы также печатались (см. ниже, гл. II). Но болѣе или менѣе цѣльного собранія материа-ловъ по новѣйшей исторіи русскаго права, расположенныхъ по какой-либо системѣ, еще не появлялось въ печати.

Частныя попытки подобнаго рода не увѣнчались успѣхомъ.

Еще въ 1748 г. академикъ Штрубе де Пирмонъ указывалъ на то, что систематической обработки русскихъ законовъ въ одной книгѣ собранныхъ и надлежащимъ образомъ расположенныхъ не имѣется въ литературѣ¹⁾; то же мнѣніе ему пришлось повторить и восемь лѣтъ спустя въ извѣстномъ его „словѣ о началѣ и перемѣнахъ рос-сийскихъ законовъ“. Не довольствуясь, однако, этими замѣчаніями проф. Штрубе, вѣроятно, около того же времени сочинилъ краткое ру-ководство къ российскимъ правамъ, въ которомъ расположилъ въ си-стематическомъ порядкѣ извлеченія и пересказы изъ русскихъ зако-новъ. Руководство Штрубе распадалось на двѣ книги: первая посвя-щена была праву особенному (частному), вторая праву общему или публичному. Въ первой части первой книги авторъ давалъ понятіе читателю о правахъ и законахъ вообще, а также о юриспруденціи и о главнѣйшихъ правилахъ при толкованіи и употребленіи правъ и законовъ наблюдаемыхъ; вслѣдъ за этимъ общимъ введеніемъ вторая, третья и четвертая часть первой книги должны были содержать излож-женіе правъ, „касающихся до персонъ, до имѣнія и до суда“. Вклу-чая, такимъ образомъ, ученіе о законѣ и о правахъ состоянія, о судо-устройствѣ и судопроизводствѣ въ отдѣль гражданскаго права, со-ставитель руководства естественно принужденъ былъ сузить содер-жаніе второй книги, посвященной праву публичному; сюда попало три отдѣла: 1) „о должностяхъ, касающихся до императорскаго величества“; 2) „объ отправленіи государственныхъ дѣлъ въ разныхъ коллегіяхъ, канцелярияхъ, конторахъ и прочихъ судныхъ мѣстахъ Россійской имперіи, а также о принадлежащихъ туда генеральныхъ должностяхъ и о прокурорскомъ чинѣ“; 3) „о военныхъ дѣлахъ“. Во второй книгѣ своего сочиненія Штрубе, какъ видно, излагалъ нормы дѣйствующаго государственного права, законы о верховной власти, а также обѣ органахъ управления гражданскаго и военнаго²⁾.

¹⁾ П. Пекарскій, Ист. Наукъ, т. I, стр. 677—678.

²⁾ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Госуд. Древлехр., отд. V, св. 7. Здѣсь, вромъ первого изъ поименованныхъ въ текстѣ сочиненій, сохранился неполный планъ краткаго руководства къ российскимъ правамъ; въ немъ недостаетъ § 3 второй

„Сочиненіе“ Штрубе, составленное натурализированнымъ иностранцемъ, монархистомъ по убѣжденіямъ¹), не заслужило, однако, одобрѣнія со стороны академіи, которая сочла сборникъ законовъ, дословно списанныхъ съ „печатныхъ книгъ“, непригоднымъ для обученія россійского юношества и поэтому оставила трудъ Штрубе неизданнымъ²). Комиссія 1767 г. обратила вниманіе на сборникъ бывшаго академика: въ ея бумагахъ оказался реэстръ, спisанный съ этого руководства, вѣроятно, по желанію самой императрицы; оригиналъ тѣмъ не менѣе не былъ напечатанъ³).

Между тѣмъ нѣкоторые изъ современниковъ комиссіи продолжали высказывать сожалѣніе о томъ, что не дѣлается „вѣрныхъ и обстоятельный всему своему описаній“⁴). Этой потребности должно было, повидимому, удовлетворить изданіе, которое нѣсколько позднѣе предполагала предпринять Академія Наукъ. „Многіе изъ господъ академиковъ объѣхали и любодытными и проницательными глазами осмотрѣли большую часть государства, черезъ что сами собою приобрѣли достаточное, какъ физическое такъ и моральное свѣдѣніе о сей великой части земного круга; при этомъ лѣтописи сей монархіи не представлять наричительнѣйшему изыскателю ни одного периода, въ коемъ бы ея сила и щастіе возрастали столь быстро и столь выгодно“. Въ виду этихъ

части второй книги (о прокурорахъ) и всей третьей части той же книги (о военныхъ дѣлахъ). Эта отдельность можетъ быть опущена въ виду того, что особой комиссіи по военной части въ 1767—1774 при большомъ собраніи не существовало, тогда какъ списокъ съ „плана“ и составленъ быть для депутатовъ комиссіи 1767 г. На существованіе цѣльнаго экземпляра руководства въ рукописномъ отдѣленіи Академіи Наукъ обязательно указать мнѣ проф. Н. М. Коркуновъ; благодаря любезности академика А. А. Куника я имѣлъ возможность ознакомиться съ его содержаніемъ. См. Соколофф, Каталогъ обстоятельный Россійскимъ руководствомъ книгамъ въ Россійской исторіи и географіи принадлежащимъ и въ академической библиотекѣ находящимся. С.-Пб. 1818 г., № 98. Краткое изложеніе—у П. Пекарскало, Ист. Акад. Наукъ, I, 681—682. М. Владимірскій-Будановъ. (Ор. cit. стр. 185) ошибочно приписываетъ составленіе краткаго руководства не Штрубе, а Бекенштейну.

¹) Strube de Piermont обыкновенно считаются авторомъ известнаго памфлета: „Lettres Russiennes“, направленномъ противъ замѣчаній, высказанныхъ Монтескье въ Esprit des Lois объ абсолютизмѣ вообще и о деспотическомъ характерѣ власти русскихъ государей въ частности; ср. ниже гл. IV-ю.

²) П. Пекарскій, Ор. cit., I, 683.

³) Въ позднѣйшее время (1789 г.) З. Горюшкинъ издалъ словарь юридический или сводъ российскихъ узаконеній.

⁴) С. Порошинъ, Записки, сгб. 60.

соображеній, особенно послѣдняго, бывшій въ то время директоромъ Академіи Наукъ С. Г. Домашневъ назначилъ особый комитетъ, въ которомъ приняли участіе Румовскій, Палласъ, Лаксманъ, Лепехинъ, Гюлденштедтъ, а также адъюнкты: Иноходцевъ и Георги. Комитетъ выработалъ и въ 1778 г. напечаталъ программу или „начертаніе общаго топографическаго и физическаго описанія Российской Имперіи“. Третья часть этой программы отведена „общему статистическому описанію Российскаго государства“; здѣсь члены комитета предполагали помѣстить свѣдѣнія: о властяхъ, о воинствѣ, о вѣрахъ и духовенствѣ, о гражданской власти и ея устроеніи, о населеніи государства, далѣе разсмотрѣть нынѣшнее сравненіе (sic) до пропитанія касающеся и показать естественныя богатства и преимущества Россіи въ связи съ ея торговлей ¹⁾.

Попытки Академіи Наукъ дать русской публикѣ обзоры прошлаго и современнаго состоянія Россіи въ юридическомъ отношеніи не увѣнчались успѣхомъ: собраніе Штрубе осталось неизданнымъ, а „Описаніе Российской Имперіи“ задумано было по такому широкому плану, выполненіе котораго въ ближайшемъ будущемъ оказалось невозможнымъ. Наконецъ, „статистика въ разсужденіи Россіи“ кн. М. Щербатова, содержащая между прочимъ главу о „правленіи“, не могла, конечно, замѣнить сборника законовъ Российской Имперіи, тѣмъ болѣе, что оставалась въ рукописи и издана была лишь гораздо позднѣе²⁾), а „словарь“ Ланганса быль въ сущности простымъ предметнымъ указателемъ къ важнѣйшимъ регламентамъ и указамъ, все еще не собраннымъ во-едино, да и не отличался надлежащею полнотою ³⁾). Поэтому составитель

¹⁾ Начертаніе и проч. С.-Пб. 1778 г. Отзывъ о немъ въ *С.-Петербургскомъ Вѣстнике*, 1778 г., ч. II, стр. 299—304. Кромѣ того въ V-й части указаны отдѣлы: экономическое и физическое описание царства растеній и животныхъ.

²⁾ Чт. М. О. И. и Д., 1859 г., кн. III, стр. 65—96. Въ главѣ о правленіи авторъ даетъ характеристику царской власти въ Россіи и обозрѣваетъ центральныя учрежденія (сенатъ и коллегіи); далѣе слѣдуютъ критическія замѣчанія о губернскихъ учрежденіяхъ. Къ сожалѣнію, глава о правленіи въ извѣстномъ намъ экземплярѣ обрывается на полуфразѣ. Замѣтимъ при этомъ, что сочиненіе кн. Щербатова оставалось неизданнымъ до позднѣйшаго времени и, слѣдовательно, ужъ по одной этой причинѣ не могло имѣть большаго распространенія.

³⁾ Ф. Лангансъ, Словарь юридический или сводъ российскихъ узаконеній по азбучному порядку для употребленія Императорскаго Московскаго Университета въ классѣ практической юриспруденціи, М., 1788 г. Это пособіе выдержало нѣсколько изданий; см. Лѣт. рус. літ., изд. Н. Тихонравовымъ, ч. V, отд. II, стр. 23 (М., 1863 г.).

перваго довольно полнаго свода российскихъ узаконеній, размѣщенныхъ въ первой части по азбучному порядку, а во второй пересказанныхъ авторомъ „по старшинству годовъ, мѣсяцовъ и числь“ (1648—1792 гг.), имѣлъ право замѣтить въ предисловіи къ своему изданію, что „такой книги, изъ которой и все отечество, а особливо отдаленные отъ столицъ обыватели (могли-бы) почерпнуть великія пользы до изданія намѣренного Нового Уложенія, до нынѣ еще въ Россіи не бывало“ ¹⁾.

Междудѣйствительно тѣмъ безъ такого сборника трудно было написать болѣе или менѣе сносное руководство по исторіи или догмѣ русскаго права. И дѣйствительно, сочиненій подобнаго рода въ сущности вовсе не имѣлось въ русской ученой литературѣ того времени.

„Слово“ Штрубе де Пирмона о началѣ и перемѣнахъ российскихъ законовъ касалось въ самыхъ общихъ чертахъ лишь древней исторіи русскаго законодательства до Петра I, конечно, не могло удовлетворить тѣмъ цѣлямъ, какія преслѣдовала Екатерина ²⁾. Еще менѣе пригоднымъ могъ показаться въ этомъ отношеніи трактатъ того же автора о „справедливости“ (*équité*), который долженъ былъ послужить для усовершенствованія Уложенія, и „предварительная размышенія о кодексѣ законовъ российскихъ императрицы Екатерины“. Судя по плану этого послѣдняго труда, Штрубе де Пирмонъ собирался начать его общими разсужденіями о законахъ, ихъ происхожденіи, цѣлесообразности, необходимости, многосложности, разнообразіи и обязательности, а также совѣтами о томъ, какъ перемѣнять и составлять ихъ;

1) *M. Чулковъ*, Словарь юридической или сводъ российскихъ узаконеній, временныхъ учрежденій суда и расправы, въ 2-хъ частяхъ, М., 1792—1795 гг. Первая часть (881 стр.) гораздо обширнѣе указателя Ланганса (210 стр. менѣе убористой печати); вторая содержитъ узаконенія 1648—1795 г. включительно и составляетъ до 4-хъ большихъ томовъ in 4°. Трудъ М. Чулкова былъ первымъ въ ряду многихъ другихъ сборниковъ, изданныхъ въ первой четверти XIX столѣтія Л. Максимовичемъ, Ф. Правиковымъ, А. Фіалковскимъ, С. Хапылевымъ, а также П. и Т. Хавскими выѣстѣ съ И. Цестовымъ и Е. Петровымъ; библиографическая указанія см. у *A. Смирдина*, Роспись, стр. 122—124.

2) *P. Пекарский*, Наука и литература при Петре I, т. I, стр. 677—678. *Strube de Piermont*, Discours sur l'origine et les changements des lois russiennes. SPt. 1756, p. 2. Русскій переводъ С. Нарышкина изданъ въ томъ же году. Составитель устава кадетскаго корпуса все еще указываетъ на книгу Пуффендорфа о должности человѣка и гражданина въ переходѣ Барбейрака, какъ на пособіе при изученіи правоучительной философіи и всенароднаго права, „буде нѣтъ другой, которая бы сей предпочтена быть могла“ (П. С. З., т. XVII, № 12741).

далѣе авторъ сообщалъ свѣдѣнія о законахъ россійскихъ и попыткахъ кодификаціи русскаго права до 1767 г. Но и эти сочиненія Штрубе, насколько намъ извѣстно, не были написаны, да и не могли замѣнить сборника русскихъ законовъ или учебника по русскому праву¹⁾.

Неудачный исходъ работъ въ комиссіи 1767 года и недостатокъ въ пригодныхъ руководствахъ къ познанію россійскихъ законовъ заставили Екатерину взяться за перо: въ 1783 году она, какъ извѣстно, издала книгу „о должностяхъ человѣка и гражданина“, „къ чтенію опредѣленную въ народныхъ городскихъ училищахъ Россійской имперіи“ и за послѣднія тринадцать лѣтъ ея царствованія выдержавшую шесть изданій²⁾. Сочиненіе императрицы дѣйствительно читали не только въ низшихъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ³⁾; оно, однако, не могло удовлетворить болѣе образованныхъ русскихъ читателей и юристовъ. Послѣдніе, между тѣмъ, не имѣли твердой почвы подъ ногами. Уже Десницкій въ 1768 году указывалъ на то, что для успѣшной разработки русскаго права необходимо имѣть собраніе всѣхъ древнихъ и новыхъ правъ, указовъ и законовъ, безъ знаній которыхъ одни теоретическія разсужденія не могутъ имѣть плодотворныхъ результатовъ⁴⁾. И дѣйствительно, работы Дильтея, Золотницкаго, Третьякова и того же Десницкаго, Калязина и Артемьева обнаруживали плохое знакомство съ русскимъ законодательствомъ и большей частью затрагивали лишь специальные вопросы по юриспруденціи, которые решали нерѣдко поверхностно и почти всегда искусственно, пользуясь началами иноземнаго права⁵⁾.

¹⁾ Свѣдѣнія о перепискѣ Г. Ф. Миллера съ Штрубе по этому дѣлу см. у П. Пеклorskаго, Ор. cit., I, 687—688.

²⁾ Книга С. Шуффендорфа „О должности человѣка и гражданина по закону естественному“ (рус. перев. изд. 1726 г.) къ тому времени конечно значительно устарѣла. Спустя два года послѣ изданія сочиненія императрицы Екатерины вышла французская книжка въ русскомъ переводѣ Р. Гвоздиковскаго подъ заглавіемъ: „Наставление (общенародное) или наука о правахъ и должностяхъ человѣческихъ“. С.-Пб. 1785 г.

³⁾ И. С. З., XVIII, стр. 306 (гл. II); т. XXI, № 16421. *Rус. Стар.* т. XXIII, стр. 316. А. Никитенко, Записки въ *Rус. Стар.*, т. LIX, стр. 517.

⁴⁾ С. Десницкій, О прямомъ и близайшемъ способѣ къ наученію русской юриспруденціи (Рѣчи русскихъ профессоровъ Импер. Московскаго унив. т. I, стр. 213—247).

⁵⁾ „Ф. Г. Дильтей“,—читаемъ мы въ предувѣдомленіи къ начальнымъ основаніямъ вексельного права (изд. 1794 г.), „сю книгу вырѣзъ изъ Гейнекія и по-

Для удовлетворительного выполнения той и другой задачи необходимо было имѣть подъ руками и учащимъ и ученикамъ всѣмъ до-ступное собрание законовъ, тѣмъ болѣе желательное, что оно могло бы вмѣстѣ съ тѣмъ служить справочною книгой и внѣ школы для служа-щихъ, а также образовательнымъ чтеніемъ для всякаго интересующа-гося исторіей и догмой русскаго права. Это хорошо понимали и профессора Московскаго университета. Въ 1765 году, напримѣръ, профессоръ Лангеръ требовалъ „экземпляръ Россійскихъ указовъ“, а Дильтей настаивалъ на необходимости расположить русскіе законы въ порядкѣ главъ и заглавій согласно съ ихъ содержаніемъ, для того, чтобы сдѣлать возможнымъ ихъ преподаваніе въ университетѣ¹⁾. Предложеніе Дильтея, можетъ быть, дошло до самой императрицы²⁾. Шаденъ говорить, что для преподаванія права въ училищахъ нужно, чтобы „нѣкоторое способное и притомъ сокращенное чертаніе зако-новъ отечества въ свѣтѣ было издано“³⁾. Наконецъ, и Десницкій въ 1769 г. также требовалъ по одному экземпляру: указовъ россійскихъ и своднаго уложенія, составленного послѣднею комиссией⁴⁾. Ту же самую потребность испытывали преподаватели и не университетскаго круга⁵⁾. Насколько она была значительна, показываетъ хотя бы тотъ фактъ, что даже плохой указатель Ланганса тѣмъ не менѣе выдер-жалъ три или четыре изданія, каждое тысячи по три экземпляровъ⁶⁾. Работы, подобная перечисленнымъ выше, не восполняли, однако, крупнаго пробѣла въ русской юридической литературѣ. „За единымъ

тому можно справедливо сказать, что она расположена по Гейнекціевої вексель-ныхъ правъ системѣ..“; впрочемъ, авторъ „долго трудился въ расположении, по-правлениіи и въ сношении Гейнекціевыхъ правилъ съ россійскимъ вексельнымъ уставомъ, при чёмъ премного и затрудненія имѣлъ въ изысканіи россійскихъ указовъ, къ таковому намѣренію его нужныхъ, и не могъ бы самъ достать, если бы не покойный князь Д. И. Цициановъ ихъ для него не прискивалъ“. Обзоръ трудовъ нѣкоторыхъ изъ русскихъ юристовъ этого времени см. въ соч. Г. Шер-шеневича, Наука гражданскаго права въ Россіи, Казань, 1893 г., стр. 3—8. Въ рукописныхъ собраніяхъ, кроме того, встрѣчаются до сихъ поръ ненапечатанныя сочиненія по юрисиурденціи, писанныя въ XVIII вѣкѣ.

1) С. Шевыревъ, Ор. cit., стр. 132.

2) С. Соловьевъ, И. Р., XXVI, 250.

3) Schaden, De apisa legum, рус. пер., стр. 25.

4) С. Шевыревъ, Ор. cit., стр. 149.

5) С. Порошинъ, Записки, стб. 83 и 118.

6) Н. Новиковъ, Показанія на допросѣ 1792 г. въ Лѣт. Рус. Лит. изд. Н. Ти-хонравовымъ, ч. V, Отд. II, стр. 23. Словарь Ф. Ланганса изданъ былъ „въ Уни-верситетской типографіи у Н. Новикова“.

и неимѣниемъ собраннаго изложенія всѣхъ правъ Россійскихъ, писалъ С. Десницкій въ 1778 г., никто не можетъ имѣть и приступа къ такой наукѣ, которая (то-есть которой) какъ древность, такъ и новость вся лежитъ разсыпана по разнымъ приказнымъ мѣстамъ въ запертыхъ и неприступныхъ ученымъ архивахъ и хранилищахъ¹. Въ виду подобнаго рода неблагопріятныхъ обстоятельствъ „системѣ Россійскихъ правъ, продолжаетъ разсуждать Десницкій, по особливому жребію досталось быть столько пренебреженнай въ учениі отъ всѣхъ, что она и поднесъ оставшись несобранною и не расположеною, не составляетъ въ себѣ никакой особливой науки, кромѣ практическаго употребленія судящихъ и судящихся, хотя и основана на твердомъ основаніи, и утверждена опытами множественныхъ вѣковъ“. Для того чтобы пополнить этотъ пробѣль, надо было бы, по мнѣнию московскаго профессора, прежде всего образовать „архиву или собраніе всѣхъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ правъ, законовъ и указовъ Россійскихъ, изъ коихъ бы потомъ сочинить можно самократчайшія наставленія всероссійскихъ правъ, въ которыхъ раздѣленіе и оглавленіе надлежитъ имѣть весьма примѣнительное къ свойству Россійскаго правленія и закона“. „Такое сведеніе и расположение онъхъ всѣхъ, по порядку, по матеріи и по времени составляетъ нынѣ трудъ *наивеличайший во всей юриспруденціи Россійской*“ ¹).

Не знаемъ, известны ли были С. Десницкому работы, предпринятые по составленію такого собранія въ канцеляріяхъ, оставшихся по закрытіи частныхъ комиссій 1767—1774 гг.; во всякомъ случаѣ мечты московскаго профессора очень подходили къ дѣйствительности. Трудъ непосильный для отдѣльныхъ лицъ взялась осуществить сама императрица. Возможно, что настоятельная потребность въ болѣе реальныхъ позитивныхъ данныхъ для разработки исторіи и догмы русскаго права и недостатокъ въ руководствахъ, которая дали бы русскому „граждану“ знакомство съ развитіемъ и современнымъ состояніемъ россійскаго „правленія“, и вызвали со стороны Екатерины желаніе воспользоваться материалами, собранными комиссией 1767 г. для того, чтобы составить изъ нихъ „описаніе внутренняго правленія Россійской имперіи со всѣми законоположенія частями“. Замѣтимъ при этомъ, что время, въ которое окончательно приступили къ составленію „описанія“ (см. ниже), совпадаетъ со временемъ учрежде-

¹) С. Десницкій, Ор. cit., ibid., т. I, 244, 245 и т. IV, 342, 356, 359—360
ср. кн. М. Щербатова, Статистика въ разсужденіи Россіи, стр. 93.

нія губерній. Описаніе какъ бы развиваеть и дополняеть краткій взглядъ, мимоходомъ брошенный на исторію нашого государственного устройства въ предисловіи къ учрежденію о губерніяхъ. Предполагаемый сборникъ законовъ могъ послужить не только материаломъ для юридического образованія русскихъ людей вообще, но и прочнымъ основаніемъ для административной и судебнай практики, получившей особенно важное значеніе съ учрежденіемъ о губерніяхъ: въ такихъ основаніяхъ крайне нуждалось и населеніе, привлеченнное къ участію въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, и само правительство, особенно въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ столицъ, где очень трудно было подбирать всѣ отдельныя изданія разныхъ узаконеній или наводить справки въ центральныхъ архивахъ.

Возможно, наконецъ, и то, что императрица, замѣтивъ новую потребность въ русскомъ обществѣ, пожелала дать ей удовлетвореніе, сообразное съ коренными задачами ея внутренней политики, уже принимавшей въ то время консервативный оттѣнокъ.

При такихъ условіяхъ описаніе становилось средствомъ для распространенія офиціозныхъ взглядовъ, выраженныхъ въ предувѣдомленіи къ нему, на неизмѣнность коренныхъ принциповъ государства и на опасности, какія сопряжены съ быстрыми и необдуманными перемѣнами въ правлениі и законахъ, безъ достаточныхъ знаній естества государственного установления и историческаго прошлаго даннаго государственного строя¹⁾). Съ подобнаго рода охранительной точки зрѣнія, находившей себѣ опору въ политическихъ теоріяхъ того времени, пред-

¹⁾ Предувѣдомленіе къ описанію начинается слѣдующимъ разсужденіемъ: „Въ тѣчениіи временъ ничто такъ человѣческаго вниманія не достойно, какъ состояніе царствъ земныхъ и тѣ премѣны коимъ они въ началѣ и распространеніи своеимъ бывають подвержены. Бытія повѣствуютъ намъ, что многія державы, едва успѣли блеснуть своимъ величиемъ, какъ уже совершеннымъ паденіемъ и разрушениемъ были угрожаемы; другія же напротивъ того долговременно въ неизвѣстности пребывая, и часто величайшимъ подвергаясь нещастіямъ, наконецъ, благосостояніе и силу свою недвижимо утвердили: откуда же происходитъ сіе столь удивительное противоположеніе, когда въ каждой изъ нихъ господствуетъ духъ правленія, въ каждой народныя дѣйствія законоположеніемъ бывають устроены и въ каждой общественное благосостояніе первѣшимъ закономъ почитается? Сіе сомнѣніе дотолѣ пребудетъ нерѣшимымъ, доколѣ со вниманіемъ не разсмотримъ мы всѣхъ частей внутреннаго правлениія каждыя державы и въ нихъ, яко въ первоначальныхъ сего противоположенія источникахъ не постигнетъ истиннаго понятія“. Итакъ, одни царства падаютъ, другія стоять; объясняется это дѣйствіемъ внутреннихъ причинъ, различныхъ въ томъ и другомъ случаѣ, различномъ характеромъ правлениія, оживляемаго тѣмъ или другимъ разумомъ законоположенія.

ставительница просвѣщенаго абсолютизма въ Россіи считала возможнымъ предложить русскому обществу послѣдней четверти XVIII вѣка юридическое образованіе въ извѣстномъ духѣ и для извѣстныхъ цѣлей. При бѣдности и случайности нашей литературы сочиненія, которое удовлетворяло бы такимъ взглядамъ, на лицо, однако, не оказывалось. „Но колико нашему намѣренію, читаемъ мы въ предувѣдомленіи къ „описанію“, предстоять будетъ затрудненіе, когда разумъ законоположенія, коимъ каждое правленіе было оживляемо или разными противорѣчіями затмненъ, или же совсѣмъ неизвѣстенъ. Итакъ, да будетъ позволено заключить, что сіе толико достойное человѣческаго рода упражненіе награждено будетъ совершенныемъ успѣхомъ ежели внутреннее правленіе каждыя державы (а въ томъ числѣ, конечно, и русской), объемлющее всѣ части законоположенія, написано и любопытному читателю предложено будетъ“¹⁾. „Любопытные читатели“, по мнѣнію составителей предувѣдомленія, не только остаются въ невѣдѣніи касательно основныхъ, неизмѣнныхъ принциповъ правленія: они плохо знаютъ и политическія перемѣны, происходившія съ ними въ теченіе нашей исторіи, а также мало проникнуты величиемъ и славой Россійской имперіи, какъ нельзѧ болѣе согласными съ „естествомъ ея государственного установления“. „Бытія, въ ней случившіяся, повѣданы столь кратко, что кромѣ внутреннихъ замѣшательствъ и подвиговъ на иноплеменные народы о всемъ прочемъ, яко нужнѣйшемъ и существенномъ дѣлѣ со всемъ почти умолчено: почему разсматривающій состояніе сея имперіи, по невѣденію притчинъ способствовавшихъ ея величию, не иначе какъ чрезъ неосновательныя догадки заключенія свои дѣлать долженствуетъ; такъ что, наконецъ, то самое златое время, въ которомъ открываются тмочисленныя дѣянія, достойныя вѣчнаго прославленія, будучи замѣшаны въ неосновательныхъ противорѣчіяхъ не токмо у потомства, но и въ настоящее время безъ должнаго уваженія останутся. И сіе-то столь ощущительное неудобство есть причиною изданія въ свѣтъ книги, заключающей въ себѣ внутреннее Россійскія имперіи правленіе со всѣми законоположенія частями“²⁾.

Какъ ни отрывочны сдѣланныя выше наблюденія, ими быть можетъ, однако, нѣсколько разъясняется то положеніе, въ какомъ находился вопросъ о русскомъ юридическомъ образованіи во второй по-

¹⁾ Румянцевскій и Публичный Музей, № 2937, т. I, л. 4.

²⁾ Румянцевскій и Публичный Музей, № 2937, т. I, л. 5.

ловинѣ прошлого вѣка. Слабое стремленіе къ юридическимъ зна-
ніямъ, пробудившееся въ русскомъ обществѣ съ эпохи реформъ и
усилившееся во время переворотовъ, обусловленныхъ манифестомъ
5-го февраля 1722 года, опредѣлилось во второй половинѣ XVIII
вѣка благодаря жизненной потребности этого общества въ правомѣр-
ныхъ отношеніяхъ сословныхъ группъ другъ къ другу. Распространеніе
такого образованія въ Россіи казалось тѣмъ болѣе желатель-
нымъ, что безъ него нормальное функционированіе государственного
механизма становилось затруднительнымъ, а это было противно и об-
щественнымъ и правительственнымъ интересамъ.

Но для того, чтобы удовлетворить новой потребности нужно было
прежде всего составить и издать такой трудъ, который замѣнилъ бы
несуществующіе въ Россіи полное собраніе и сводъ законовъ и ко-
торый легъ бы въ основу научнаго преподаванія и изученія русскаго
права, а также послужилъ бы справочною книгой для наличнаго со-
става присутственныхъ мѣстъ, да и для всякаго любопытнаго чита-
теля вообще.

Столь значительное предпріятіе оказалось по силамъ одному пра-
вительству; выполненіе его подготовили законодательныя комиссіи, не
разъ собиравшися въ теченіе первыхъ трехъ четвертей прошлого
вѣка; за это время онѣ накопили значительный рукописный мате-
риалъ, ожидавшій систематической разработки, и, такимъ образомъ, въ
извѣстной мѣрѣ обусловили возможность появленія собранія и свода
законовъ, въ которомъ нуждались не только эти комиссіи, но и все
русское общество второй половины XVIII столѣтія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Кодификаціонныя работы, подготовившія составленіе первого собранія и свода законовъ Российской Имперіи.

Взглядъ на педагогическое значеніе кодификаціи права первона-
чально развивался въ русскомъ обществѣ и правительствѣ незави-
симо отъ причинъ, вызвавшихъ кодификаціонныя работы надъ уло-
женіемъ. Въ XVIII вѣкѣ сильно нуждались, конечно, въ согласован-
ной системѣ законодательныхъ нормъ, но эти нужды были болѣе прак-
тическаго свойства: къ примиренію сословныхъ интересовъ и упроще-
нію дѣятельности государственного механизма, не находившей доста-
точно прочной опоры и сдержаніи въ законѣ, казалось, возможно было
приступить съ обнародованія свода или новаго уложенія.

Предпрыятіе подобнаго рода въ это время поставлено было, однако,
въ зависимость отъ цѣлаго ряда тяжелыхъ условій, значеніе кото-
рыхъ выяснить не трудно, если сравнить ихъ, хотя бы въ самыхъ
общихъ чертахъ съ тою обстановкой, въ какой производились ра-
боты надъ уложеніемъ 1649 года. Въ самомъ дѣлѣ, когда, послѣ
московскаго мятежа 1648 г. принялись за составленіе уложенія, го-
сударственная жизнь еще не представляла черезземѣрныхъ осложнен-
ий: правительство могло воспользоваться старымъ, заранѣе подго-
товленнымъ и однороднымъ материаломъ, довольно скромнымъ по объ-
ему, не принуждено было считаться съ мѣстными законодательствами
и политическими преданіями вновь покоренныхъ областей, да и не
преслѣдовало широкихъ цѣлей: оно подводило итоги прошедшему, не
заглядывая въ далекое будущее; его не смущали и не останавли-
вали теоретическія соображенія. Положеніе законодателя въ XVIII вѣкѣ
было совсѣмъ иное: ему приходилось имѣть дѣло съ громаднымъ и
чрезвычайно разнообразнымъ материаломъ, въ которомъ на ряду съ

старыми московскими указами попадались разные новые уставы и регламенты, частью вызванные потребностями текущей жизни, частью кое-какъ скопированные съ иноземныхъ образцовъ; къ этой грудѣ плохо систематизированныхъ данныхъ присоединялись иной разъ совсѣмъ несогласныя съ ними мѣстныя законодательства, разныя остановскія и малороссійскія привилегіи, а также обычай инородцевъ¹⁾. Справиться со всѣмъ этимъ материаломъ было тѣмъ труднѣе, что времени на спокойную и обдуманную его обработку не ставало, да и надлежащихъ работниковъ на лицо большую частью не оказывалось. Не смотря на столь неблагопріятныя условія, требованія, какія предъявлялись предстоящей кодификациі, повысились: задача ея, по мнѣнію образованныхъ людей того времени, должна была состоять не въ простой компиляції законодательного материала, составленной въ виду однѣхъ практическихъ цѣлей, а въ теоретической его переработкѣ, опирающейся не столько на позитивныя данные, сколько на начала „здраваго разума“; такой материалъ, во всякомъ случаѣ, казалось желательнымъ подчинить новой системѣ, где на ряду съ обязанностями населенія были бы указаны его права и законные предѣлы дѣятельности подчиненныхъ властей. Замѣтимъ, наконецъ, что мечтатели того времени придавали уложенію не одно только формальное, но и вполнѣ реальное значеніе: обеспечивая извѣстный порядокъ въ юридическихъ отношеніяхъ на „некончаемые вѣки“, законодатель долженъ быть, по ихъ мнѣнію, сверхъ того, сдѣлать населеніе счастливымъ и такимъ образомъ удовлетворить будущимъ запросамъ русской государственной жизни²⁾.

¹⁾ „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія, писала по этому поводу императрица Екатерина въ секретномъ наставлѣніи кн. А. Вяземскому,—суть провинціи, которая правится конфирмованными имъ привилегіями и нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бѣ было, однакожъ и называть ихъ чужестранцами и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью глупостью. Сіи провинціи также и Смоленскую надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы онъ обрусьли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу“ (Имп. Публ. Бібл., F., IV, № 484, Сборникъ, л. 26; вообще инструкція часто попадается въ рукописныхъ сборникахъ; она напечатана въ Членіяхъ М. О. И. и Д., 1858 г., кн. I, Смѣсь, стр. 101—104 и въ С. Р. И. О., VII, 345—348). „Imaginez, je vous prie, писала императрица Екатерина II Вольтеру, qu'elles (les lois) doivent servir pour l'Asie et pour l'Europe et quelle difference de climat, de gens, d'habitudes, d'idées m me!“ (С. Р. И. О., X, 204).

²⁾ И. Полосковъ, Сочиненія, изд. М. Погодинымъ, М. 1842 г., т. I, стр. 75, В. Татищевъ, Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ изд. Н. Попова М., 1887, стр. 152.

Какова бы ни была, однако, задача, преслѣдуемая русскими кодификаторами прошлаго вѣка, выполненіе ея поставлено было въ прямую зависимость отъ болѣе или менѣе полнаго собранія матеріаловъ, одинаково нужныхъ какъ для составленія свода, такъ и для сочиненія новаго уложенія. Такія работы, дѣйствительно, производились въ теченіе всего XVIII столѣтія въ разнаго рода государственныхъ установленихъ. Съ одной стороны сенатъ занимался собирашеніемъ и разборомъ указовъ, временныхъ и „принадлежащихъ до вѣчнаго опредѣленія“, которые издавалъ впослѣдствіе въ видѣ особыхъ сборниковъ, съ другой и кодификаціонныя комиссіи XVIII вѣка, въ особенности комиссіи 1754 — 1766 и 1767—1774 гг., посвятили не мало времени и усилий на приготовленіе историко-юридическихъ матеріаловъ, необходимыхъ для правильнаго пониманія предстоящихъ задачъ кодифікаціи русскаго права. Обратимся къ краткому обозрѣнію этихъ работъ, обусловившихъ возможность появленія въ концѣ XVIII вѣка такого сборника, который могъ въ извѣстной мѣрѣ претендовать на название „полнаго“ собранія и свода „законовъ“ Российской Имперіи.

I. Собирание, разборъ и издание указовъ временныхъ и „принадлежащихъ до вѣчнаго опредѣленія“.

Матеріалы, нужные для кодификаціонныхъ работъ, на первыхъ порахъ поручено было собирать сенату¹⁾.

Strube de Piermont, Discours sur l'origine et les changements des loix Russiennes, 1756, S.-Pt., pp. 36—37.—См. также мнѣніе и проекты многихъ законодательныхъ комиссій XVIII вѣка. „Мы сочиняемъ проектъ законовъ, говорилъ одинъ изъ депутатовъ комиссіи 1767—1774 гг. съ тѣмъ, что бы содѣлать всѣхъ поданныхъ Ея Величества счастливыми“ (С. Р. И. О., XXXVI, 290; ср. 291 и 293).— „Многіе-ль вникли, писаль кн. М. Щербатовъ, въ тѣ обстоятельства которыя должны быть основаніемъ законовъ? взяли ли весь надлежащи трудъ сообразить политическіе и гражданскіе законы съ божественными и естественными? Разсмотрѣли ли умоначертаніе народное и расположение страны? вникнули-ль въ пребывающіе законы и съ какими намѣреніями они были содѣланы и въ самые обычай? И мудро умѣютъ ли соединить пользу народную съ пользою государевою и государства?“ (Кн. М. Щербатовъ, Размышленія о законодательствѣ вообще въ Соб. соч., т. I, стб. 356—357; ср. его же разныя размыщенія о правлѣніи въ Членіяхъ Моск. Общ. Ист. и Древ. за 1860 г., кн. I, стр. 44).

¹⁾ Въ 1695 г. приступили къ сочиненію проектовъ для пополненія уложенія и новоуказныхъ статей „во всѣхъ приказахъ“, безъ того уже обремененныхъ всякаго рода дѣлами и поэтому едва ли выполнившихъ возложенное на нихъ порученіе (П. С. З., т. III, № 1513).

Въ 1714 (марта 16-го) и 1720 (апрѣля 29-го) годахъ ему велѣно было разобрать всѣ указы „за подписаніемъ Его Величества собственныя руки“, при чёмъ тѣ изъ нихъ, „которые въ постановлѣніе какого дѣла изданы, припечатывать въ регламенты, артикулы, уставы и прочее по вся годы“, а времянные помѣщать въ особыю книгу¹). Въ силу этого распоряженія указы состоявшіе съ 1714 г. по 1730 дѣйствительно были разобраны и напечатаны²). Дѣло тянулось, однако, очень долго (съ 1718 по 1743 годъ) и не получило дальнѣйшаго движенія. Докладъ Миниха о необходимости собрать и издать всѣ россійскіе указы и регламенты, представленный имъ въ 1735 году императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, повидимому, также остался безъ послѣдствій³). Только восемь лѣтъ спустя, въ 1743 году, бывшій тогда генераль-прокуроромъ кн. Н. Ю. Трубецкой велѣлъ приступить къ такой работѣ надъ указами 1730—1743 гг., различая временные отъ тѣхъ, которые принадлежать „до вѣчнаго опредѣленія“. Но и эта попытка едва ли увѣнчалась успѣхомъ. Еще въ 1760 г. (сентября 14-го) императрица Елизавета поручила генераль-прокурору кн. Я. П. Шаховскому сочинить реэстръ по матеріямъ, содержащимся въ указахъ, которые состоялись при жизни родителя ея Петра первого и слѣдующихъ за нимъ государей; „господа сенаторы“ должны были объявить свое мнѣніе объ указахъ отмѣненныхъ или новыхъ, пополнявшихъ прежніе. Но и это распоряженіе не привело къ желанному результату. Черезъ три года (1763 г. февраля 14-го) сенатъ принужденъ былъ сознаться, что съ 1730 г. „и понынѣ указовъ не собрано и въ печать не выдано“. „Сожалѣтельно, писалъ около того же времени Ф. Г. Дильтей, что продолженіе всѣхъ данныхъ

¹) П. С. З., т. V, № 2785 и т. VI, № 3574. Ср. указы 1723 г. ноября 6-го и 1724 г. марта 11. (П. С. З. т. VII, № 4847).

²) Перечисленіе отдѣльно изданныхъ въ XVIII вѣкѣ инструкцій (едва ли впрочемъ полное) см. у В. Сопикова: Оп. Росс. Библ., ч. III, №№ 4566—4646. Указы 1714—1730 гг. были напечатаны книгами, вышедшими въ разное время въ 1718—1743 гг.; подробноти см. въ предисловіи къ П. С. З., прим. 3.

³) *Отеч. Зап.* П. Свинина, т. V, 1821 г., стр. 270—277. Подобное же мнѣніе высказывалъ, повидимому, и А. Волынскій въ своемъ „генеральномъ проектѣ“ Д. Корсаковъ, „А. И. Волынскій“ въ *Древ. и Нов. Рос.*, 1877 г., № 8, стр. 292. Нѣкоторые изъ манифестовъ, регламентовъ и уставовъ, отдѣльно изданныхъ въ XVIII вѣкѣ до 1762 г., указаны С. Хапылевымъ: Систематическое собраніе россійскихъ законовъ и проч., ч. I, С.-Пб. 1817, стр. 33—35. Перечисленіе изданныхъ въ XVIII вѣкѣ сборниковъ указовъ см. въ ст. Е. Карновича: О новомъ изданіи полнаго собранія законовъ въ *Русск. Стар.*, 1874 г., т. X, стр. 412.

указовъ не имѣется отъ 1730 года до славнаго царствованія Екатерины II¹).

Кромѣ сборниковъ сенатъ занимался составленіемъ „книгъ“; въ каждой изъ нихъ собраны были указы, утвержденные въ теченіе небольшаго промежутка времени, напримѣръ, одного года. Въ генераль-прокурорской экспедиції до 1767 года успѣло накопиться нѣсколько такихъ книгъ; ими впослѣдствіи воспользовалась комиссія 1767 года²). Въ означенныя книги, однако, попадали не всѣ узаконенія. При началѣ печатанія указовъ каждого года, генераль-прокуроръ представлялъ докладъ о нихъ императрицѣ и „въ сходственность высо-чайшей аппробації“ вносилъ указы, „слѣдующіе къ непремѣнному законоположенію“, въ число печатаемыхъ въ книгахъ. Такой порядокъ соблюдался, по крайней мѣрѣ, въ царствованіе императрицы Екатерины II и, быть можетъ, въ числѣ другихъ причинъ, задерживалъ своевременный выходъ „указныхъ“ книгъ изъ типографіи. Указовъ, состоявшихся, напримѣръ, послѣ 1-го июля 1766 г., не было напечатано (въ книжкахъ) еще въ 1779 г.; всѣ они „хотя и находились въ разныхъ сената экспедиціяхъ по принадлежности, но оставались неразобранными“; книга указовъ за 1768 годъ вышла, повидимому, еще позднѣе, о чёмъ можно судить по одному изъ приказовъ генераль-прокурора объ уплатѣ типографскаго счета по ея печатанію и о покупкѣ 3000 экземпляровъ этой книги, для разсылки ихъ по намѣстничествамъ²).

Затрудненія, какія испытывалъ сенатъ при изданіи „указныхъ книгъ“ заставили его, вѣроятно, возложить выполненіе этого дѣла на Академію Наукъ и Московскій университетъ. Въ февралѣ 1763 года сенатъ поручилъ экспедиціи о сочиненіи уложенія собрать всѣ указы со временъ Петра Великаго, имѣвшіе характеръ вѣчныхъ уза-

1) Ф. Г. Дильтей, Опытъ Рос. Геогр. М., 1771 г., стр. 305.

2) До 18-го января 1767 г. въ генераль-прокурорской экспедиції имѣлись собраны въ книгахъ нижеписанныхъ годовъ: 1727, 1730, 1731, 1733 (послѣднія двѣ даты писаны другою рукой) и 1735; 1732; 1734, съ 1741 по 1745; 1745; съ 1746 по 1750; 1751 и 1752; 1753 и 1754; 1755 и 1756; 1757; 1758; 1759 и 1760. (Арх. Мин. Юстиц. III Отд. Сенат. Отд., Ген.-прок. дѣла, № 6446, л. 447).

3) Арх. Мин. Юстиції, III Отд. Сенат. Отд., ген.-прок. дѣла, № 6467, приказъ 1786 г. декабря 30-го № 6480. (Отвѣтъ кн. А. Вяземскаго на записку П. Собионова, который нуждался во всѣхъ состоявшихся отъ 1775 г. по „нынѣшнее время“ слѣдующихъ къ законоположенію указахъ, 12-го сентября 1779 года). Указанная книга за 1767 г. издана въ 1781—1783 гг., а за 1768 г.—въ 1786 г.

коненій и изданные во всенародное извѣстіе, съ тѣмъ, чтобы отослать ихъ въ Академію и Университетъ для напечатанія ихъ особыми книгами и для продажи въ народѣ¹⁾.

Не успѣвая издаватъ болѣе или менѣе значительные сборники узаконеній, сенатъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими присутственными мѣстами довольствовался обнародованіемъ текущихъ указовъ. Это право долгое время оставалось за типографіями сенатской и синодальной; съ появлениемъ губернскихъ типографій, которыхъ, впрочемъ, въ то время было очень не много, оно распространялось и на эти послѣднія. Вмѣстѣ съ тѣмъ печатаніе трактатовъ и другихъ публичныхъ актовъ, заключенныхъ между Россіею и иностранными державами, поручено было типографіи, учрежденной при архивѣ иностранной коллегіи въ 1783 году, а затѣмъ черезъ полтора года и при самой коллегіи въ С.-Петербургѣ²⁾). Кромѣ того, указы, предназначенные для всенародного свѣдѣнія, печатались Академіей Наукъ и Московскимъ университетомъ въ „Вѣдомостяхъ“, а также появлялись вмѣстѣ съ другими правительственными распоряженіями на страницахъ „С.-Петербургскаго Вѣстника“³⁾). Всѣ эти работы по обнародованію указовъ не могли, конечно, замѣнить печатныхъ сборниковъ, содержащихъ болѣе или менѣе значительное число узаконеній и облегчавшихъ предстоящія работы по кодификаціи права⁴⁾.

¹⁾ П. С. З., т. XVI, 11.757 (1763 г. февраля 14-го). *С. Порошинъ*, Записки, стб. 193; сравн. стб. 261.

²⁾ П. С. З., т. XXI, № 15633 (14-го января 1783 г.); т. XXII, № 16048 (1784 г. августа 17-го). О заведеніи особой типографіи для кабинета и коллегіи иностранныхъ дѣлъ).

³⁾ О позднѣйшихъ работахъ сената надъ „экстрактами“ изъ законовъ см. ниже въ гл. III.

⁴⁾ Въ указѣ 1780 г. апрѣля 8-го императрица Екатерина во всякомъ случаѣ обнаружила нежеланіе предоставить право такимъ учрежденіямъ, какъ Академія Наукъ и Московскій университетъ, печатать въ издаваемыхъ ими вѣдомостяхъ какія бы то ни было узаконенія, которыхъ „до свѣдѣнія въ народѣ не принадлежать“ и позволяла имъ помѣщать на страницахъ своихъ вѣдомостей лишь то, что „объявляется для всенародного свѣдѣнія или что благоразсудить назначить само правительство“ (П. С. З., т. XX, № 15001; Ср. т. XXI, № 15212), Нѣсколько позднѣе общество любителей наукъ, во второй части издаваемаго имъ съ 1-го января 1778 года periodического „сочиненія“ подъ названіемъ „С.-Петербургскій Вѣстникъ“, печатало между прочимъ „всѣ указы Ея Императорскаго Величества и Правительствующаго Сената, а также трактаты“ и кромѣ того разнородныя политическія извѣстія (*С.-Петербургскій Вѣстникъ*, ч. I, 1778 г., Предув., стр. 4—5). Издание *С.-Петербургскаго Вѣстника* разрѣшено было импе-

Итакъ, собираніе указовъ, ихъ разборъ и изданіе сенатомъ шли очень медленно; его работы не приводили къ удовлетворительнымъ результатамъ.

II. Подготовительные работы по собиранію, разбору и своду законодательного материала, нужного для сочиненія проекта нового уложенія.

Причины неудачного исхода работъ, производившихся въ сенатѣ, состояли прежде всего въ томъ, что выполнение этихъ трудовъ требовало значительного числа работниковъ. свободныхъ отъ какихъ бы то ни было постороннихъ служебныхъ занятій; въ противномъ случаѣ обычное теченіе дѣлъ остановилось бы.

Въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ правительство рѣшило возложить часть своихъ обязанностей по кодификаціи на русское общество; въ числѣ прочихъ службъ, оно призвало его къ отправленію и новой не легкой для него повинности, которая сводилась къ обязательному участію депутатовъ, пріѣхавшихъ изъ провинціи, въ разныхъ столичныхъ комитетахъ и комиссіяхъ для составленія проекта нового уложенія.

Работы по собиранію и „сведенію“ указовъ стали сосредоточиваться въ этихъ установленияхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, уже палата обѣ уложений поручила подьячимъ распределить внесенные изъ приказовъ статьи по главамъ уложения 1649 г.¹⁾; одно изъ отдѣленій комиссіи 1730 года также занималось составленіемъ систематическихъ сводовъ, при чёмъ по силѣ сенатскихъ опредѣленій 1720 и 1721 годовъ имѣло право требовать отъ всѣхъ правительственныхъ мѣстъ копіи съ нужныхъ ему указовъ. Составители сводовъ, однако, сами сознавались въ томъ, что „на нихъ утвердиться невозможно и печатать опасно, понеже оные сочинены токмо для одного слушанія, а не для напечатанія“²⁾). Проектъ 1740

ратрицею не позднѣе 6-го ноября 1777 г. (Арх. Мин. Юстиц., III, Отд. Сената. Отд. № 6480, лл. 65—167). Въ Вѣстникѣ дѣйствительшо печатались немногіе новѣйшіе указы и правительственные распоряженія; въ теченіе 1778 г. изданіе это привлекло до 376 подписчиковъ изъ разныхъ слоевъ общества; въ 1779 г. ихъ было всего 293. Но уже въ послѣдней части этого изданія (за 1781 г.) указовъ не встрѣчается.

¹⁾ П. С. З., т. IV, № 1765. Д. Полѣновъ, Палата о Уложеніи, стр. 43—44.

²⁾ Арх. Госуд. Сов., дѣла Код. Отд., № 599 (старой нумерациі). П. С. З., т. XVI, № 11757. Въ 1764 г. (дек. 15-го) сенатъ снова освободилъ комиссію отъ

года объ учрежденія особой комиссіи, „которая впрочемъ ничего другаго не дѣлала бы“, какъ только занималась-бы составленіемъ „новой книги законовъ“, остался, какъ извѣстно, не выполненнымъ, а между тѣмъ предлагаемый „способъ“ для веденія кодификаціонныхъ работъ вскорѣ былъ примѣненъ въ сосѣднихъ государствахъ (Пруссіи и Австріи) и позднѣе привелъ къ довольно выгоднымъ результатамъ¹⁾. Вообще, работы на первыхъ порахъ шли очень вяло; за полстолѣтія еле успѣли приготовить нѣсколько отдѣльныхъ главъ уложенія.

Дѣло пошло гораздо быстрѣе благодаря трудамъ комиссіи, учрежденной сенатскимъ указомъ отъ 28-го іюля 1754 г. и частныхъ комиссій (до 35), образованнымъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ²⁾. Работы по собиранию и разбору указовъ окончательно сосредоточились въ этой комиссіи. Такое мѣропріятіе вызвано было тѣмъ, что параллельная занятія, какія велись въ комиссіяхъ и въ сенатѣ по одному и тому же дѣлу, „разбору указовъ по матеріямъ“, давали возможность каждому изъ этихъ установленій объяснять свои проволочки нерадѣніемъ другаго. Такъ какъ на сенатѣ лежало множество другихъ дѣлъ, а комиссія была созвана въ виду специальныхъ цѣлей кодификаціи, то ей и поручено было (съ 11-го марта 1754 г.) веденіе законодательныхъ работъ, производившихся въ сенатѣ, на что указывали сенаторы въ сентябрѣ 1760 г.; черезъ годъ съ небольшимъ (октября 1-го) по предложению гр. Р. Л. Воронцова и кн. М. И. Шаховскаго сенатъ постановилъ: „сочинителей по матеріямъ каждого присутственного мѣста пунктовъ, такожъ и забиранія штатовъ подчинить всѣхъ въ единственную власть комиссіи, дабы она о каждомъ изъ нихъ сколько кѣмъ сдѣлано и зачѣмъ неокончано и нѣть ли въ произведеніи какого препятствія, то все знать и ко окончанію кого

разобранія имѣющихъ силу закона указовъ и сенатскихъ приговоровъ для напечатанія и составленія реестровъ; все это дѣло онъ предоставилъ сенатскому архиву подъ наблюденіемъ генераль-прокурора (П. С. З., т. XVI, № 11927, 11958, 12292).

¹⁾ *Пр. Остерманъ*, Представленіе и пр. въ Памят. нов. рус. истор., С.-Пб., 1873 г., т. III, отд. 2, стр. 259.

²⁾ *В. Латкинъ*, *ibid.*, стр. 82—86. Въ тоже время независимо отъ комиссіи „уложеній“ дѣйствовало еще нѣсколько частныхъ комиссій; таковы, напримѣръ: воинская (съ 1762 г.) и комиссія о бѣглыхъ, однодворцахъ и о торговлѣ; въ послѣднюю (8 го декабря 1763 г.) Императрица предполагала привлечь „горгующихъ россійскихъ купцовъ 2 человѣка“ (П. С. З., т. XVI, № 11985; С. Р. И. О., VII, 327 и 329).

слѣдуетъ принуждать могла". Наконецъ, въ 1763 г. (февраля 14-го) сенатъ опредѣлилъ указамъ, состоявшимся „въ вѣчное узаконеніе" и ненапечатаннымъ съ 1730 г., сочинить реестръ въ экспедиції при сочиненіи уложенія и отослать ихъ въ Московскій университетъ и въ канцелярію Академіи Наукъ для напечатанія указныхъ книгъ. Такимъ образомъ собирали указовъ, разборъ ихъ по „матеріямъ", „сочиненіе" экстрактовъ или выписокъ изъ законовъ и составленіе изъ нихъ „сводовъ", словомъ всѣ предварительныя занятія по кодификаціи временно сосредоточились въ комиссіи 1754 — 1766 гг.¹⁾, а это, вѣроятно, доставило ей возможность передать слѣдующей комиссіи значительное количество накопленныхъ ею материаловъ.

Кромѣ печатныхъ книгъ указовъ 1714 — 1742 годовъ, комиссія 1754 г. располагала довольно обширнымъ законодательнымъ материаломъ, переданнымъ ей изъ важнѣйшихъ присутственныхъ мѣстъ въ столицѣ. По опредѣленіямъ правительствующаго сената (4-го и 11-го августа 1754 г.) вѣльно было, напримѣръ, „всѣ имѣющіеся въ сенатѣ законодательные акты и поданные о приходящихъ въ судахъ споры, доношенія и мнѣнія и какія еще по сенату о сумнительныхъ дѣлахъ изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ представленія и дѣла и указамъ сочиненные реестры имѣются, оные всѣ отдать въ комиссию". Въ ея распоряженіе попали также книги указовъ, собранныхъ по коллегіямъ съ 7157 по 1736 годъ; книги эти, повидимому, содержали богатый законодательный материалъ по вѣдомству 48 центральныхъ учрежденій (не считая московской губернской канцеляріи), частью уже упраздненныхъ, частью еще существовавшихъ въ половинѣ прошлого вѣка. Наконецъ, комиссія имѣла возможность воспользоваться работами предшествующихъ учрежденій подобного же рода: „всѣ имѣвшіяся въ сенатѣ копіи съ указовъ, собранныя къ сочиненію уложения своды указовъ по нѣкоторымъ учрежденіямъ и что того уложения сочинено и скрѣплено, также и тѣ кои слушаны, а не скрѣплены и кои же сочинены, а не слушаны, бѣлые и черныя, и реестры, и что еще сочинить надлежитъ", сенатъ опредѣлилъ передать въ комиссию 1754 г.²⁾.

Систематические экстракты изъ законовъ, собранныхъ такимъ образомъ въ ея архивѣ, велись такъ, что къ каждой изъ главъ, на ко-

¹⁾ П. С. З., т. XVI, № 11757.

²⁾ Арх. Мин. Юстиц., Сенат. Отд., № 2847 (Дѣла Комиссіи 1754—1766 гг.), лл. 7, 133, 157—159.

торыя распадались отдельныя части проекта, сообразно заранѣе изгото-
вленному плану подобраны были узаконенія, начиная большею ча-
стью съ уложенія царя Алексѣя Михайловича и кончая половиною
пятидесятыхъ годовъ, при чмъ выписки каждой главы слѣдовали
одна за другой въ хронологическомъ порядкѣ ¹⁾.

Несмотря на рѣзкій и едва ли вполнѣ беспристрастный приговоръ,
высказанный кн. Щербатовымъ о членахъ комиссіи 1754—1766 гг. ²⁾,
имъ удалось составить двѣ части уложенія: судную и криминальную ³⁾,
къ которымъ вслѣдъ за тѣмъ присоединилась третья: о состояніи под-
данныхъ вообще, по видимому окончательно выработанная комиссіей
1761 года; четвертая, судя по плану, должна была содержать нѣко-
торые изъ основныхъ отдѣловъ гражданскаго права ⁴⁾.

¹⁾ Имп. Публ. Библ., F II № 215, томы 1, 2, 3 и 4: экстракты изъ зако-
новъ для составленія проекта нового Уложенія 1754—1766 года. Въ I томѣ эк-
стракты по судной части, во 2-мъ и 3-мъ по уголовной части, въ 4-мъ по чет-
вертой, „земской“, части. Выписки въ 1-й части экстрактовъ расположены при-
близительно по тѣмъ же статьямъ, какія намѣчены и въ первой части проекта,
хотя въ нѣсколько иномъ порядке, съ небольшими пропусками и добавленіями.
(В. Латкинъ, Ор. сіт., стр. 140—144). Порядокъ, въ какомъ идутъ выписки вто-
раго и третьаго томовъ этого любопытнаго собранія, почти вполнѣ соотвѣтствуетъ
плану, по которому расположены статьи уже изданнаго проекта уголовнаго
уложенія; въ рукописномъ текстѣ нѣть: 2-й и 10-й главъ печатнаго, далѣе главы
55 и 56, 61 и 62 послѣднаго въ рукописи поставлены въ обратномъ порядке.
Каждый отдѣлъ рукописи начинается такъ: выписка по 2-й части (очевидно
плана проекта нового уложенія) о... томъ-то въ главѣ такой-то.—Подобные же
экстракты по второй части (неполные) находятся въ другомъ сборнике Имп.
Публ. Библ., F II, № 22, лл. 389 sqq.—Отрывки изъ экстрактовъ по 3-й части
проекта попали въ IV „земскую“ часть. То же соотвѣтствіе замѣчается между
порядкомъ выписокъ четвертой части и планомъ этой части, хранящимся въ
Архивѣ Иностр. Дѣлъ, Государств. древлехранилище, Отд. V, карт. 6, св. 6.

²⁾ Кн. М. Щербатовъ, О поврежденіи правовъ въ Русской Старинѣ, 1870 г.,
т. II, стр. 109—110. Въ числѣ членовъ комиссіи авторъ не упоминаетъ извѣст-
наго знатока естественнаго права Штрубе де Пирмонта, а также Безобразова и
Вихляева.

³⁾ Характеристику ихъ см. въ „Краткомъ обозрѣніи хода работъ и предпо-
ложеній по составленію нового кодекса законовъ о наказаніяхъ“. С.-Пб., 1846 г.
стр. 15—17 и 24 и въ изданіи А. Востокова и Н. Сергѣевскаго.

⁴⁾ Обозрѣніе, стр. 22 и 26. Первоначально порядокъ плана бытъ иной: на
второмъ мѣстѣ стояла третья часть (о состояніяхъ), на третьемъ—четвертая (объ
имѣніяхъ) и на четвертомъ—вторая (о розыскѣ). Первыхъ двѣ части готовы были
къ 25-му юлю 1755 года. Третья изготовлена гораздо позже. До конца 1760 г.
готовы были лишь первыя 17 главъ этой III части, но депутатамъ, собравшимся
въ 1762 г. уже предложены были три части уложенія. Такимъ образомъ, третья

Всѣ эти попытки не увѣнчались. однако, успѣхомъ: уже въ сентябрѣ 1763 года появился сенатскій указъ, повелѣвавшій комиссіи возвратить въ сенатъ разобранные ею указы для напечатанія, а съ 15-го декабря слѣдующаго года веденіе этого дѣла снова перешло въ „правленіе при сенатскомъ архивѣ; что же касается до самого уложенія, то, какъ извѣстно, первыя двѣ части проекта возвращены были императрицею обратно въ комиссію, а послѣднія двѣ не дождались утвержденія“, такъ какъ члены комиссіи въ 1766 году окончательно были распущены по домамъ¹⁾). Впрочемъ, составленныя комиссией три части уложенія поднесены были генераль-прокуроромъ А. Глѣбовымъ императрицѣ Екатеринѣ II въ 1763 году и „всѣ въ одной связкѣ по повеленію ея Величества въ малиномъ кабинетѣ на лѣвой сторонѣ у дверей не развязывая положены“. Первая часть этого уложенія, повидимому, была кое гдѣ исправлена едва ли не рукою Г. Козицкаго, секретаря императрицы по такого рода дѣламъ²⁾.

часть, оконченная во всякомъ случаѣ не ранѣе 27-го марта 1761 года, была по-видимому, готова въ 1762 году. Нѣкоторыя изъ ея редакцій, однако, можетъ быть, еще болѣе позднаго происхожденія. Сохранилось, напримѣръ, извѣстіе объ одномъ изъ указовъ Петра III, въ силу которого дѣлопроизводство въ правительственныхъ мѣстахъ должно было производиться на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ (*Laveaux, Hist. de Pierre III*, р. 186). Между тѣмъ въ третьей части проекта главы IV, ред. Б. § 4 читаемъ слѣдующее: „которые въ россійскомъ языкѣ довольно искусства имѣть не будуть, и тѣмъ впредь въ Россійской нашемъ государствѣ уже никакого произвожденія не ожидать, понеже незнающіхъ россійского языка ни въ какомъ, правительствѣ съ сего уложенія уже вновь опредѣлять не намѣрены“. (Проектъ Нового Уложенія, изд. В. Латкинымъ, С.-Пб. 1893, стр. 269). Статья эта, вѣроятно, направлена противъ предшествующаго распоряженія Петра III. Во второй части есть ссылки на четвертую (см. гл. XIX, 9; XX, 7; XLVIII, 3 и 4; LIV, 8, 12 и 24 и т. д.; ср. проектъ уголовнаго уложенія 1754—1766 г. изд. А. Востоковымъ, С.-Пб. 1882 г., предисловіе *H. Сергеевскою*, стр. III), да и въ третьей встрѣчаются такія же указанія (изд. В. Латкина, стр. 45, 72, 88, 122, 123 и 184). Нѣкоторые экстракты изъ законовъ для составленія этой четвертой части были готовы въ концу 1760 г.: планы ея дѣйствительно сохранились въ рукописи, хотя и не дають точныхъ указаній на время ихъ происхожденія.

¹⁾ *Кн. М. Щербатова*, О поврежденіи нравовъ въ *Русской Старинѣ* 1870 г., т. II, стр. 110. Тотъ-же разказъ, можетъ быть взятъ изъ этого сочиненія *Кн. Щербатова*, сообщаетъ и гр. *M. Сперанскій* въ *Обозрѣніи Историч. свѣд. о сводѣ законовъ*, стр. 24; ср. бумаги *И. И. Шувалова* въ *Русскомъ Архивѣ* за 1867 г., стб. 76. П. С. З., т. XVI, № 11, 732.

²⁾ Г. А., X, 15: Письмо ген.-прок. А. Глѣбова С. М. (Козымину?) 1766 года октября 13-го въ бумагахъ Г. Козицкаго, ч. II.

Екатерина II, какъ видно, первоначально имѣла въ виду воспользоваться уложеніемъ 1754—1766 гг., но вскорѣ, должно быть, оставила мысль издать этотъ сводъ и принялась за подготовительныя работы по учрежденію новой комиссіи 1767 года¹⁾.

Причины, вызвавшія появленіе комиссіи 1767—1774 гг., были довольно разнообразны и предопредѣлили частью характеръ этого установлѣнія, частью направленіе его дѣятельности.

Замѣтимъ прежде всего, что потребность въ новомъ сводѣ законовъ или уложенія, продолжала чувствоватьться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе неосуществившихся надеждъ возлагали на дѣятельность предшествовавшихъ комиссій²⁾ и чѣмъ значительнѣе были перемѣны, которыя успѣли обнаружиться со времени преобразованій Петра Великаго до половины шестидесятыхъ годовъ прошлого вѣка. При такихъ условіяхъ временный характеръ указовъ, уставовъ и регламентовъ преобразователя, да и послѣдующихъ узаконеній выступалъ еще яснѣе³⁾, недостаточность дѣйствующихъ законовъ по однимъ отраслямъ и чрезмѣрный ихъ избытокъ по другимъ порождалъ большую запутанность системы нормъ нѣкоторыхъ изъ отдѣловъ дѣйствующаго права; а плохое различіе между „непремѣнными и временными законами, неопределенность отдѣльныхъ законоположеній и противорѣчія между ними, становились весьма тягостными“. „Всѣ желали, чтобы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ“⁴⁾. Нѣкоторые изъ депутатовъ комиссіи 1767 года ярко выразили это настроеніе. „До нынѣ, писали они, усматривали мы токмо, что въ старомъ соборномъ уложеніи на многіе случаи не достаетъ предписаній, а въ послѣдовавшихъ указахъ много неясности; ...въ другихъ, наоборотъ,

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не останавливаемся на небольшихъ комиссіяхъ (например 1763 года), члены которыхъ назначались самой императрицей, такъ какъ работы ихъ, насколько намъ известно, остались безъ всякаго вліянія на составленіе „описанія внутренняго правленія Россійской имперіи“.

²⁾ Гр. И. Шуваловъ, Бумаги въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 г., стб. 76 и 81.

³⁾ В. Латкинъ, Ор. cit., стр. 82. С. Р. И. О., IV, 207; XXXVI, 387; XLIII, 3—4 и 206—207 и мн. др.

⁴⁾ Императрица Екатерина II, Разказъ о первыхъ годахъ царствованія въ *Русскомъ Архивѣ*, 1865 г., № 4, стр. 478—479. Множество указаний см. въ Материалахъ по истории Екатерин. Ком. для составленія нового уложения въ С. Р. И. О., тт. IV, VIII, XIV, XXXII, XLIII, LXVIII и ХСIII. Кн. М. Щербатова, Разыясненія о законодательствѣ вообще въ Соб. соч., т. I, стб. 412—415. П. С. З., т. XVII, № 12801.

каждое дѣло умножено законами“, тогда какъ полезнѣе было бы для общества „когда бы всякое дѣло имѣло свой единственный законъ; ибо за умноженiemъ на каждое дѣло многихъ указовъ въ дѣлахъ чинится продолженіе“. При всемъ томъ въ законахъ, слѣдовавшихъ за уложеніемъ 1649 г., депутаты видѣли еще больше противорѣчій чѣмъ неясности, да и съ самимъ характеромъ законодательства не были согласны. „Теперь, пишутъ составители одного изъ проектовъ, ощущительно видимъ, что помянутое уложеніе тотчасъ начинается опредѣленіемъ наказаній за преступленія, но имѣть ли кто къ чему либо право или чѣмъ кто обязанъ, о томъ тамъ умалчивается, какъ бы на то особливое уложение уже предварительно издано было, равнымъ образомъ и въ послѣдовавшихъ указахъ весьма многое случайно запрещено, во того трудно сыскать, по какому праву остальнымъ кто пользуется“¹⁾. Такую же тѣчку зрењія готовы были признать и правительственные мѣста. Судя по наказу одного изъ нихъ, они также считали нѣкоторая изъ инструкцій „во многомъ недостаточными и съ теченiemъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ дѣль несогласными, чего ради благоволено бы было ихъ, соображая нынѣшнее... состояніе, надлежащимъ образомъ исправить и дополнить“²⁾. Итакъ, русские люди шестидесятихъ годовъ прошлого вѣка чувствовали потребность въ „новыхъ, съ перемѣнившимися государственными обстоятельствами и съ перемѣнившимися нравами всякаго званія гражданъ сходственнѣйшихъ и на естественной (а также божественной) справедливости основанныхъ законахъ“³⁾, при чѣмъ думали достигнуть желаемаго, установивъ единообразныя законодательные нормы, согласованныя въ одномъ общемъ сводѣ или новомъ уложеніи⁴⁾.

Всѣ эти мнѣнія въ сущности повторяли и развивали положенія, высказанные императрицей въ манифестѣ отъ 14-го декабря 1766 года и въ нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ законодательныхъ актовъ этого

¹⁾ С. Р. И. О., IV, 346 и XXXII, 575—576. (Предисловіе къ проекту о правахъ благородныхъ). „Слѣдуя вашему совѣту, писалъ А. Польновъ И. Тауберту, разбираю я русскіе указы и уложенія и, кроме безпорядка, замѣшательства, недостатка и несправедливости ничего почти не нахожу. Я примѣтала столь значимыя въ нашихъ правахъ погрѣшности, что оныя могутъ иногда нанести великій вредъ и государю и народу“.

²⁾ С. Р. И. О., XLIII, 141. (Наказъ отъ герольдмейстерской конторы).

³⁾ С. Р. И. О., IV, 225. Кн. М. Щербатовъ, Размышленія о законодательствѣ вообще въ Соб. соч., т. I, стб. 366, 372 и 379.

⁴⁾ С. Р. И. О., XXXVI, 372; XLIII, 200 и 208; LXVIII, 134—135, 148, 284—285 и 443. Ср. С. Порошинъ, Записки, стб. 258 и 394.

рода¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, потребность въ новомъ уложеніи испытывала, конечно, и сама императрица Екатерина II. Идея о единообразномъ, согласованномъ во всѣхъ своихъ частяхъ и правомѣрномъ государствѣ увлекала ее особенно въ первые годы ея царствованія; между тѣмъ приступить къ систематическому выполненію этой идеи казалось всего легче съ составленія нового уложения²⁾.

Примѣръ сосѣднихъ государей, также стремившихся къ славѣ законодателей, вѣроятно, повліялъ на Екатерину II, укрѣпивъ ее въ этомъ намѣреніи. Въ самомъ дѣлѣ Фридрихъ Великій уже въ указѣ отъ 31-го декабря 1746 г. выражалъ желаніе издать кодексъ законовъ на нѣмецкомъ языкѣ. Хотя кодификаціонныя работы по составленію „Corpus juris Fridericiani“, порученные министру юстиціи Кокцен, уже пристановились въ 1751 г. и снова возобновились лишь съ 1780 г., когда дѣло поступило подъ руководство Кармиера³⁾, однако предпріятіе короля, повидимому, обратило на себя вниманіе Екатерины: „соревнуя по возможности Фридриху она вознамѣрилась даровать новое уложение своей пространной имперіи“⁴⁾. Такія же

¹⁾ Императрица Екатерина, Рассказъ о первыхъ годахъ ея царствованія въ Русскомъ Архивѣ за 1865 г., № 4, стр. 478—479. П. С. З., т. XVII, № 12,801; ср. Архивъ Госуд. Совѣта, т. I, ч. 2-я (С.-Пб. 1869 г.), стб. 208.

²⁾ Такое настроеніе хорошо выражено однимъ изъ представителей просвѣщенного абсолютизма, современникомъ Екатерины. „Совершенное собраніе законовъ, писать онъ, было бы главнымъ въ своемъ родѣ искусства опытомъ для человѣческаго разума въ разсужденіи того, что надлежитъ для политики правленія. Въ нихъ можно бы было примиѣтить сходство намѣренія и столь точныхъ и столь уравненныхъ правила, что управляемое по симъ законамъ государство походило бы на часы, въ которыхъ всѣ колеса сдѣланы на одинъ конецъ; въ нихъ можно бы было сыскать глубокое познаніе человѣческаго сердца и свойства народа; въ наказаніяхъ, была бы мѣра, такъ чтобы они, сохрания чистоту во нравахъ, не были ни легки, ни тяжки: ясныя и опредѣленные узаконенія не подали бы никогда поводу въ тяжбамъ; они состояли бы изъ отиѣнного выбору всего 'того, что мы въ гражданскихъ законахъ за лучшее почитаемъ и изъ благоразумнаго и простаго приложенія сихъ законовъ къ народнымъ обыкновеніямъ: все бы было предусмотрѣно, все бы связано и ничто не было бы подвержено нескодствіямъ; но совершенныя дѣла превышаютъ человѣческій разумъ“. (Фридрихъ Великій, Разсужденіе ... о законахъ, рус. переводъ А. П[олѣнова?], С.-Пб., 1769 г., стр. 31—32).

³⁾ M. Philippson, Geschichte des Preussischen Staatswesens etc., Leipz., 1880, B. I, s. 298. Въ 1751 г. появился Codex juris Bavarii criminalis, въ 1753 г.—Codex juris Bavarii judicarii (R. Schr der, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 2-te auf., Leipz. 1894, S. 858).

⁴⁾ Г. Тѣбо, Записки въ Русской Старинѣ за 1878 г., т. XXIII, стр. 577.

попытки кодификации почти одновременно предприняты были и въ Австрии: въ февралѣ 1753 г. по приказанию Маріи Терезіи образовалась комиссія, которая послѣ тринадцатилѣтнихъ занятій поднесла ей Codex Theresianus (гражданское уложеніе), потерпѣвшее, впрочемъ, такую же участію, какъ и проектъ Елизаветинской комиссіи, а два года спустя изготовила Constitutio criminalis Theresiana, обнародованную 31-го декабря 1768 года ¹⁾). При томъ вліяніи, какое Австрия оказывала на Россію въ это время въ области правовыхъ теорій (см. ниже) едва ли и эти попытки кодификации права, предпринятія Маріей Терезіей, могли остатся неизвѣстными императрицѣ Екатеринѣ II ²⁾).

Помимо отвлеченныхъ соображеній, дѣйствительное положеніе дѣль вызывало со стороны императрицы желаніе возможно скорѣе приступить къ новымъ работамъ по кодификаціи права. Русскіе законы, чрезвычайно разнообразные и подвергавшіеся частымъ перемѣнамъ, какъ казалось ей, требовали поправленія не только для того „чтобы все ввести въ одну систему“, отрѣшивъ тѣ постановленія, которыхъ прекословили ей и „раздѣливъ временныя и на персонъ данныхъ (распоряженія) отъ вѣчныхъ и непремѣнныхъ законовъ“ ³⁾), но и потому, что „существующіе законы мало соотвѣтствуютъ положенію имперіи вообще“. Къ этому заключенію императрицу привели между прочимъ и личныя наблюденія, сдѣланныя ею во время своего путешествія по Волгѣ ⁴⁾). Не трудно было, наконецъ, замѣтить ей, что отъ столь

¹⁾) *A. v. Arneith*, Geschichte Maria Theresia's, Wien, 1870, B. IV, ss. 31—33; B. IX, ss. 193—195, 198. Работы надъ гражданскимъ уложеніемъ тянулись вплоть до 1776 года.

²⁾) Франція въ этомъ отношеніи едва ли имѣла какое-нибудь значеніе. Хотя при Людовикѣ XIV и думали приняться за кодификацію ордонансовъ (*P. Viollet*, *Précis de l'histoire du droit Français*, 1-е ed., Par. 1884, p. 171), а канцлеръ Дагессо (*Daguesseau*) мечталъ даже объ общемъ сводѣ французскихъ законовъ (*A. Esmein*, *Cours élémentaire de l'histoire du droit français*, 2 ed., Paris. 1895, p. 792), но всѣ эти предположенія далеко не были осуществлены на дѣлѣ (ср. *A. Esmein*, Op. cit., p. 761 et passim) и едва ли были известны Екатеринѣ. „Discours de M. D'Aguesseau“, пріобрѣтенный ею въ свою библіотеку еще въ 1757 году, вѣроятно, ничто иное, какъ составленный канцлеромъ „discours sur la vie et la mort de M. d'Aguesseau“; см. *Oeuvres de d'Aguesseau* Par. 1789, t. XIII, pp. 1—160. Эта рѣчь содержитъ, какъ видно, описание жизни и дѣятельности отца интересующаго насъ лица. Впрочемъ, экземпляръ полнаго собранія сочиненій канцлера находился въ Эрмитажной библіотекѣ.

³⁾ С. Р. И. О., VII, 348; XLII, 458.

⁴⁾ С. Р. И. О., X, 206. (Письмо Екатерины къ Панину изъ Казани 31-го мая 1767 года).

печального состоянія законодательства затягивались дѣла и страдало правосудіе ¹⁾.

Самый способъ организаціи кодификаціонныхъ работъ путемъ со-
зданія депутатовъ вызванъ быть, конечно, частью примѣромъ пред-
шественниковъ императрицы Екатерины II, частью знакомствомъ ея
съ иностранною политическою литературою, въ особенности съ „Ду-
хомъ законовъ“ Монтескье и съ нѣкоторыми изъ политическихъ учре-
ждений западной Европы ²⁾). Слѣдуетъ имѣть въ виду также, что
осуществленіе всеобщей потребности въ новомъ сводѣ давало импе-
ратрицѣ возможность взять на себя ініциативу и непосредственное
руководство „эффектнымъ“ дѣломъ, которое должно было „занять ея
подданныхъ“ и распространить славу мудрой законодательницы по
всей Европѣ ³⁾.

Слѣдя тому пути для составленія нового кодекса, который намѣ-
ченъ былъ въ предшествующія царствованія и соотвѣтствовалъ ея
либеральному настроенію, самодержица всероссійская манифестомъ
отъ 14-го декабря 1766 года снова призвала народныхъ представи-
телей къ участію въ комиссіи для сочиненія проекта нового уложенія ⁴⁾). Отъ депутатовъ она надѣялась не только „лучше спознать
каждой округи состояніе“ ⁵⁾), нужды и чувствительные недостатки
своего народа, но созывала ихъ и для выработки проекта нового уло-

¹⁾ С. Р. И. О., XLII, 458.

²⁾ Комиссія 1754 г., какъ известно, продолжала дѣйствовать и въ первые
годы царствованія Екатерины. При открытии комиссіи 1767 г. императрица пре-
проводила маршалу А. И. Бибикову экзаменъ засѣданій англійскаго парла-
мента (В. Сергеевичъ, Откуда неудачи Екатерининской законодательной комис-
сіи въ Вѣстникѣ Европы за 1878 г., январь, стр. 189—193). Прусская и Ав-
стрійская комиссіи были учрежденіями бюрократическаго характера.

³⁾ Намѣски см. въ рѣчи маршала А. Бибикова 18-го февраля 1768 г. (С. Р.
И. О., XIV, 1), въ одной изъ статей кн. М. Щербатова, (Сочиненія, т. I, стб.
355) и въ запискахъ Винсека (Русск. Арх. за 1877 г., стр. 100). Ширлай въ
дешевѣй своей о собраніи депутатовъ 1767 г. (отъ 24-го августа) замѣчаетъ между
прочимъ: „Благодаря этимъ мѣрамъ и еще нѣкоторымъ другимъ, достаточно
эффектнымъ, чтобы ослѣпить русскихъ, власть императрицы растетъ съ каж-
дымъ днемъ... „Императрица, сообщаетъ тотъ же повѣренный по дѣламъ Англіи
въ депешѣ отъ 10-го марта 1768 г., поставила себѣ цѣлью занимать ихъ (своихъ
подданныхъ) какъ можно болѣе дѣлами внѣшней и внутренней политики“ (Рус-
ская Старина 1896 г., № 2, стр. 407—409).

⁴⁾ П. С. З., т. XVII, № 12801.

⁵⁾ Имп. Екатерина, Разсказъ о первыхъ годахъ царств. въ Рус. Арх.
8165 г., № 4, стр. 479; ср. С. Р. И. О., XCIII, 27.

женія, начала которого изложила въ извѣстномъ Наказѣ. Въ составъ большої комиссіи на ряду съ выборными отъ правительственныхъ мѣстъ (кромѣ губернскихъ и воеводскихъ), а также отъ дворянства и купечества (какъ это было въ предшествующей комиссіи) вошли и представители отъ казачьихъ войскъ, отъ однодворцевъ, пахотныхъ солдатъ, старыхъ службъ служилыхъ людей и прочихъ ландмилицию содержащихъ, далѣе отъ государственныхъ крестьянъ, раскольничихъ слободъ и инородцевъ¹⁾. Самыя задачи комиссіи поставлены были чрезвычайно широко: предшествующія работали, въ сущности, лишь надъ двумя уложеніями (гражданскимъ и уголовнымъ), между тѣмъ какъ депутаты, созванные въ 1767 г., кромѣ того, должны были пересмотрѣть все остальное законодательство и составить проектъ уложенія почти по всѣмъ отраслямъ государственной жизни.

Члены комиссіи 1767—1774 гг., вѣроятно, имѣли въ виду кромѣ печатного материала, работы предшествовавшей комиссіи 1754—1766 гг. На это встрѣчаются косвенные указанія: одно изъ извѣстныхъ намъ собраний экстрактовъ, составленныхъ ею, повидимому, до 1763 года принадлежало гр. Ф. Орлову; между тѣмъ онъ, какъ извѣстно, состоялъ, согласно обряду, помощникомъ генераль-прокурора кн. А. А. Вяземскаго по дѣламъ комиссіи 1767 г. о сочиненіи проекта новаго уложенія²⁾ и, вѣроятно, пользовался своимъ сборникомъ для кодификаціонныхъ работъ. Вообще, нѣкоторые изъ членовъ комиссіи 1754—1766 гг. участвовали вслѣдъ за тѣмъ въ выборахъ депутатовъ и въ занятіяхъ комиссіи 1767—1774 гг.: странно было бы предполагать, что эти лица не воспользовались добытыми знаніями для новыхъ работъ. Дѣйствительно, въ расположеніи нѣкоторыхъ изъ экстрактовъ, сдѣланныхъ въ той и другой комиссіи, обнаруживается сходство³⁾, понятное, если припомнить, что членамъ комиссіи 1767 г. извѣстенъ былъ проектъ, выработанный въ 1754—1766 гг.⁴⁾. Прежніе экстракты

¹⁾ Выборные отъ присутственныхъ мѣстъ, какъ извѣстно, появляются уже въ комиссіи 1725 г., а представители отъ общества—съ 1728 г.

²⁾ Обрядъ, ст. VII С. Р. И. О., IV, 69. Избранный кандидатомъ въ члены дирекціонной комиссіи, гр. Ф. Орловъ, однако не былъ утвержденъ государыней въ этой должности (С. Р. И. О., IV, 43 и 68—69).

³⁾ Имп. Публ. Библ., F. I, № 215, т. 1 и F II, № 17. Румянц. и Публич. Музей, № 2802 (сводное уложение). Примѣры см. ниже въ текстѣ и примѣчаніяхъ.

⁴⁾ Въ первой части проекта, составленного предшествующею комиссіей въ 1754—1766 гг. („о судѣ“), глава IX посвящена вопросу о томъ, „какимъ образомъ челобитныя или доношенія писать надлежитъ“, а глава XVIII—вопросу „о

однако не могли удовлетворить членовъ комиссіи 1767 года: они доказаны были приблизительно лишь до времени учрежденія Елизаветинской комиссіи; по крайней мѣрѣ большая часть указовъ, помѣщенныхъ въ собраніи гр. Орлова, не старше 1755—1756 гг., немногіе относятся къ 1760—1761, а указовъ 1762 года почти вовсе уже не встрѣчается¹). Наконецъ, и система, въ какой расположены были выписки, повидимому не всегда удовлетворяла членовъ комиссіи 1767 г. Порядокъ экстрактовъ по „земской“ части (гражданскому праву) для проекта 1754—1766 гг. отличается отъ реестра матеріямъ по вотчинной части, составленного для уложения 1767 г., хотя обѣ онѣ довольно близко подходятъ другъ къ другу по содержанію²). То же можно сказать и о проектѣ о состояніи подданныхъ вообще, мало напоминающемъ въ этомъ отношеніи проекты правамъ благородныхъ, средняго и третьяго рода государственныхъ жителей; слѣдовательно и выписки изъ законовъ, вѣроятно составленныя по тому же плану для этой части, должны были оказаться недостаточными для новыхъ задачъ, преслѣдуемыхъ большою комиссіей. Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что экстракти, сдѣланыя въ комиссіи 1754—1766 гг., обнимали далеко не всѣ части законодательства: ей, какъ известно,

разныхъ препятствіяхъ, для которыхъ членитчику и отвѣтчику въ томъ правительстве, где ихъ дѣло произвѣсть должно, на срокъ явиться нельзя и объ объявлениіи оныхъ“ (Арх. Госуд. Сов., К. О., св. 57, 58 и 59; Г. А., Х, № 15: бумаги г. Козицкаго, лл. 368 sq. Имп. Публ. Библ., Ф II № 215, т. 1 и Погод. древлехран., № 1886. Перечисленіе главъ см. у В. Латкина Ор. cit., стр. 140—143). Между тѣмъ на засѣданіи членовъ большой комиссіи 25-го февраля 1768 г. читана была „выписка изъ первой части IX главы объ исковыхъ и другихъ членитныхъ и доношениихъ, въ какой силѣ оныя писать и о сообщеніи при исковыхъ членитныхъ всѣхъ документовъ“, а участвующіе въ засѣданіи 6-го марта того же года слушали между прочимъ чтеніе „выписки изъ первой части къ XVIII главѣ о разныхъ препятствіяхъ, которыя членитчику и отвѣтчику случиться могутъ, что имъ на срокъ къ суду стать нельзя и объ объявлениіи оныхъ до суда“ (С. Р. И. О., XIV, 7 и 14). Редакторъ означенного тома сборника указываетъ на то, что „не означено, откуда заимствованы эти выписки“. При сопоставленіи ихъ съ вышеупомянутыми заглавіями соответствующихъ главъ первой части уложения („о судѣ“), ясно, что они взяты были изъ проекта 1754—1766 гг.

¹) Въ 1-й части старѣйшій указъ относится къ январю 1760 г. (Имп. Публ. Библ. Ф. II, 215, т. 1, л. 200), во 2-й части къ 1754 и 1761 годамъ (т. 2, л. 9 об. и т. 3, л. 291), а въ 4-й части къ 1762 г. июлю 30 д. (т. 4, л. 417). Послѣднее наблюденіе не согласно съ отвѣтомъ самой комиссіи, даннымъ ею сенату (см. текстъ и пред. прим.).

²) Имп. Публ. Библ., Ф. II, № 215, т. 4 и Румянц. и Шубл. Музей, № 2801.

велѣно было „разсуждать о дѣлахъ подлежащихъ до юстицъ и вотчинной коллегій, до суднаго и сыскнаго приказовъ и до порядочнаго произведения въ судахъ магистратскихъ“. Поэтому „сверхъ въ планѣ означенныхъ матерій“ (по гражданской, торговой и уголовной части) ни о чёмъ больше въ комиссіи выписокъ не дѣлали, такъ какъ остальные работы должны были производиться въ 35 частныхъ комиссіяхъ при коллегіяхъ и канцеляріяхъ. И дѣйствительно, на запросъ сената, признавшаго нужнымъ издать полное собраніе законовъ, не имѣется-ли въ комиссіи таковое, она донесла въ 1764 году, что у нея есть сокращенные выписки изъ законовъ по уложеніямъ гражданскому и уголовному, не внушающія ей, однако, полнаго довѣрія, но ни реестровъ указовъ, ни полнаго ихъ собранія она не имѣеть¹⁾.

Неудивительно, поэтому, что императрица Екатерина II передъ созваніемъ депутатовъ позаботилась въ началѣ 1767 года объ открытии при „комиссій архивѣ“ особой комиссіи сводовъ²⁾, долженствовавшей подготовить матеріаль, нужный для производства законодательныхъ работъ въ собраніи 1767 — 1774 годахъ. Управление комиссией ввѣрено было С. Кошкильту, получившему по этому поводу особую инструкцію отъ генералъ-прокурора (8-го или 18-го января); новое „установленіе“ должно было „приготовить всѣ законы и особые указы, вшедши въ законы, какого бы званія они ни были со 157 по 1700 годъ и отъ 1700 по 1767-й“; ей же поручено было „разобрать оныя по числамъ и матеріямъ особыми книгами“, съ присовокупленіемъ „реестровъ матеріямъ“³⁾ и такимъ образомъ облегчить предстоящія занятія комиссіи для сочиненія проекта нового уложенія. Несмотря на опытность С. Кошкильта, уже принимавшаго участіе въ занятіяхъ предшествующихъ комиссій⁴⁾,

¹⁾ П. С., З., т. XVI, № 12292. Обозрѣніе, стр. 43—44. Такимъ образомъ комиссія въ 1764 году еще не имѣла выписокъ изъ законовъ по четвертой части проекта.

²⁾ Обозрѣніе ист. свѣд. о сводѣ законовъ, стр. 30. Послѣдующіе историки комиссіи 1767 г., пользуясь архивными данными, даже не упоминаютъ о комиссіи сводовъ, хотя она несомнѣнно заслуживаетъ вниманія. (С. Соловьевъ, И. Р., XXVII, гл. II. В. Сергеевичъ. Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссіи? въ Вѣст. Евр. за 1878 г., № 1. В. Латкинъ, Законодательная Комиссія въ Россіи въ XVIII ст., С.-Пб. 1887 г.).

³⁾ Арх. Госуд. Сов., Дѣла Код. Отд., № 93, Определеніе 1767 г. сентябр. 12.

⁴⁾ С. Кошкильть, опредѣленный секретаремъ въ комиссію 1754 г. по приказу сената отъ 5-го августа того же года и въ 1760 г. по представленію этой ко-

выполнение подобного рода задачи и для него сопряжено было, съ значительными затрудненіями. Число служащихъ въ комиссіи сводовъ оказалось недостаточнымъ; въ полномъ составѣ она стала работать лишь полгода спустя; далеко не всѣ копіисты, при этомъ были пригодны для такого дѣла: „нѣкоторые писать весьма мало умѣли, отчего въ переписанныхъ ими указахъ бывали великие описки и пропуски“; приходилось такимъ образомъ „оныя вновь переписывать, отчего впредь и скорости не обнаруживалось“. Работы, между тѣмъ, было не мало. Лишь незначительное количество узаконеній оказалось напечатаннымъ; кроме уложенія 1649 г. и отдельно изданныхъ законодательныхъ актовъ существовалъ еще сборникъ указовъ 1714—1730 гг.; но онъ не отличался полнотою; въ немъ пропущено было за разные годы до 578 указовъ¹⁾). Большею цѣльностью отличалось собраніе, составленное комиссией 1754—1766 г. „Что надлежить до указовъ со 157 г. до 1700 г., писалъ генераль-прокуроръ въ своей инструкціи С. Кошкильту, то какъ оныя уже въ комиссіи уложеній собраны въ книгахъ, слѣдовательно остается оныя пересмотрѣть“. Поэтому главное вниманіе комиссіи сводовъ обращено было на собраніе узаконеній 1700—1767 гг., которая пришлось выискывать и требовать изъ разныхъ древлехранилищъ (напримѣръ, сенатскаго архива) и государственныхъ установленій, на что уходило не мало времени и силъ. Съ 27-го марта членамъ комиссіи поручено было приступить къ разобранію законовъ, „зачавъ противъ каждой въ уложеніѣ (1649 г.) напечатанной статьи всѣхъ отъ того времени и до сего году состоящихъ, а къ помянутымъ статьямъ приличныхъ матеріямъ указовъ“. При такихъ условіяхъ комиссіи сводовъ трудно было закончить порученную ей работу къ назначенному сроку, то-есть, къ 1-му

миссіи произведенный въoberъ секретари, при чемъ съ 16-го іюля 1761 г. отчисленъ былъ изъ сената для того, чтобы состоять „единственno“ въ этой комиссіи; въ 1764 г. Кошкильту перешелъ въ комиссію о коммерціи, а вслѣдъ за тѣмъ попалъ въ комиссію 1767—1774 гг. (Арх. Госуд. Сов., Дѣла Код. Отд., № 599 по стар. нум., дѣло № 4, л. 45, ср. С. Порошинъ, Записки, стб. 75). Канцелярія Кошкильта въ началѣ 1768 г. состояла изъ трехъ секретарей, одного регистратора и нѣсколькихъ приказнослужителей. (Арх. Госуд. Сов., Дѣла Код. Отд., № 93: опредѣленія частныхъ комиссій 1768 г., январь). Вслѣдъ за С. Кошкильтомъ тѣмъ же дѣломъ (послѣдовательно) завѣдывали: Пётръ Вещняковъ, Григорій Протопоповъ и Гуляевъ (тамъ-же, № 95, опредѣленія 1776 г. іюля 9-го и 1779 г. сентября 10-го).

¹⁾ Особенno много пропусковъ оказалось за 1722 г. (80 указовъ) и 1719 г. (64 ук.); всего менѣе за 1715 г. (13 ук.).

июля до открытия засѣданій въ большой комиссіи; несмотря на усиленный занятія „копістовъ“, которые работали съ 5 часовъ утра до 10 часовъ вечера ежедневно, не исключая воскресныхъ дней, лишь 15-го сентября 1767 г. Кошкиль счелъ возможнымъ донести генераль-прокурору, что дѣло, наконецъ, уже сдѣлано¹⁾.

Материалъ, которымъ располагала комиссія, открывшая свои засѣданія съ 30-го іюля 1767 года²⁾, состоялъ не только изъ указовъ, уставовъ и „учрежденій“, преимущественно со времени уложения 1649 г., собранныхъ комиссией о сводахъ, но и изъ наказовъ, привезенныхъ депутатами отъ своихъ избирательныхъ округовъ, далѣе мнѣній и проектовъ, поданныхъ отдѣльными депутатами или цѣлыми комиссіями.

Весь этотъ материалъ, конечно, сразу не могъ поддаться кодификаціи; его приводили въ порядокъ, а отчасти подвергали переработкѣ частная комиссія, выдѣлявшіяся изъ большой по мѣрѣ надобности въ разное время. За исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ, какъ напримѣръ, комиссіи дирекціонная и экспедиціонная, заняты были руководствомъ и дѣлопроизводствомъ большой комиссіи остальная принадлежала за приведеніе въ порядокъ материала сообразно специальному задачамъ дѣятельности каждой изъ нихъ. Однѣ изъ малыхъ комиссій стали дѣлать экстракты изъ законовъ, другія работали надъ такими же экстрактами изъ наказовъ и мнѣній. Для составленія экстрактовъ изъ законовъ большинство малыхъ комиссій могло воспользоваться предшествующими „реестрами“ и сборниками или, что еще болѣе вѣроятно, собраніемъ, подготовленнымъ комиссией сводовъ. Но комиссіи для разбора наказовъ и мнѣній въ этомъ отношеніи приходилось дѣйствовать самостоятельнѣе: она сводила новый, свѣжій материалъ, внесенный общественнымъ мнѣніемъ въ засѣданія большой комиссіи 1767 года. Учрежденная еще обрядомъ, эта малая комиссія окончательно образовалась 14-го августа 1767 года³⁾ и къ концу слѣдующаго года (28-го декабря) уже подносила государынѣ „книги, въ которыхъ написаны были своды краткие и съ пунктами матеріямъ или прошеніямъ содержащимся въ наказахъ господъ депутатовъ отъ всѣхъ родовъ всея имперіи съ при-

¹⁾ Арх. Мин. Юст., III Отд., Сенат. Отд., ген.-прок. дѣла, № 6446, лл. 444, 452, 463, 491 и 526.

²⁾ П. С. З., т. XVIII, № 12945.

³⁾ Обрадъ, ст. XI. С. Р. И. О., IV, 44, 67—68.

ложеніемъ при оныхъ вѣдомости, сколько наказовъ каждого рода, сколько въ оныхъ оказалось матерій или разныхъ прошеній и сколько изъ оныхъ учинено въ силу обряда выписокъ¹⁾). Трудно, впрочемъ, предполагать чтобы работы комиссіи для разбора наказовъ и мнѣній могли повліять на составленіе описанія внутренняго правленія Россійского государства, такъ какъ, за исключеніемъ руководящихъ общихъ введеній въ отдѣльныя его главы, все оно состоить изъ законодательнаго матеріала, расположеннаго въ извѣстномъ порядкѣ.

Какъ бы то ни было комиссіи 1767 г. предстояло не только воспользоваться старыми экстрактами, но пополнить ихъ, добавить къ нимъ новыя серіи и въ тѣхъ и другихъ выработать самостоятельную систему. Эти то работы и поручены были частнымъ комиссіямъ, которые продолжали дѣйствовать несмотря на непрочность большой комиссіи.

Въ самомъ дѣлѣ, собраніе народныхъ представителей отъ избирательныхъ округовъ дѣйствовало не долго. Организація его не соствѣствовала тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ оно было созвано. Депутаты оказались слишкомъ мало образованными и мало подготовленными для того, чтобы въ общихъ собраніяхъ при неумѣломъ руководствѣ ихъ засѣданіями успѣшно выполнить возложенное на нихъ крайне сложное дѣло; подготовительная кодификаціонная работы перешли изъ большой комиссіи въ малыя, а подоспѣвшая война потребовала большинство членовъ комиссіи²⁾ къ другого рода заня-

¹⁾ Румянц. и Публич. Музей, № 2935, т. I, прот. 1768 г. декабря 28-го. Въ „историческихъ свѣдѣніяхъ о Екатерининской комиссіи“, напечатанныхъ въ С. Р. И. О., встрѣчается, если не ошибаемся, всего одно упоминаніе о будущей комиссіи для разсмотрѣнія всѣхъ проектовъ, въ которую на общемъ собраніи 8-го октября 1767 года по предложению маршала рѣшено было послать проектъ депутата отъ коммерцъ-коллегіи Сергія Меженинова (С. Р. И. О., VIII, 68). Въ дѣлахъ комиссіи сохранились записи частной комиссіи „о разборѣ наказовъ и проектовъ“ (С. Р. И. О., XLI, IV—V). — П. С. З., т. XVII, № 12948 (Обрядъ, ст. 11).

²⁾ „Война 1768—1774 гг., разсуждала Екатерина, отвлекла людей и возможность отъ продолжительного сочиненія цѣлаго узаконенія и умножила собою бремя, заняла время и мысли упражненіемъ не менѣе важнымъ, обороною вѣры и отечества отъ враговъ вѣнчихъ и внутреннихъ“. (*Имп. Екатерина, Записка объ учрежденіяхъ и проч. въ С. Р. И. О., XXVII, 176*). „Assurément, monsieur, писала Императрица Вольтеру 5-го марта 1771 г. по поводу его статьи о законахъ, sans la guerreune grande partie de ce que vous dites serait fait; mais pour le present.... nous sommes trop occupés à nous battre et cela nous donne trop de distraction pour mettre toute l'application convenable à cet immense ouvrage dans le moment présent“. (С. Р. И. О., XIII, 75). Ср. П. С. З., т. XX, № 14392 (уч. о губ., стр. 230). Арх. Госуд. Сов., т. I, ч. 2-я, стб. 208.

тіямъ. Поэтому императрица, оставившая за собою право распустить комиссию „по своему усмотрѣнію“¹⁾, неувѣренная въ успѣхѣ предпріятія и, быть можетъ, нѣсколько смущенная поведеніемъ и заявленіями нѣкоторыхъ изъ депутатовъ, самостоятельностью однихъ, словною враждою, какую выказывали другіе²⁾, распустила „большое собраніе „до тѣхъ поръ, доколѣ паки созваны будуть (ею), то-есть до окончанія дѣлъ порученныхъ частнымъ комиссіямъ“³⁾. Въ силу манифеста, прочитанного депутатамъ 18-го декабря 1768 года, комиссія только что „пришедшая въ прямое движеніе“, ликвидировала дѣла и, выслушавъ торжественную рѣчь маршала, въ которой онъ еще разъ увѣрилъ ея членовъ, „что порученное имъ дѣло съ успѣхомъ окончается и общему разсмотрѣнію предложится тогда, какъ благоугодно будетъ всемилостивѣйшей самодержицѣ паки созвать ихъ“, „окончила“ послѣднее изъ своихъ собраній 12-го января 1769 года⁴⁾.

Но закрытие большой комиссіи не повело къ немедленному уничтоженію малыхъ комиссій. Здѣсь сосредоточились работы по составленію экстрактовъ и проектовъ; послѣ полуторагодичной дѣятельности депутатовъ эти работы не находились уже въ прямой зависимости отъ общихъ собраній комиссіи и даже подготавливали матеріалъ для этихъ послѣднихъ. Пока длились подготовительные работы въ малыхъ комиссіяхъ, нельзя было ожидать большого успѣха и отъ

¹⁾ При составленіи обряда и начертанія имп. Екатерина въ черновыхъ своихъ замѣткахъ уже обратила вниманіе на этотъ вопросъ. „Въ манифестѣ, писала она, упомянуть надобно, что сіи депутаты распущены будутъ по нашему усмотрѣнію или по прошествію года, если болѣе въ нихъ нужда не усмотрится“ (Г. А., X, 19, л. 419). П. С. З., т. XVII, № 12801 (манифестъ 14-го декабря 1766 года).

²⁾ С. Соловьевъ, И. Р., XXVII, 378.

³⁾ С. Р. И. О., XXXVI, 146.

⁴⁾ С. Р. И. О., X, 294; XXXVI, 158 — 160. Въ одномъ изъ своихъ писемъ кн. М. Н. Волконскому, вѣроятно въ 1775 г., императрица предполагала комиссию уложенія „оборотить“ въ особую палату при сенатѣ „дабы сенатъ имѣлъ гдѣ отослать тѣхъ людей и дѣла, кои разбора требуютъ... „а ея частныя комиссіи“ употребить „для разбора ненужныхъ“ (Осинад. вѣкъ, изд. П. Бартенева, т. I; М. 1869, стр. 182). Не совсѣмъ понятенъ высочайше утвержденный докладъ бѣлорусского генераль-губернатора гр. Чернышева о выборѣ депутатовъ изъ вновь присоединенныхъ губерній къ сочиненію проекта нового уложенія (П. С. З., т. XIX, № 13988). Большой комиссіи тогда уже не существовало, о чёмъ еще разъ свидѣтельствуетъ хотя бы указъ 28-го февраля 1773 г. (П. С. З., т. XIX, № 13593); возможно, что рѣчь шла, въ данномъ случаѣ, о малыхъ комиссіяхъ; ср. нижеиздѣйствующія замѣчанія въ текстѣ.

общихъ собраній. Такимъ образомъ, съ прекращенiemъ ихъ въ начаle 1769 года, дѣятельность малыхъ комиссій не остановилась, хотя и получила болѣе замкнутый, скорѣе бюрократический характеръ, ускорившій ихъ постепенное смертвѣніе¹⁾). Эта дѣятельность однако, не оказалась совершенно безплодною: она подготовила матеріалъ, нужный для составленія описанія внутренняго правленія Россійской имперіи.

Частныя комиссіи, установленные при коллегіяхъ, въ 1754 году, уже производили подготовительная кодификаціонная работы; съ этой цѣлью онѣ должны были „имѣть разсужденіе по тѣмъ однимъ дѣламъ, которыя до нихъ касались, изыскивая, отчего, по обстоятельствамъ нынѣшняго времени въ теченіи оныхъ происходитъ продолженіе, отъ недостатковъ или излишковъ, и обо всемъ томъ съ яснымъ описаніемъ довольныхъ резоновъ сочинить на всякую матерію одинъ указъ въ пунктахъ“...; задача каждой комиссіи сводилась, такимъ образомъ, къ сочиненію по предмету своего вѣдомства устава, исторически обоснованного и раздѣленного на „пункты“²⁾). Такія же цѣли преслѣдовали и при учрежденіи малыхъ комиссій 1767; впрочемъ по составу своему и дѣятельности онѣ непосредственно примыкали къ большому собранію, чего не было въ предшествующемъ случаѣ; депутаты избирали изъ своей среды большинство членовъ частныхъ комиссій, а для того, что бы не задерживать хода работъ, составъ каждой изъ нихъ при закрытии большаго собранія велѣно было пополнить сверхъ комплекта еще новыми тремя кандидатами. Обрядъ управлениія комиссией предопредѣлялъ дѣятельность этихъ учрежденій, поручивъ имъ разсмотрѣніе законовъ и составленіе проектовъ положеній или уставовъ почти по всѣмъ важнѣйшимъ отраслямъ государственной жизни, для чего онѣ могли, независимо отъ большаго собранія, испрашивать по разнымъ вопросамъ мнѣнія соотвѣтствующихъ присутственныхъ мѣстъ, вѣдомства которыхъ касались составляемые ими проекты, или требовать дополнительныхъ свѣдѣній отъ депута-

¹⁾ Члены частныхъ комиссій однажды сошлись на общее („большое“) собраніе 8-го іюля 1770 г. (С. Р. И. О., XXXVI, 160); впрочемъ, такія собранія могли происходить и не разъ, ибо дѣла, подобные внесеннымъ въ дневную записку 8-го іюля, должны были, конечно, повторяться, а между тѣмъ, какъ видно, рѣшились на „большомъ“ собраніи.

²⁾ Обозрѣніе, стр. 23. В. Латкинъ, Законодательныя ком., I, 82—86.

тевъ¹⁾). Члены большого собрания, обыкновенно, придавали частнымъ комиссиямъ значение установлений, развивающихъ начала, высказанныя на собранияхъ всѣхъ депутатовъ лишь въ общихъ чертахъ и подвергающимъ ихъ детальной разработкой²⁾; въ рѣдкихъ случаяхъ къ частнымъ комиссиямъ прибѣгали для исправления недостатковъ въ митиняхъ одного изъ депутатовъ³⁾ или для разъясненія споровъ, возникшихъ между членами общаго собрания⁴⁾. Частные комиссии подчинены были, однако, дирекціонной, черезъ которую и сносились съ общимъ собраниемъ⁵⁾.

Въ одной изъ этихъ частныхъ комиссий, вообще дѣлавшихъ экстракти изъ законовъ, приступили сверхъ того къ работе, которая по характеру своему отличалась отъ остальныхъ и представляла изъ себя первую попытку составить хотя бы часть „описанія Россійской имперіи“. Такая работа предпринята была въ комиссіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права, поставленной уже начертаніемъ о приведеніи къ окончанию комиссіи о составленіи проекта новаго уложения во главѣ учрежденій этого рода⁶⁾. Къ образованію ея состава большое собраніе приступило 15 апрѣля 1768 года; черезъ недѣлю (22-го апрѣля) она окончательно опредѣлился⁷⁾. Эта комиссія должна была выяснить современное состояніе государственныхъ установлений и предложить мѣры къ исправленію ихъ. Неудивительно поэтому что она „не могла ни какъ съ успѣхомъ работать, не бывть безпестанно подъ глазами⁸⁾ государыни, и должна была ожидать отъ нея особыхъ наставлений „къ основанію общаго въ государствѣ порядка“⁹⁾). Наставление не замедлило появиться въ трехъ „урокахъ“, данныхъ императрицей частной комиссіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права 29-го апрѣля, 20-го и 26-го мая 1768 года¹⁰⁾. Ихъ предшествовало небольшое введеніе, въ которомъ императрица

¹⁾ Обрядъ, ст. VIII. Впрочемъ маршалъ и генераль-прокуроръ въ силу обряда предлагали въ эти комиссіи своихъ кандидатовъ (С. Р. И. О., XXXII, 429).

²⁾ С. Р. И. О., XIV, 56, 69, 106, 125, 181, 185 и т. д.; XXXII, 384, 386.

³⁾ С. Р. И. О., XXXII, 359.

⁴⁾ С. Р. И. О., XXXII, 513.

⁵⁾ Обрядъ, ст. 7.

⁶⁾ П. С. З.; т. XVIII, № 13095.

⁷⁾ С. Р. И. О., XXXII, 21, 22, и 28.

⁸⁾ П. С. З.; т. XVIII, № 13095.

⁹⁾ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ Госуд. Древлехран. Дѣла касающіеся до образования учрежденія комиссіи 1767 г., Кар. VII, шк. 8.

указывала комиссии направление и характеръ ея занятій¹⁾). „Сія комиссія, читаемъ мы здѣсь, по данному нами начертанію имѣть два важные предмета: первый о властяхъ среднихъ, подчиненныхъ, зависящихъ оть верховной и составляющихъ существо правленія; второй — распределеніе на части цѣлаго общества, для лучшаго соблюденія въ немъ порядка. Но приступить къ сему иначе невозможно, какъ узнавъ прежде совершенно то, что въ государствѣ нашемъ теперь дѣлается въ разсужденіи обоихъ сихъ предметовъ. Отъ чего послѣдуетъ свѣдѣніе, въ чемъ иногда недостатокъ, въ томъ ли или въ другомъ потребуетъ перемѣны. Ибо перемѣна не для произвольной перемѣны должна быть сдѣлана, но для поправленія недостаточнаго, есть ли что сышется; а хорошее и полезное отъ оной изымаются, потому что оно всегда въ своей силѣ остаться должно. И такъ первое дѣло сей комиссіи будетъ то, чтобы сдѣлать себѣ общій съ точнымъ всѣхъ подробностей означеніемъ, такъ сказать чертежъ нынѣшняго Россіи правленія“. Въ первомъ изъ данныхъ ею „уроковъ“ императрица и пытается намѣтить главнѣйшіе вопросы, которыхъ придется коснуться комиссіи при выполненіи „этого первого дѣла“. Комиссія, по ея мнѣнію, должна прежде всего заняться обозрѣніемъ современныхъ ей русскихъ „правительствъ“, т. е. по всей вѣроятности, „властей среднихъ, подчиненныхъ и зависящихъ оть верховной, составляющихъ существо правленія²⁾“ и соблюдающихъ общій порядокъ; далѣе комиссія должна была опредѣлить, какія „установленія сдѣланы правительствомъ и каковы ихъ учрежденія: 1-е въ разсужденіи ихъ самихъ, яко тѣла (то-есть ихъ вѣдомства), 2-е въ разсужденіи особъ, ихъ составляющихъ и 3-е въ разсужденіи союза и сношенія одного правительства съ другимъ“ (§§ 1—3)³⁾. Разъясненія въ слѣдующихъ пунктахъ своего урока вопросы, намѣченные ею въ предшествующихъ, императрица совѣтуетъ комиссіи обратить вниманіе на то, „какова власть правительства въ исполне-

¹⁾ Отрывокъ предисловія см. у В. Сергиевича, Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссіи въ Вѣстнике Европы за 1878 г. январь, стр. 199

²⁾ Наказъ, ст. 18.

³⁾ Въ запискѣ, предшествовавшей составленію „уроковъ“, императрица пишетъ: „L'on pourroit encore partager le travail ci dessus nomm  en diff rentes parties, comme: 1) leurs fondamentales institutions (сверху: установление) dans laquelle (i. e. partie) naturellement entrerait дозволеніе представлять государю и сенатъ (сенату?); 2) leurs devoirs (учрежденіе) comme membres et vis à vis de leurs égaux; 3) l' xecution (исполненіе) de leurs devoirs vis à vis de ceux sur lesquels ils ont autorit  conform ment aux lois“ (Т. А., X, 17, л. 14).

нія должности и надъ чѣмъ онаа состоить, а также отъ кого они зависять и кто отъ нихъ¹⁾ (§§ 4 и 5), причемъ считаетъ нужнымъ выдѣлить въ особую группу обозрѣніе правительства, учрежденныхъ ради „управлениія государственного строительства съ частыми онаго“ то-есть такъ называемое камерное управление и правительства, цѣль которыхъ состоить въ „устроеніи полезнаго“, или въ полиціи благо-состоянія (§§ 6 и 7)¹⁾. Уже въ начертаніи императрица указывала на то, что для лучшаго соблюденія порядка въ управлениі надлежитъ раздѣлить государство на части и возложила рѣшеніе этой задачи на комиссію о порядкѣ государства въ силѣ общаго права; въ §§ 8—13 своего урока государыня объясняетъ комиссіи, что ей придется выяснить себѣ дѣленіе государства на намѣстничества и губерніи, пограничныя или внутреннія, а также подраздѣленія губерній на извѣстное число областей или провинцій, а этихъ послѣднихъ на уѣзды; вопросы о томъ, какія нынѣ города имѣютъ степени и какое въ губерніяхъ правленіе, также входять въ этотъ отдѣлъ. Слѣдующій за нимъ посвященъ уясненію того значенія, какое могутъ имѣть для частной комиссіи наказы отъ правительства и отъ избирательныхъ округовъ, голоса или примѣчанія, сдѣланныя въ большомъ собраніи (§§ 14—16). Лишь по предварительномъ и „порядочномъ объясненіи всѣхъ этихъ вопросовъ касательно нынѣшняго состоянія государства во всѣхъ онаго частяхъ“, комиссія, по мнѣнію императрицы, будетъ имѣть возможность „приступить къ обсужденію недостатковъ и неудобностей, обрѣтающихся въ нынѣшнихъ правительствахъ и въ распределеніи частей цѣлаго общества по всѣмъ ихъ разнымъ предметамъ, смотря и на обширность россійской имперіи“ (§ 17). Этотъ послѣдній пунктъ первого урока получаетъ дальнѣйшее развитіе въ послѣдникъ двухъ урокахъ „касавшихся до раздѣленія частей цѣлаго общества и до правительства“. Второе и третье наставленія, данные императрицей 20-го и 26-го мая комиссіи о порядке государства въ силѣ общаго права, уясняютъ, какъ видно, уже не историческую, а доктринальскую сторону занятій, предстоявшихъ комиссіи²⁾). Наставленія, преподанныя ей императрицей, послужили конечно руководствомъ для ея членовъ въ ихъ занятіяхъ.

¹⁾ Начертаніе. (П. С. З., т. XVIII, № 13095) даетъ указаніе па смыслъ терминовъ употребляемыхъ въ этихъ §§ 6 и 7 первого урока.

²⁾ Послѣдніе два урока не имѣютъ прямаго отношенія къ главной темѣ предлагаемаго очерка.

„Первый урокъ, говорилъ одинъ изъ нихъ обращаясь къ своимъ со-членамъ, произвелъ въ васъ то, что вообще знаніе ваше обніяло уже все необходимое ко исполненію“... Оставалось, приступить къ этому послѣднему.

Такимъ образомъ, для того, чтобы заняться реформою „правитель-ственныхъ мѣстъ“, комиссія должна была прежде всего приступить къ составленію „чертежа“ современного ей правленія Россійской имперіи. Основаніемъ для такого рода работъ послужилъ конечно за-конодательный материалъ, собранный въ „комиссій архивѣ“: реестры законовъ, взятые изъ этого учрежденія, читались, напримѣръ, на за-сѣданіяхъ комиссіи¹). Но материалъ этотъ, поступалъ въ комиссію уже въ обработанномъ видѣ: по указу государыни, подъ наблюденіемъ самого генераль-прокурора, составлялись вѣдомости или „сведенія“ матерій, изъ указовъ по правительству. Въ 1768 году, напримѣръ, члены комиссіи не разъ читали „сведенія“ о томъ, какимъ образомъ разныя правительства Россійской имперіи, отправляютъ производство дѣлъ. Кромѣ того, члены комиссіи „о порядкѣ государства“ получили право входить во всѣ присутственныя мѣста, не исключая сената и синода, „дабы, черезъ полученіе лучшаго свѣдѣнія о порядкѣ, про-изводствѣ и теченіи дѣлъ, сю комиссію тѣмъ болѣе привести въ съ-стояніе, совершилъ къ общему удовольствію ей отъ нацъ порученное, дѣло“²)

Составленіе „чертежа“ съ первого взгляда показалось членамъ комиссіи дѣломъ, не труднымъ, „махинальнымъ, кратковременнымъ, не зависящимъ, ни отъ знанія, и отъ просвѣщенія членовъ, ниже отъ прилежанія ихъ; но, единственно, отъ свѣдѣнія установленій и распре-дѣленій, какія гдѣ быть должны“; составители чертежа полагали, при-этомъ, что „каждое правительство имѣть вѣсъ свѣдѣнія до ея уста-новленія, и, до, исполненія, должности принадлежанія“. Оставалось „взять сіи свѣдѣнія, сократить ихъ и привести въ порядокъ, по во-просамъ первого урока, что и привело бы комиссию вскорѣ къ окон-чанію „чертежа“.. Но приступивъ къ работамъ, члены комиссіи, уви-дѣли, что дѣло, выполнить, далеко не такъ легко, какъ это казалось въ самомъ началѣ. Вскорѣ они убѣдились въ томъ, что общиі вѣго-сударствѣ порядокъ основанъ „на связи многихъ частей и безчислен-

¹⁾ Рум. и Шублич. муз., № 2935, т. I, 1768 г.

²⁾ Ibid., Прот. отъ 1768 г., июля 18-го и 26-го; июля 4-го; октября 20-го. С. Р. И. О., X, 209. П. С. З., т. XVIII, № 13140 (1768 г. июля 1-го).

ныхъ "подробностей", его "составляющихъ". Эти "подробности" приходилось разыскивать въ архивахъ. Между тѣмъ, архивы всѣхъ въ Россіи правительства находились "не весьма въ желательномъ состояніи", что объяснялось "изъящающимъ все временемъ, ошибками или несовершенствами человѣчества и разными приключющимися обстоятельствами". Такимъ образомъ, "многія свѣдѣнія, подлежащія правительству, были растеряны, а о чѣмъ и совсѣмъ неизвѣстно было, существуютъ они или нѣть?" "Многія изъ присутственныхъ мѣстъ не имѣли ни регламента, ни особой инструкціи, а придерживались "образца" генерального регламента, въ производствѣ же и решеніи дѣлъ поступали по разнымъ указамъ¹⁾). Но и эти указы должны были трудно. "Чувствительные члены отечества съ прискорбіемъ взирали на то, что иное правительство до своея 'только должности' принадлежащихъ всѣхъ законовъ не имѣть". Въ виду подобного рода затруднений чертежъ внутренняго правленія Российской имперіи еще въ половинѣ 1770 г. оставался неоконченнымъ. Въ течение этого времени, однако, комиссія сдѣлала не мало: члены ея "ознакомились лучше многихъ съ подлежащей системой внутренняго управлениія", записали уничтоженіе излишнихъ правительства и раздѣлили свойства оныхъ; составленіе чертежа также значительно подвинулось впередъ: "главная, (чтобы не сказать вся) и большая половина дѣла, говориль А. Нарышкинъ 31-го мая (1770 г.), уже сдѣлана; остается только получить нѣкоторыя свѣдѣнія... и чертежъ будетъ оконченъ".

Такимъ образомъ, комиссія для составленія сводовъ и комиссія о порядкѣ государства въ силѣ общаго права вѣроятно, болѣе другихъ содѣйствовали послѣдующимъ работамъ надъ полнымъ собраниемъ и сводомъ законовъ: первая, несомнѣнно, подготовила работу по составленію описанія внутренняго правленія Российской имперіи; вторая отчасти принялась даже за это дѣло, но, повидимому, не успѣла довести его до конца.

Остальные частные комиссіи также могли повлиять на составле-

¹⁾ Мѣста эти въ одной изъ офиціальныхъ бумагъ того времѣни перечислены въ слѣдующемъ порядке: коллегіи—войсчная, иностранная, юстицъ и вотчины; далѣе канцеляріи—ямская и глав. полиціїмейстерская, канцелярія отъ строеній государства, дорогъ и главная канцелярія надъ таможенными сборами; наконецъ, судный приказъ, соляная коптера и малороссійская коллегія. (Г. А., X, 15. Бумаги Г. Козинского, ч. I).

ніє екстрактовъ по разнымъ отраслямъ законодательства, но непосредственного отношенія къ составленію „описанія“, кажется, не имѣли¹).

Комиссіи 1767—1774 гг., какъ видно, неудалось составить цѣлаго „описанія“. Выполнение этой задачи, повидимому, возложено было на канцеляріи, оставшіяся по закрытіи частныхъ комиссій, члены которыхъ уволены были отъ должностей 4-го декабря 1774 г.²). Факты, известные намъ изъ „репортовъ“, которые губернаторы подавали въ сенатъ послѣ этого времени, сть первого взгляда могутъ, однако, вызвать иѣкоторое сомнѣніе въ справедливости подобнаго вывода. Въ 1775 году (29-го апрѣля) сенатъ слушалъ, напримѣръ, докладъ сибирскаго губернатора о томъ, что знаки умершихъ депутатовъ отъ города Тобольска, а также отъ служилыхъ и ясашихъ татаръ отданы имъ (губернаторомъ) вновь выбраннымъ на ихъ мѣсто депутатамъ. Такіе же случаи происходили и въ другихъ мѣстахъ: судя по „репортамъ“ за вторую половину 1775 г. взамѣнъ прежнихъ депутатовъ избраны были новые въ Тетюшахъ, Саратовѣ, Динабургѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Юрьевѣ Польскомъ, Кашинѣ и т. д.³). Выборы эти вызваны были, повидимому, отсутствіемъ какого-нибудь опредѣленного указа, который уничтожалъ бы званіе депутата, и необходимостию, въ силу одной изъ статей обряда управлениія комиссией (ст. 25), передать новымъ выборнымъ знаки, наказы и бумаги, оставшіяся

¹) „Для управлениія письменнаго производства какъ по большому собранію, такъ и по частнымъ комиссіямъ“ первоначально состояло изъ дворянъ и разнаго званія людей—160 человѣкъ. По распущенію большаго собранія при малыхъ комиссіяхъ осталось: сочинителей — 20, помощниковъ — 20, держателей дневныхъ записокъ — 20, писцовъ — 80; кроме того, при маршалѣ: сочинитель 1, помощникъ 1, писцовъ — 2, да для всѣхъ комиссій вообще: экзекуторъ — 1, при немъ: помощникъ — 1, писецъ — 1; архиваріусъ — 1, при немъ: помощникъ — 1, писецъ — 1, казначай — 1, при немъ: помощникъ — 1, писецъ — 1; всего 153 чел. (Арх. Госуд. Сов., Дѣла. Код. Отд., № 228, Акты и бумаги по комиссіямъ 1797—1804 гг., № 11).

²) Арх. Госуд. Сов., Дѣла Код. Отд., № 228: Акты и бумаги по комиссіи 1797—1804 гг., № 11. В. Сергеевичъ, (Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссіи въ *Вѣстнике Европы* за 1878 г., № 1, стр. 261) указываетъ на то, что послѣднее извѣстіе о комиссіи относится къ 1775 году по случаю перенѣза ея въ Москву. Дѣйствительно комиссія должна была явиться въ сенатъ въ Москву 7-го января 1775 года (Арх. Госуд. Сов., Дѣла Код. Отд. № 94; ин. 273, опред. 48-е). Но подъ комиссіей въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, разумѣли одни канцеляріи.

³) Арх. Мин. Юстиц. III Отд. Сенат. Отд. Дѣла ген.-прок., № 6473, лл. 257, 274, 278—285 и мн. др.

послѣ умершихъ или лишенныхъ своего званія депутатовъ. Сенатъ на первыхъ порахъ, кажется, также держался этого мнѣнія, хотя и измѣнилъ его впослѣдствіи¹⁾). Слѣдуетъ имѣть въ виду при этомъ, что вновь избираемые депутаты, насколько можно судить по отдѣльнымъ примѣрамъ, оставались въ провинціи, такъ какъ „отпускались до востребованія въ домъ“²⁾). Во избѣжаніе могущихъ возникнуть недоразумѣній сенатъ счѣлъ нужнымъ, однако, разъяснить губернаторамъ, что „имянымъ Ея Императорскаго Величества указомъ избранные въ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія депутаты распущены впредь до указа, а потому въ выборѣ новыхъ депутатовъ не настоитъ и нужды до того времени, доколѣ всѣмъ депутатамъ будетъ общій позывъ“³⁾). Такимъ образомъ, въ силу этого сенатскаго опредѣленія отъ 8-го августа 1776 г. выборы депутатовъ окончательно прекратились.

Проектъ императрицы превратить комиссію уложенія въ палату при сенатѣ „дабы сенатъ имѣлъ, гдѣ (куда) отослать тѣхъ людей и дѣла, кои разбора требуютъ, причемъ частныя комиссіи „по матеріямъ“ должны были послужить“ для разбора ненужныхъ“ дѣлъ, также остался не осуществленнымъ⁴⁾).

Взаимънъ прежнихъ комиссій въ Петербургѣ продолжали дѣйствовать однѣ канцеляріи, въ силу „обряда“ состоявшія подъ управлениемъ генераль-прокурора и депутатскаго маршала съ самаго учрежденія большой комиссіи⁵⁾). Въ самомъ дѣлѣ уже современники указывали на то, что по распущенію большаго собранія „комиссія въ небольшомъ числѣ письмоводцевъ осталась въ вѣдомствѣ генераль-прокурора“ и продолжала трудиться до самой кончины государыни

¹⁾ Ibid., л. 274. Казанскій губернаторъ кн. Мещерскій доносилъ сенату, что ему поручено было генераль-аншефомъ и кавалеромъ Панинымъ „всѣдѣствіе правителствующа сената указа на мѣсто умершихъ изъ пахотныхъ солдатъ депутатовъ пригорода Тетюшъ А. Танбовцева Саратовскаго М. Моченцова выбрать другихъ, что и сдѣлано было въ силу обряда 1766 г.“. Сенатъ слушалъ рапортъ кн. Мещерскаго 15-го іюля 1775 г.

²⁾ Ibid., л. 274. Избранный на мѣсто А. Танбовцева города Уржума пахотный солдатъ С. Ляхтинъ получилъ надлежащее полномочіе, депутатскій знакъ съ приложеніями и „отпущенъ до востребованія въ домъ“.

³⁾ Арх. Мин. Юстиц. III Отд. Сенат. Отд. Дѣла ген.-прок., № 6485, лл. 217, 224, 238, № 6492 (1777 г., ноября 27-го). Сенатъ ссылается при этомъ на указъ 1773, а не 1774 года.

⁴⁾ Письмо Імператрицы ІІ кн. Волконскому около 1775 г. (XVIII-й вѣкъ, I, 182).

⁵⁾ Обрядъ управлениія комиссіи, ст. 29.

ли даже послѣ смерти „спустя некоторое время“, хотя мало походу ни пришли въ совершеннное бездѣлствіе¹). И действительно, въ 1775—1796 гг. не разъ въ качествѣ еще дѣйствующихъ учрежденій упоминаются частныя комиссіи, дирекціонная, экспедиціонная, комиссіи по разборѣ наказовъ, адалѣ комиссіи о порядке государства въ силѣ общаго права, о среднемъ редѣ людей, о лицахъ, имѣніяхъ и обязательствахъ, за также обѣ училищахъ и отородахъ, налогопечатной комиссіи (духовно-гражданской²). Но подъ всѣми этими учрежденіями слѣдуетъ разумѣть не прежнія частныя комиссіи депутатовъ, выбранныхъ еще на большомъ собраніи, а состоявшія при нихъ канцеляріи, въ составѣ которыхъ, однако, входили вѣроятно, же одни пріязненные люди³). На существованіе такихъ канцелярій вѣданы опредѣленныя указанія встрѣчаются въ генераль-прокурорскихъ дѣлахъ и въ расходныхъ книгахъ комиссіи за 1770—1796 годы. Число слу-

¹) Г. Державинъ. Записки, изд. 1860 г., стр. 38. Шторахъ, Лѣтописи царствованія Екатерины II, ч. I, русскій переводъ Г. Глинки, С.-Пб. 1801, стр. 375—376. А. Артемьевъ. (Краткое начертаніе римскихъ и россійскихъ правъ, М. 1777, стр. 135) говоритъ о комиссіи, какъ обѣ установлѣніи еще дѣйствующемъ. А. Грибовскій поступилъ на службу къ Державину въ 1784 г. изъ комиссіи сочиненія новаго Уложенія (Г. Державинъ, Ор. сіт., стр. 250, прим.). Кн. М. Щербатова, Статистика въ разсужденіи Россіи, стр. 92.

²) Арх. Гос. Сов., Дѣла Кад. Отд., №№ 93—97: Опредѣленія частныхъ комиссій. Судя по этимъ даннымъ, напримѣръ, упоминаются комиссіи: дирекціонная — въ 1775 г. октября 19-го, 1776 г. декабря 31-го, 1780 г. марта 14-го 1781 г. февраля 17-го, 1782 г. марта 5-го, 1782 г. апрѣля 1-го, 1882 г. июля 16-го, 1783 г. ноября 1-го, 1786 г. марта 29-го, 1788 г. января 29-го, мая 12-го и июня 3-го, 1790 г. декабря 11-го и 1793 г. июля 18-го; экспедиціонная 1781 г. мая 1-го; о разборѣ наказовъ и проектовъ 1784 г. июля 1-го, 1786 г. марта 29-го; о государствѣ въ силѣ общаго права — 1775 г. ноября 12-го, 1777 г. мая 27-го; о среднемъ редѣ людей — 1776 г. апрѣля 11-го, 1785 г. апрѣля 18-го; о лицахъ — 1775 г. июня 19-го 1783 г. августа 16-го, 1785 г. июня 3-го; о имѣніяхъ — 1784 г. октября 1-го, 1785 г. марта 21-го; обѣ обязательствахъ — 1783 г. декабря 31-го; о училищахъ — 1776 г. декабря 26-го, 1784 г. марта 6-го; о отородахъ — 1786 г. марта 29-го; духовно-гражданская 1784 г. июля 1-го, 1786 г. апрѣля 5-го. Всѣ эти установлѣнія упоминаются въ разное время, какъ существующія. Вѣроятно, подъ ними слѣдуетъ разумѣть канцеляріи, оставшіяся послѣ нѣкогда бывшихъ частныхъ комиссій изъ депутатовъ.

³) Императрица Екатерина настаивала на томъ, чтобы для письма въ комиссіи отнюдь не брали бы приказныхъ людей, а приглашали бы молодыхъ дворянъ. (П. С. З., т. XVIII, № 12948, Обрядъ, ст. 29; С. Р. И. О., X, 282). Дѣйствительно въ числѣ упомянутыхъ 160 канцеляристовъ (см. выше) были и дворяне. Составъ же канцелярій 1767—1774 гг. оставался повидимому безъ существенныхъ измѣненій и въ послѣдующее время.

жавшихъ въ комиссіи по закрытию мальныхъ комиссій (въ 1775 г.) доходило до сорти слишкомъ, не сколько позднѣе, за три года до смерти императрицы „въ дирекції“ генераль-прокурора по этому учрежденію все еще состояло: 19 сочинителей, 8 сочинительскихъ помощниковъ, 14 журналистовъ, 20 старшихъ лицоцовыхъ и 38 младшихъ, всего до 74 человѣкъ, оизъ которыхъ, впрочемъ, не малая часть служила въ канцеляріи генераль-прокурора, въ особой комиссіи при Сенатѣ и т. д., а также 3-й заседающіхъ¹⁾. Судя по расходнымъ запи-
сямъ въ періодъ 1770—1775 гг. жалованье выдаваемое лицамъ слу-
жившимъ въ частныхъ комиссіяхъ членамъ и канцеляріямъ доходило
срединѣ числомъ до 12.142 р. 75 к. въ годовую третью. Съ 1775 г.
въ комиссіи остались одни чиновники; поэтому, средніе размѣры вы-
даваемаго имъ жалованья спустились до 5.307 р. 45 к. въ годовую
треть, что продолжалось вплоть до мая 1796 г.²⁾. Деятельность
этихъ канцелярій сосредоточилась, повидимому, на исправлениі и по-
полненіи ранѣе сдѣланныхъ выписокъ новыми экстрактами изъ зако-
новъ, обнародованныхъ до изданія жалованныхъ грамотъ 1785 г.,
и на „описаніи внутренняго правленія Россійской имперіи“; по край-
ней мѣрѣ наиболѣе старательные изъ чиновниковъ, служившихъ
въ означенныхъ канцеляріяхъ, какъ напримѣръ, Трофимъ Вишня-
ковъ и Иванъ Смирновъ, принимали большое участіе въ составленіи
„описанія“³⁾. Послѣднее, какъ видно, оказывается результатомъ
деятельности цѣлаго ряда установленій, функционировавшихъ въ тече-
ніе значительного промежутка времени, по меньшей мѣрѣ трид-
цати лѣтъ слишкомъ. Вызванная насущными потребностями русской
государственной жизни, а не однѣми случайными причинами, ра-
бота надъ „описаніемъ“, не смотря на всѣ препятствія, продолжалась
до тѣхъ поръ, пока не принесла давно ожидаемый, хотя и за-
поздалый плодъ.

¹⁾ Арх. Мин. Юстиц., III Отд. Сенат. Отд. Дѣла генераль-прокур., № 6679, дѣло № 2.

²⁾ Арх. Госуд. Сов., Дѣла Код. Отд., №№ 9397. При вычислениі среднихъ размѣровъ жалованья мы имѣли въ своемъ распоряженіи свѣдѣнія о величинѣ его за 13 третей въ 1770—1775 гг. и за 59 третей въ теченіе 1775—1796 гг.

³⁾ Съ 1-го января 1777 г. Трофиму Вишнякову и Ивану Смирнову вѣдьно было давать годового жалованья по 350 р. вмѣсто 300 р., а въ 1783 г. еще прибавлено по 50 р. „по особливой усмотрѣнной ихъ въ порученномъ дѣлѣ (составле-
ніи описанія?) рачительности“ (Арх. Госуд. Сов., Дѣла Код. Отд. №№ 95 и 96,
Определенія частн. ком. 1776 г. декабря 31-го и 1783 г. апреля 29-го).

Въ теченіе XVIII вѣка общая потребность государства въ согласованной системѣ законодательныхъ нормъ, какъ видно, все возрастила; для удовлетворенія ея правительство предприняло рядъ мѣръ, важнѣйшими изъ которыхъ слѣдуетъ признать учрежденіе кодификаціонныхъ комиссій. Работы, производившіяся въ этихъ установл枚ніяхъ, хотя и не привели къ составленію новаго уложенія, однако подготовили значительный матеріалъ для изданія полнаго собранія и свода законовъ Российской имперіи. А между тѣмъ въ такомъ именно сборникѣ нуждалось и русское общество и русское правительство того времени (см. выше гл. I). Естественно, поэтому, что послѣднее воспользовалось накопленнымъ матеріаломъ для достиженія указанной цѣли, при чемъ выполненіе ея поручило канцеляріямъ, оставшимся послѣ закрытія большой комиссіи 1767—1774 гг.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Составленіе „описанія внутренняго правленія Россійской Имперіи“.

Составленіе систематического свода экстрактовъ изъ законовъ, получившаго название „описанія внутренняго правленія Россійской Имперіи со всѣми законоположенія частями“, какъ видно изъ предшествующихъ розысканій, вызвано было постепенно нароставшею потребностью русского общества и правительства въ знаніи законовъ (см. гл. I), при чёмъ удовлетвореніе ея становилось возможнымъ благодаря трудамъ кодификаціонныхъ комиссій XVIII вѣка; съ закрытиемъ частныхъ комиссій 1767—1774 гг. эта дѣятельность перешла въ оставшіяся послѣ нихъ канцеляріи, продолжавшія кодификаціонныя работы, результатомъ которыхъ и надо считать, повидимому, „описаніе внутренняго правленія Россійской Имперіи“ (см. гл. II). Авторы описанія извѣстны намъ, къ сожалѣнію, лишь отчасти; во всякомъ случаѣ содержаніе этого труда и пріемы изложенія его составителей заслуживаютъ вниманія не только въ виду того, что появленіе „описанія“ даетъ намъ право съ новой точки зрѣнія взглянуть на значеніе кодификаціонныхъ комиссій XVIII вѣка, но и потому, что въ общемъ его характерѣ отражаются нѣкоторыя изъ существенныхъ особенностей русского правосознанія за это время. Посильное выясненіе всѣхъ этихъ вопросовъ въ настоящей главѣ послужить вмѣстѣ съ тѣмъ и введеніемъ къ изученію системы права, положенной въ основаніе „описанія“.

I. Авторы и время составления „Описания“.

Къ сожалѣнію нѣть возможности опредѣленно отвѣтить на вопросъ о томъ, вызвано-ли было составленіе „описанія“ самою императрицей Екатериной II и состояло ли оно подъ ея прымымъ надзоромъ или руководствомъ? Во всякомъ случаѣ многія соображенія указываютъ на то, что предпріятіе подобнаго рода не могло бы осуществиться безъ ея вѣдома. Сама императрица и по закрытіи большой комиссіи, какъ извѣстно, продолжала интересоваться вопросами законодательной техники и кодификациіи права; она любила разсуждать съ приближенными о законахъ, которые „никакъ не удалось сдѣлать неподвижными“, причемъ имѣла въ виду „сочинить“ какія-то замѣчанія на генеральный регламентъ¹⁾). Зная „почти наизусть законы Ліцурга, Солона и Перикла, труды Локка и Монтескію“, мудрая составительница наказа тѣмъ не менѣе часто послѣ обѣда занималась чтеніемъ какого нибудь сочиненія, „до законодательства относящагося“²⁾. Далѣе императрица Екатерина не только вызвала работы, аналогичные съ описаніемъ внутренняго правленія Россійской Имперіи, въ комиссіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права, состоявшей „подъ очами“ государыни и дѣйствовавшій лишь сообразно даннымъ ею урокамъ³⁾), но и два года слишкомъ по закрытіи большаго собранія комиссіи 1767—1774 гг. все еще не оставила мысли сочинить уложеніе, хотя далеко уже не была такъ увѣрена въ успѣхѣ своего предпріятія. „Нѣсколько недѣль тому назадъ,—писала она Вольтеру 22-го іюля 1771 года,—я перечитала свой наказъ для уложенія... и увидѣла, что была права, когда писала его. Признаюсь, что уложеніе, для котораго готовится много материаловъ и много уже приготовлено, дастъ мнѣ еще много хлопотъ, прежде нежели достигнетъ той стѣпени совершенства, до какой желаю довести его; но дѣлать нечего: надоѣло окончать это дѣло“⁴⁾). Несмотря на сомнѣніе, какое звучитъ въ приведенныхъ словахъ, императрица, повидимому, продолжала работать надъ составленіемъ уложенія. Отъ начала 1774 года сохранились отрывки предисловія къ „гражданскимъ законамъ“, писанные

¹⁾ А. Грибовскій, Записки объ Имп. Екатеринѣ Великой, М., 1864 г., изд. 2 (дополн.); стр. 94 и 99.

²⁾ А. Грибовскій, Ор. cit., стр. 39 и 53.

³⁾ Румянц. и Публ. Муз., № 2935, т. I, прот. 1768 г. іюля 9-го. Сама комиссія такъ именно смотрѣла на задачи своей дѣятельности.

⁴⁾ С. Р. И. О., XIII, 188.

собственню рукою императрицы; въ числѣ цѣлей, преслѣдуемыхъ при сочиненіи икъ, указано между прочимъ „установленіе обряда правленія Всероссійской Имперіи“¹). Естественно предполагать по-этому, что и вводныя замѣчанія, какими сопровождаются отдельныя главы описания, также не могли не подвергнуться со стороны императрицы предварительной цензурѣ; живой, блестящій стиль „предувѣдомленія“ ко всему собранію, а также нѣкоторая тенденціозность его содержанія, если прямо и не указываютъ на участіе Екатерины въ дѣлѣ, которымъ она руководила въ теченіе двадцати лѣтъ съмѣкомъ, то во всякомъ случаѣ заставляютъ предполагать, что составители описания предвидѣли возможность такой цензуры. Наконецъ, самая цѣль собранія, имѣвшаго въ виду большую публику и ея потребность въ знаніи законовъ, на чемъ такъ настаивала императрица и въ начальѣ своего царствованія, и двадцать лѣтъ спустя, могла быть установлена лишь благодаря санкції верховной власти. Итакъ, косвенное влияніе Екатерины на составленіе „описанія“ едва ли подлежитъ спору; но прямое уловить трудно: хотя оно въ виду вышесказанного и возможно, однако степень его вѣроятности довольно ничтожна.²).

Гораздо легче усмотреть непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ генераль-прокурора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, жедавшаго, можетъ быть, и помимо вѣдома императрицы, приготовить собраніе и сводъ законовъ и такимъ образомъ заслужить пріязнительность государыни. Личные интересы кн. А. Вяземскаго совпадали въ данномъ случаѣ съ общими потребностями, что, вѣроятно, способствовало ихъ усиленію, а официальное положеніе генераль-прокурора давало ему возможность безъ особенного труда выполнить такое намѣреніе. Въ самомъ дѣлѣ, онъ завѣдывалъ составленіемъ „экстрактовъ изъ законовъ“, еще въ то время, когда бывали общія собрания членовъ большой комиссіи 1767 года; въ виду этого,

¹⁾ Г. А., X, 19; л. 400; первыя четыре цѣли слѣдующія: 1) сохранить безопасность личную; 2) утвердить собственность; 3) предупредить пороки и преступленія; 4) сходственное человѣковолюбію сравнить наказанія съ преступленіями. Кн. М. Щербатовъ сообщаетъ, что имп. Екатерина еще въ 1774 г. предполагала „на всѣ случаѣ сдѣлать новое престраннѣйшее уложеніе“ (Кн. М. Щербатовъ, Статистика въ разсужденіи Россіи, стр. 92).

²⁾ Въ замѣткахъ императрицы, частью рукописныхъ, частью уже напечатанными мы не встрѣтили указаний императрицы на участіе ея въ этомъ дѣлѣ, а между тѣмъ при извѣстномъ ея славолюбіи такое молчаніе, въ случаѣ она действительно руководила составленіемъ описания, непонятно.

дирекціонная комиссія обращалась обыкновенно къ нему за свѣдѣніями о положеніи государства и законахъ, которыхъ она не имѣла; черезъ него же и другія комиссіи получали разныя вѣдомости и „сведенія“ изъ законовъ ¹⁾). Далѣе, въ „дирекціи генераль-прокурора“ состояли и канцеляріи, оставшіяся послѣ закрытія частныхъ комиссій. Наконецъ, справки изъ архивовъ, послужившія, между прочимъ, материаломъ для составленія описанія, сообщали „его сіятельству князю Александру Алексѣевичу“. Естественно предполагать по-этому, что ближайшій надзоръ и за работами по составленію „описанія“ также принадлежалъ кн. А. А. Вяземскому, тѣмъ болѣе, что известный намъ, довольно полный экземпляръ описанія внутренняго правленія Российской Имперіи, вмѣстѣ съ другими дѣлами комиссіи 1767 г. сохранился въ его бумагахъ ²⁾). Но надзирая, подобно французскому канцлеру (*chancelier*) за кодификаціонными работами, генераль-прокуроръ не могъ, однако, самъ заняться сочиненіемъ системы описанія: за множествомъ другихъ дѣлъ ему на это, вѣроятно, не хватало времени, да и специальныхъ юридическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для выполненія подобнаго рода задачи; въ такомъ дѣлѣ ему могли пригодиться совѣты тѣхъ знающихъ „юриспрудентовъ“, которые, въ силу послѣдней статьи генераль-прокурорскаго наказа, должны были разбирать и объяснять кажущіяся въ законахъ противорѣчія; въ случаѣ же разногласія между „сіими законовѣдцами“ генераль-прокуроръ имѣлъ право требовать мнѣнія профессоровъ университета, членовъ академіи наукъ и „юриспрудентскаго“ класса кадетскаго корпуса ³⁾). Существуютъ указанія на то,

¹⁾ Румянц. и Публ. Муз., № 2935, *passim*.

²⁾ Румянц. и Публ. Муз., №

³⁾ П. С. З., т. XVIII, № 12.950. „Мы уже искали такихъ людей въ Германіи,—писала Екатерина Фальконету 1768 г. июля 17-го—и некоторые запросили всего 10.000 червонцевъ жалованія“ (С. Р. И. О., XVII, 56). Въ связи съ этими розысками, вѣроятно, находится записка, хранящаяся въ числѣ прочихъ бумагъ комиссіи 1767 г. въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ (Госуд. Древлехр., Отд. V, Карт. 6, св. 2). Здѣсь перечислены „славные въ нѣмецкихъ университетахъ юриспруденты“. Таковы въ Гѣттингенѣ: Бекманъ, специалистъ по гражданской юриспруденціи и натуральному праву, Бемерь, Эйрель и Мейстеръ, далѣе Шуттеръ, Гебауэръ и Ахенвалль, читавшіе публичное право, а также „знаніе политического состоянія государствъ и ихъ взаимныхъ интересовъ“; въ Галле: Неттельбладтъ, известный руководствомъ къ знанію натуральныхъ и церковныхъ правъ и привлекавшій на свои лекціи до 500 слушателей, Йоахимъ, специалистъ по юриспруденціи и исторіи, составившій руководство къ универсальной исторіи и чи-

что кн. А. А. Вяземский не замедлил воспользоваться данными ему правомъ: съ 8-го августа 1768 г. „въ единственномъ его вѣдомствѣ“ уже состоять „юриспрудентъ“ Карль де Вильеръ (Villier), принятый по контракту на два года съ жалованьемъ по 1200 р. ежегодно ¹⁾). Въ бумагахъ генераль-прокурора сохранился цѣлый рядъ отзывовъ о дѣйствіяхъ разныхъ комиссій; эти замѣтки и принадлежать, вѣроятно, Вильеру или одному изъ остальныхъ избранныхъ генераль-прокуроромъ „юриспрудентовъ“ ²⁾). Итакъ высшій надзоръ за составленіемъ описанія, вѣроятно, принадлежалъ генераль-прокурору кн. А. А. Вяземскому даже въ томъ случаѣ, если предположить, что объ этомъ предпріятіи еще ничего не знала сама императрица.

Всѣ вышеприведенные соображенія о лицѣ, надзиравшемъ за составленіемъ „описанія“, хотя и вѣроятны сами по себѣ, однако, къ сожалѣнію, полной достовѣрности не имѣютъ; въ текстѣ свода лишь тѣ „сочинители“, которые непосредственно трудились надъ отдельными его главами, означены по именамъ. Работы по составленію „описанія“, должно быть, сосредоточились въ канцеляріяхъ, оставшихся по закрытии частныхъ комиссій и продолжавшихъ дѣйствовать вплоть до 1796 года ³⁾ (см. гл. II). Во всякомъ случаѣ лица, трудившіеся надъ „описаніемъ внутренняго правленія Россійской имперіи со всѣми законоположеніями частями“, состояли въ разныхъ канцелярскихъ должностяхъ по комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. Такъ,

тавшій лекціи о церковныхъ правахъ, также Бертрамъ и Вестфаль; въ Франкфуртѣ на Одерѣ: Даріесь, занимавшійся юриспруденціей и философіей; въ Іенѣ: Шмидтъ, знакомый съ публичнымъ правомъ, политикой и исторіей; въ Лейпцигѣ: Бреиніусъ извѣстный знаніями своими по правамъ: римскому, каноническому и натуральному, а также „диспутаціей о правахъ натуральныхъ и руководствомъ къ церковнымъ правамъ, да Самметъ, читавшій общее право и феодальное, германское и написавшій „Сокращеніе натуральныхъ правъ“; да Гоммель, Зегеръ и Рихтеръ; наконецъ въ Бицоѣ обратилъ на себя вниманіе Тренделенбургъ, читавшій гражданское право.

¹⁾ Арх. Мин. Юстиц. III отд. Сенат. Отд., дѣла ген.-прок., № 6450, дѣло 77-е. De Villier—парижскій адвокатъ, провѣдшій три года въ Англіи для изученія англійскихъ законовъ и пріѣхавшій въ Россію съ Мерсье де ла Ривьеръ (B. Бильбасовъ, Н. Панинъ и Мерсье де ла Ривьеръ въ Русской Старинѣ за 1891 г., т. LXXII, стр. 313). Вилье работалъ въ комиссіи 1767 г. (см. ниже) и пользовался расположениемъ императрицы (С. Р. И. О., X, 55 и 95).

²⁾ Румянц. и Публичн. Музей, № 2934. Эти отзывы, можетъ быть, принадлежали Штрубе де Пирмону (Strube de Piermont), по желанію самой императрицы принимавшему участіе въ работахъ по составленію новаго уложенія.

³⁾ Обозрѣніе историч. свѣд. о сводѣ законовъ, стр. 33.

напримѣръ, первая, седьмая, девятая и десятая главы описанія (въ шести томахъ) составлены коллежскимъ секретаремъ Иваномъ Смирновымъ, вторая — Петромъ Поповымъ, третья — Семеномъ Венициевымъ, шестая, восьмая и девятая — коллежскимъ секретаремъ Трофимомъ Виниаковыми¹⁾. А между тѣмъ все эти лица принимали участіе въ дѣятельности комиссии для составленія проекта новаго уложенія: Иванъ Смирновъ, Семенъ Венициевъ и Трофимъ Виниаковъ, напримѣръ, бывшіе студенты Московскаго университета, служили регистраторами въ комиссіяхъ о порядке государства въ силѣ общаго права, о противорѣчіи между воинскими и гражданскими законами и въ дирекціонной; студентъ Петръ Поповъ также состоялъ писцомъ въ комиссіи о рудокопаніи. Наконецъ, нѣкоторые изъ названныхъ сочинителей, а можетъ быть и всѣ они, всѣдѣ затѣмъ служили въ канцеляріяхъ, оставшихся въ С.-Петербургѣ по закрытии частныхъ комиссій въ 1774 году²⁾. Прошедши такимъ образомъ школу кодификаціонной техники на заѣданіяхъ этихъ комиссій, они, всѣдѣ затѣмъ, оказались пригодными работниками и по составленію описанія внутреннаго правленія Россійской имперіи въ означенныхъ канцеляріяхъ³⁾.

Возможно предполагать, что этими работами усиление занялись не раньше, какъ со второй половины семидесятыхъ годовъ, то есть, какъ разъ съ того времени, когда прекращается известія о дѣятель-

¹⁾ Главы IV и V извѣстнаго намъ экземпляра описанія къ сожалѣнію не сохранились.

²⁾ Ср. выше, гл. II въ Журнале Министерства Народного Просвещенія за 1897 г., № 3, стр. 161.

³⁾ С. Шефферъ, Ор., с. 160, Рум. и Публ. Муз., № 2985, passim. Т. Вишняковъ писалъ, между прочимъ, и проектъ о правахъ благородныхъ (С. Р. И. О., XXIX, 577). Актъ Госуд. Сенатъ Дѣловъ отд., опрѣд. част. ком., №№ 93—97), 1767 г., августа 27. Тамъ же, № 110, ч. 1: росписование состава частныхъ комиссій. С. Венициевъ „много писалъ похвальныхъ одѣ и друзьяхъ стихотворныхъ сочинений, но печатныхъ нѣть“ (Н. Ноемъ, Опытъ истории... словаря рос. писателейъ въ Мат. для ист. русск. лит., изд. П. Ефремова, С.-Пб. 1867, стр. 19). Можетъ быть — это тотъ же самый С. Венициевъ, „промощедшій изъ подлости“, но „очень умный“, „фаворитъ и первый дѣмовой человѣкъ“ у Тульскаго губернатора, о когоромъ не разъ упоминаетъ А. Болотовъ въ своихъ запискахъ съ 1778 г. (А. Болотовъ, Жизнь и приключенія, т. IV, С.-Пб. 57, 61, 192, 603, и мн. др.). Замѣтимъ, что третья глава описанія занимается учрежденіемъ для управления губерній (1775 г.); авторъ ея по этому могъ въ 1778 г. служить секретаремъ при Тульскомъ намѣстникѣ, а затѣмъ и совѣтникомъ при Тульскомъ оружейномъ заводѣ.

ности малыхъ комиссій и вводится новое учрежденіе о губерніяхъ. Во всякомъ случаѣ въ предувѣдомленіи къ нашему своду мимоходомъ упоминается о благополучномъ „окончаніи браны противу Отomanнскія порты, съ толикимъ благоразумiemъ веденnoй“ ¹⁾); слѣдовательно, писано оно послѣ 10-го іюля 1774 года. Въ самомъ сводѣ, однако, мы найдемъ и болѣе опредѣленныя указанія на время окончанія работъ, если обратимъ вниманіе на хронологическія даты указовъ, которыми заканчивается описываемое собраніе; въ главахъ второй и третьей напримѣръ, на послѣднемъ мѣстѣ стоитъ учрежденіе о губерніяхъ (1775 г., ноября 7-го), въ главѣ VII-й—указъ 1776 г. ноября 29 го, въ главѣ X-й—мѣропріятія 1777 года, іюля 1-го и октября 18-го; далѣе глава VI-я—заканчивается указомъ 1778 г., такъ-же какъ и главы IX-я и XI-я, доведенный до указовъ 7-го ноября и 27-го декабря; къ тому же времени (декабрю мѣсяцу 1778 г.) относится и послѣдний указъ первой главы. Сроки, къ которымъ подведены послѣдніе указы каждой главы нашего описанія, какъ видно, довольно разнообразны. Но ими не опредѣляется еще время, когда работа была вполнѣ окончена; вопросъ этотъ можно выяснить благодаря надписямъ и припискамъ, какія сдѣланы на отдѣльныхъ томахъ собранія. Въ главѣ VII-й говорится, напримѣръ, что законы этой части собраны „по настоящей 1778 годъ“; глава десятая составлена „по текущее нынѣ царствованіе всемилостивѣйшей Государыни и Императрицы Екатерины Алексѣевны вторыя 1779-го года“, глава шестая—„издана“ 4-го января 1780 года, глава первая закончена, повидимому, почти тремя годами спустя (1-го декабря 1782 г.), а глава девятая лишь—28-го іюля 1783 года. Всѣ эти работы велись, какъ видно, каждымъ изъ составителей порознь, независимо другъ отъ друга, и закончены были въ разное время.

Дѣятельность канцелярій по окончаніи работъ надъ составленіемъ „описанія“ намъ неизвѣстна. Впрочемъ, едва-ли она была особыенно плодотворною. На это встрѣчаются косвенные указанія: въ 1793 году, напримѣръ, почти половина изъ числа чиновниковъ, состоявшихъ при комиссіи, уже причислена была къ другимъ учрежденіямъ; количество бумагъ, подписанныхъ генераль-прокуроромъ по комиссіи также замѣтно понижается съ 1783 года; уже въ 1790 г. ихъ вышло изъ генераль-прокурорской экспедиціи въ десять разъ менѣе, чѣмъ семь лѣтъ тому назадъ. Такимъ образомъ, дѣятель-

¹⁾ Румянц. и Публич. Музей, № 2997, т. I, лл. 13—13 об.

ность комиссії въ послѣднее пятнадцатилѣтіе царствованія Императрицы Екатерины, повидимому, постепенно слабѣла; вскорѣ по вступлѣніи Императора Павла на престоль, 30-го декабря 1796 г., она переименована была въ комиссію для составленія законовъ и стала трудиться надъ болѣе скромными задачами, порученными ей Императоромъ¹⁾.

Этоту датой можно, кажется, заканчивать исторію комиссіи созванной тридцать лѣть тому назадъ для составленія проекта новаго уложенія.

Итакъ „описаніе внутренняго правленія Россійской имперіи“, вызванное желаніемъ генераль-прокурора подражать „мудрой законодательницѣ“, которая уже ранѣе указала комиссіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права на необходимость составленія „чертежа правленія Россійской имперіи“ и сама хотѣла приступить къ сочиненію гражданскаго уложенія, какъ видно, осуществлено было между 1775—1783 гг. въ канцеляріяхъ, оставшихся по закрытіи частныхъ комиссій 1767—1774 гг. и просуществовавшихъ вплоть до 1796 года.

2. Содержаніе описанія и пріемы изложениія ѿ составителей.

Древнѣйшій періодъ исторіи русскаго законодательства остался въ описаніи незатронутымъ. Тема эта, которой успѣла уже коснуться текущая литература²⁾, мало подходила къ цѣли, преслѣдуемой при его составленіи, да и немного представляла поучительна. „Отъ временъ великаго Владимира, раздѣлившаго имперію своимъ наслѣдникамъ, до нынѣшняго столѣтія,—пишетъ авторъ предувѣдомленія,—Россія почти безпрестанно угнетаема была или внутренними замѣшательствами или нашествіемъ иноплеменныхъ, такъ что тогда не только о снабденіи подданныхъ спасительными уставами, но и о сохраненіи цѣлости имперіи помышляти было невозможно“³⁾.

¹⁾ Арх. Мин. Юстиції, IV Отд. Сенат. Отд., Дѣла ген.-прок., № 8129. Въ 1783—1790 гг. генераль-прокуроромъ подписано было слѣдующее количество бумагъ: въ 1783 г.—92, въ 1784 г.—73, въ 1786 г.—60, 1787—32, въ 1788—43, въ 1789 г.—28, въ 1790 г.—9. П. С. З., т. XXIV, № 17697.

²⁾ Таково, напримѣръ, соч. *Strube de Piermont: Discours и проч.; срав. выше гл. II въ Журнале Министерства Народного Просвещенія за 1897 г., январь, стр. 48—51.*

³⁾ Румянц. и Губл. Музей, № 2937, т. I, л. 4 об.

Больше мѣста удѣлено въ описаніи временамъ, когда прежніе вели-
кіе князья стали царями Московскими и когда низвержено было татарское
иго. Законодательная дѣятельность великаго князя Ивана III оставалась
въ 1780-хъ годахъ прошлаго вѣка все еще слишкомъ мало извѣстною:
судебникъ 1497 года найденъ былъ лишь тридцать слишкомъ лѣтъ
спустя ¹⁾). За то послѣдующее время казалось тѣмъ болѣе достой-
нныиѣ вниманія. „Царь Иоаннъ Васильевичъ, читаемъ мы въ преду-
вѣдомленіи, былъ первымъ возстановителемъ Россійскаго могущества.
Среди звуковъ оружія и беспрестанныхъ противу сосѣдей ополченій,
приложилъ онъ попеченіе о внутреннемъ благосостояніи имперіи. И
для того ²⁾ издалъ судебнікъ, построилъ городъ Архангельскъ для
заведенія въ немъ коммерціи съ европейцами, старался распространить
торговлю съ азіятскими народами и учредилъ въ Москвѣ печатаніе
книгъ. Но смерть его разрушила всѣ сіи полезные начинанія и
погрузила Россію въ тѣ же самыя неустройства, отъ коихъ изба-
вить ее благоугодно было небесамъ чрезъ домъ Романовыхъ. Но ко-
ликия же труды подъять для сего надлежало? Михаилъ Феодоровичъ,
единогласиемъ бояръ на престолъ возведенный, нашелъ Россію отъ
поляковъ и шведовъ со всемъ разрушенную; такъ что во все теченіе
своей жизни едва имѣлъ время избавить ея отъ порабощенія, огра-
дить предѣлы отъ нашествія противныхъ и возстановить внутреннее
спокойствіе. Сынъ и преемникъ его Алексѣй Михайловичъ показалъ
въ себѣ всѣ свойства несравненнаго самодержца. Не удовольство-
вался онъ доставленнымъ отъ его родителя Россіи спокойствіемъ, но
имѣя обширный и къ величайшимъ дѣяніямъ способный разумъ обра-
щалъ ево на устроеніе благополучія въ своемъ отечествѣ въ то са-
мое время, когда поражалъ оружіемъ противныхъ и присоединялъ паки ко
Rossiї похищенныя у нея въ нечастныя времена земли, яко мудрый
законоположникъ и домостроитель входилъ и во внутреннія части

¹⁾ Найденный П. Строевымъ и К. Калайдовичемъ въ Волоколамскомъ мона-
стырѣ, судебнікъ 1497 въ 1-й разъ изданъ былъ ими въ 1819 г.

²⁾ Здѣсь авторъ предувѣдомленія ссылается на соч. *Дмитрія Феодосія: Жи-
тіе и славныиѣ дѣла государя императора Петра Великаго, самодержца всероссій-
скаго съ предположеніемъ краткою географическою и политическою исторією о
Россійскомъ царствіи, 2 части, Венеція, 1774 г.; второе изданіе исправленное и
дополненное кн. М. Щербатовымъ вышло въ С.-Пб. въ томъ же году (В. Сопиковъ,
Ш, № 4070 и 4071).—И, дѣйствительно, эта страница изъ предувѣдомленія—
передѣлка изъ соответствующихъ страницъ „житія“ (Дмитрій Феодосій, Ор.
сит., т. I, стр. 92—93).*

правленія столько, сколько тогдашнія обстоятельства ему дозволили¹⁾. Не одна законоположенія книга, называемая уложеніе, но заведеніе по-лотяніыхъ и шелковыхъ мануфактуръ, построеніе желѣзныхъ заводовъ, населеніе около Волги и Камы степей плѣненными на браны народами, приведеніе въ лучшій порядокъ купечества и призывъ въ Россію иностранцевъ есть твореніе разума его. Уже онъ обращалъ мысли свои и на заведеніе флота, уже готовы были къ построенію судовъ художники; но Предѣдѣніе такъ судило, да совершилъ сіе младшій сынъ его²⁾. Для изображенія внутренняго правленія Россіи за это время составители описанія наводили справки въ архивахъ разрядномъ и „комисскомъ“ то-есть, состоявшемъ при комиссіи уложеній 1767 г.³⁾. Здѣсь (особенно въ первомъ изъ нихъ) могли они найти записныя книги древнихъ указовъ, старинныя боярскія книги (начиная съ 7081 г.), боярскій списокъ 7119 г., книги Московскаго осаднаго сидѣнія 7126 года, а также разныя другія бумаги, которыми и воспользовались для своихъ работъ⁴⁾; кроме рукописнаго, въ ихъ распоряженіи находился, конечно, печатный материалъ, какъ, напримѣръ, судебникъ царскій, уложеніе и кормчая 7158 г. ноября 7-го, а также указы, напечатанные отдельно или цѣлыми сборниками въ теченіе XVIII вѣка⁵⁾. Весь этотъ материалъ, довольно случайно подобранный, не менѣе произвольно употребили въ дѣло; лишь въ двухъ изъ главъ описанія изложеніе ведется со временемъ Грознаго: въ главѣ о правленіи мы находимъ краткое „описаніе старыхъ судебныхъ мѣстъ содержащее: каждого судебнаго мѣста наименованіе, долгъ (вѣдомство) каждого изъ нихъ и, наконецъ, перемѣну“; такихъ учрежденій оказалось болѣе пятидесяти, причемъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ восходятъ

¹⁾ Д. Феодозій, Op. cit., т. I, стр. 140—141. Авторъ предувѣдомленія, ссылающійся на гл. III, стр. 40 и 50 сочиненія Д. Феодозія, лишь въ болѣе литературной формѣ пересказывается эти страницы.

²⁾ Румянц. и Публ. Муз., № 2937, т. I, лл. 6 об.—8.

³⁾ Румянц. и Публ. Муз., № 2937, т. I, лл. 14—17, вступленіе.

⁴⁾ Г. Миллеръ, Извѣстіе о дворянахъ, рук. Имп. Публ. Библ., Погодинск. дрэви. № 1996; въ предувѣдомленіи (котораго нѣть въ печатномъ изданіи) авторъ уже указывалъ на значительное количество документовъ подобного рода въ Разрядномъ архивѣ, которыми онъ и воспользовался для составленія своей книги.

⁵⁾ Румянц. и Публ. Муз., № 2937, т. I, гл. I, стр. 1—66. Архивомъ старыхъ дѣлъ составителемъ описанія вѣроятно не успѣли воспользоваться, такъ какъ учрежденіе это открыто было лишь въ марта мѣсяца (18-го числа) 1783 г. (Памятн. книжка Московск. архива мин. юстиції, М. 1890 г., стр. 10).

до второй половины XVI вѣка¹⁾). Далѣе въ главѣ о просвѣщениї болѣе цлавно, хотя и весьма кратко изложены мѣропріятія царей: Ивана IV, Алексія Михайловича и Федора Алексѣевича по этой части²⁾). Но во всѣхъ остальныхъ главахъ описанія выписки начинаются съ восьмидесятыхъ или даже съ девяностыхъ годовъ XVII столѣтія³⁾). Такимъ образомъ, цѣль поставленная предувѣдомленіемъ и состоявшая въ томъ, чтобы прагматическое изложеніе исторіи русскаго законодательства до Петра Великаго связать съ эпохой реформъ и послѣдующимъ его развитіемъ, оказалась невыполненною.

Исторія внутренняго „правленія“ Россійскаго государства въ первые два періода его существованія, какъ видно, не подверглась достаточно полной разработкѣ въ описаніи; все вниманіе его составителей, казалось, обращено было на эпоху реформъ и послѣдующее развитие нашего государственного строя, поскольку оно отразилось въ законодательствѣ. Мотивировку этой точки зреянія мы находимъ въ „предувѣдомленіи“. „Петръ Великій, по словамъ его автора, возшедъ на родительскій престолъ, тотчасъ обнялъ всѣ части внутренняго правленія Правда, что домашнія замѣшательства, а потомъ брань со шведами, толико тогда въ военномъ дѣлѣ прославившимися, обращали верховной сего государя разумъ на части до выдержанія браны потребныя; а потому первѣе всего основалъ и ежегодно въ лучшее состояніе приводилъ государственные зборы, содѣлалъ учрежденіе о рекрутскомъ наборѣ и завелъ училища для наставленія юношества воинскимъ знаніямъ; однакожъ и посреди оружія обратилъ вниманіе на правительства, яко начальныя основанія государственного блага, и, пашедъ разныя въ существѣ ихъ неудобства, даль имъ новое образованіе. Сверхъ того насадилъ въ Россіи науки, распространіемъ торговлю, положилъ основаніе для утвержденія государственного благоустройства, словомъ сказать: онъ занять былъ внутреннимъ правленіемъ до того, что часто военный станъ его былъ народнымъ судилищемъ и мѣстомъ, законодательству посвященнымъ. Но сожалѣнія достойно, что сей великаго духа монархъ управлялъ въ такое время, въ которое грубость и суевѣріе противоборствовали его святымъ на-

¹⁾ Большинство изъ этихъ свѣдѣній относится, впрочемъ, къ началу XVIII вѣка.

²⁾ Руманц. и Публ. Муз., № 2937, т. III, лл. 1—1 об.

³⁾ Op. cit., passim. Глава II-я начинается съ 7190 года, гл. VI-я—съ 7191; гл. VII-я, VIII-я и X-я съ 1682 г.; гл. IX-я съ 1698 г.; первый томъ XI-й главы къ сожалѣнію утраченъ.

мѣреніямъ, а потому и не возмогъ утвердить онъ всецѣлости законо-
положенія, государственное благосостояніе утверждающаго; такъ что
по нѣкоторымъ частямъ было только единое начертаніе, когда прекра-
тилась дражайшая для отечества жизнь его⁴. „Изъ всего вышеопи-
санного, продолжаетъ напись авторъ, легко уже уразумѣть можно, что
Петръ Великій первый положилъ основаніе внутреннему благосостоянію Россіи, и были то его преемники, которые оное съ толикою славою
утвердить потшились: а потому и трудъ сей начало свое должен-
ствуетъ принять отъ времени вступленія его на всероссійскій пре-
столъ, съ такимъ притомъ объясненіемъ, что кратко показаны будутъ
и тѣ учрежденія, кои отъ предшественниковъ его были обнародо-
ваны“ ¹⁾.

Дѣятельность Петра I, какъ видно, хотя и не вызывала того безу-
словного поклоненія, которое сказывалось въ русской офиціозной ли-
тературѣ первой половины восемнадцатаго столѣтія, тѣмъ не менѣе
считалась и во второй его половинѣ основаніемъ всего послѣдующаго
благосостоянія Россіи. Съ такой точки зрѣнія она, очевидно, заслу-
живала полнаго вниманія со стороны составителей описанія, которые,
дѣйствительно, отвели царствованію великаго преобразователя одинъ
изъ самыхъ крупныхъ отдѣловъ своего труда.

Наиболѣе выдающееся мѣсто въ описаніи послѣ царствованія
Петра I должно было, конечно, занимать царствованіе императрицы
Екатерины II. „Со времени, въ которое всевышній Промыселъ, чита-
емъ мы въ предувѣдомленіи, благоволилъ царствовать Екатеринѣ II-й,
каждый день новое благополучіе и новое спокойствіе подданнымъ Ея
доставляетъ. Человѣколюбіе Ея изливается по всему пространству
властьчествія Ея, прозорливость проницаетъ наисокровеннѣйшіе пред-
мѣты. Премудрость блистаетъ во всѣхъ полезныхъ начинаніяхъ, тру-
долюбіе изобразуетъ Ея безчисленными трудами отягченною и цѣлый
свѣтъ превыше смертныхъ Ея поставляетъ. Не говоря о браніи про-
тиву Оттоманскія Порты, съ толикимъ благоразуміемъ веденій и съ
толикою славою окончанной, умалчивая о прочихъ преславныхъ ума
Ея твореніяхъ, да воззрить читатель на два дѣйствія, спокойство души
Ея написующія: на Наказъ, данный комиссіи о сочиненіи проекта
Нового Уложенія и на всемилостивѣйшіе изданные учрежденія для
управлениія губерній: сіи драгоценнѣйшія любви Ея къ Россіи залоги

¹⁾ Op. cit., т. I, лл. 8—9 об.

въ роды родовъ сохранять память великія Екатерины, истинныя матери отечества".

Материалъ, нужный для составленія послѣдней части описанія, посвященной новой и новѣйшей исторіи русскаго законодательства, найти было не трудно. Множество указовъ и другихъ бумагъ по истории нашего законодательства XVII—XVIII вѣковъ собрано было въ „комиссской архивѣ“, а за недостающими свѣдѣніями можно было обращаться въ архивы разрядный и въ сенатскій ¹⁾). Въ послѣднемъ случаѣ „сочинителямъ“ описанія, можетъ быть, помогали чиновники, служившіе въ сенатѣ и производившіе въ это время какіе-то „экстракты“ изъ законовъ. Работа ихъ подвигалась впередъ очень медленно. Въ 1776 г. сенатскимъ секретарямъ велѣно было, напримѣръ, „сочинить каждому по своей экспедиціи выписки изъ законовъ и оныя доставить генераль-прокурору“. Приказы подобнаго рода продолжали повторяться въ 1779, 1783 и 1784 годахъ. Въ 1786-мъ году (16-го июня) генераль-прокуроръ потребовалъ отъ секретарей доставки выписокъ къ 1-му августа, грозя въ противномъ случаѣ явно нерадивыхъ секретарей задержать въ сенатѣ до того времени, пока они не окончатъ и не представятъ „упомянутыхъ изъ законовъ выписокъ“. Несмотря на это строгое внушеніе, трое изъ секретарей и двое повѣтчиковъ, заступавшихъ мѣста секретарей, заслужили по прошествію срока новый выговоръ, такъ какъ никакихъ выписокъ во время не доставили ²⁾). Указанная работы надъ „экстрактами“ стояли, повидимому, въ связи съ дѣятельностью канцелярій, оставшихся послѣ закрытія частныхъ комиссій 1767—1774 годовъ.

Составители описанія, къ сожалѣнію, сами не даютъ, однако, прямыхъ указаній на источники, которыми они пользовались для своего свода; помимо рукописнаго материала, разныхъ сепаратныхъ указовъ, уставовъ и учрежденій, для такихъ же цѣлей, вѣроятно, могли пригодиться указныя книги разныхъ правительственныхъ мѣстъ, да и самая система, въ которой расположены были экстракты изъ законовъ, сдѣланыя при комиссіи 1767 г.

Отрывочный характеръ описанія былъ обусловленъ, намѣренiemъ составителей дать читателямъ одинъ материалъ по исторіи и догмѣ русскаго права, „предложить токмо способы, соспѣшествовавшіе по сіе время“ той или другой отрасли государственной жизни, „не

¹⁾ Op. cit., т. I, лл. 14—17.

²⁾ Арх. Мин. Юст., III Отд., Сенат. Отд., дѣла ген.-прок., № 6467, дѣло 49-с.

входя ни въ малѣйшее о каждомъ изъ нихъ разсужденіе¹⁾. Взглядъ самой императрицы, отрицательно относившейся ко всякой „исторіи монарховъ, написанной во время ихъ жизни“, также не могъ не быть известенъ составителямъ описанія; вѣроятно, подъ вліяніемъ этого взгляда они не рѣшились подвергнуть свои материалы научнѣй переработкѣ, тѣмъ болѣе, что едвали обладали и надлежащими теоретическими знаніями для выполненія такой цѣли. Поэтому авторы описанія ограничились собираніемъ узаконеній и составили, такимъ образомъ, систематический сборникъ достовѣрныхъ извѣстій, предназначенный для образовательныхъ цѣлей и для юридической практики¹⁾.

При такой постановкѣ дѣла между выписками, непосредственно слѣдовавшими другъ за другомъ, разумѣется, почти никакой связи не оказалось. Въ предѣлахъ каждого изъ одиннадцати отдѣловъ системы описанія (см. ниже) выписки, подчиненные одной общей нумерациі, были расположены, какъ и въ титулахъ „согрups juris“, въ хронологическомъ порядке; иногда составители соединяли статьи другъ съ другомъ, впрочемъ чисто вѣнчнимъ образомъ и только въ главѣ о народномъ просвѣщеніи изложеніе переходитъ въ болѣе плавный разказъ. Такъ какъ, при этомъ, во всѣхъ отдѣлахъ материалъ описанія касался главнымъ образомъ новой исторіи русскаго законодательства, то онъ и расположень былъ по царствованіямъ, начиная съ эпохи преобразованій. Выписки охватывали такимъ образомъ время царствованія Петра I, Екатерины I, Петра II, Анны Ioannovны, Елизаветы Петровны и императрицы Екатерины II. Это дѣленіе на царствованія, выдержанное во всѣхъ главахъ описанія, сдѣлано было для того, чтобы „всякій ясно усмотрѣть могъ на какія части (правленія) каждого самодержца вниманіе обращалось: того ради, читаемъ мы въ предувѣдомленіи, сколько отъ Петра Великаго донынѣ было царствованій, столько каждая глава заключаетъ въ себѣ отдѣленій, которыя ни хронологическаго порядка, ни частнаго оныхъ означенія ни мало не смышиваютъ“.

При пользованіи всѣмъ этимъ материаломъ надлежало, по мнѣнію автора предувѣдомленія, приводить узаконенія со всею точностью, такъ чтобы читатель не нашелъ въ описаніи „ни единаго изъ тѣхъ нogrѣшностей, который отъ приверженности къ лицу или другихъ пристрастія источниковъ происходитъ“. Въ виду такихъ цѣлей „противу всякия статьи свода не только означены были годъ и число, въ

¹⁾ Румянцевскій и Публичный Музей, № 2937, т. III, к. 1 об. С. Р. И. О., XLII, 115.

которомъ каждое постановление воспроизведовало: но и показано, какое, имяно правительство или самъ государь издать его злагорадуди". Слѣдовательно, и встрѣтившіяся сомнѣнія удобно решить можно было „самыми подлинниками, изъ коихъ существо дѣла выписано и которыхъ каждый изъ любопытныхъ былъ въ состояніи разыскать по вышеупомянутымъ отпечаткамъ"¹⁾.

Законы и указы, обнародованные въ течеиѣ каждого царствованія, обыкновенно помѣщались на страницахъ описанія въ сухомъ и сокращеніемъ пересказѣ, не повторявши прежнихъ экстрактовъ, но и не передававши цѣликомъ подлинника. Въ самомъ дѣлѣ сравненіе выписокъ, сдѣланныхъ для комиссіи 1767 года, съ текстомъ описанія, доказываетъ, что составители послѣдняго не ограничились этимъ материаломъ, взятымъ изъ вторыхъ рукъ: они обратились непосредственно къ первоисточникамъ, приложенными къ экстрактамъ. По возможности, передавая содержаніе ихъ словами подлинниковъ, они должны были повторить дословно многое изъ написанного въ экстрактахъ, но задачу свою выполнили во всякомъ случаѣ болѣе добросовѣстно, чѣмъ „сочинители" 1767 года, ибо налагали содержаніе подлинныхъ актовъ точнѣе и нерѣдко гораздо подробнѣе, причемъ постоянно отступали отъ прежняго текста во множествѣ мелкихъ вариантовъ; наконецъ, они помѣщали иногда въ составъ описанія акты, оставшіеся, повидимому, неизвѣстными авторамъ экстрактовъ. Такимъ образомъ не столько содержаніе этихъ послѣднихъ, сколько система, въ какой они расположены, могла повѣять на составителей „описанія". Но и въ этомъ предполагавшемся изданіи систематического сборника подлинные законы и указы не были приведены цѣликомъ. Важнѣйшіе и наиболѣе объемистые изъ нихъ излагали, напримѣръ, въ значительныхъ сокращеніяхъ. Это объясняется, вѣроятно, желаніемъ составителей не придавать слишкомъ большихъ размѣровъ своду²⁾ и существованіемъ особыхъ печатныхъ изданій подобного рода узаконеній; остальные акты, напротивъ, занесены были въ довольно полномъ видѣ, хотя и подверглись литературной обработкѣ. Составители выписокъ, напримѣръ, близко придерживаясь подлинныхъ текстовъ, тѣмъ не менѣе опускали изъ нихъ вставные указы, сенатскіе доклады и мотивировки,

¹⁾ Румянцевскій и Публичный Музей, № 2937, т. I, лл. 11—11 об.

²⁾ „А регламентовъ, уставовъ и другихъ учрежденій, читаемъ мы въ предисловіи къ первой главѣ, ради изѣльженія величайшаго пространства показано одно главнѣйшее содержаніе съ означеніемъ ихъ раздѣловъ" (Румянцевскій и Публичный Музей, № 2897, т. I, лл. 14—17).

объясняющія намъ генезисъ того или другаго памятника; разъясненія общихъ нормъ регулированиемъ также нерѣдко оставлены безъ вниманія. Сочинители описанія, какъ видно, желали предложить читателямъ лишь общи нормы права, но лишили вмѣстѣ съ тѣмъ свой сборникъ конкретнаго жизненнаго содержанія, которое въ виду недостаточности общихъ постановленій и непривычки читателей имѣть дѣло съ отвлечеными формулами права не безъ затрудненій могло быть пригоднымъ для достижения тѣхъ образовательныхъ цѣлей, которыя, повидимому, преслѣдовало правительство при составленіи свода.

Перечисленныя выше особенности, разумѣется, въ неодинаковой мѣрѣ характеризуютъ разные отдѣлы описанія. При отсутствії какого либо точнаго и неизмѣннаго критерія, которымъ могли бы руководствоваться его авторы въ сокращеніи подлинныхъ текстовъ, изложеніе становилось неровнымъ и, вѣроятно, во многихъ случаяхъ довольно произвольнымъ.

Уже авторъ предувѣдомленія указалъ читателямъ и на офиціозный характеръ этого изложенія: онъ проходить молчаніемъ времена правленія государей, случайно попавшихъ на престолъ московскій по избранію народному, выпускаетъ исторію смуты и, не говоря о различныхъ кандидатахъ на царство, выставленныхъ боровшимся между собою партіями, прямо указываетъ на *единогласное возведеніе* Михаила Феодоровича на престолъ *боярами*, а не на *избраніе* его земскими соборомъ, въ которомъ принимали участіе представители отъ различныхъ классовъ общества. Тенденція подобнаго рода не получила, однако, дальнѣйшаго развитія въ „описаніи“, быть можетъ, потому, что составители его слишкомъ кратко и отрывочно коснулись исторіи Россіи до эпохи преобразованій для того, чтобы обнаружить и мотивировать свои взгляды. Яснѣе то же настроеніе сказалось при сводѣ материала за позднѣйшее время и расположениіи его въ описаніи. Въ самомъ дѣлѣ, „правленія, до внутреннихъ неустройствъ принадлежащія, по словамъ предувѣдомленія, въ порядке описанія не вошли“. Поэтому, времена регентства Анны Леопольдовны и Бирона, а также царствованія императора Петра III — оставлены были безъ вниманія. Лишь немногіе и незначительные указы 1761—1762 годовъ (до 27 іюня) попали въ нѣкоторыя изъ частей описанія; но его составители причислили ихъ ко времени царствованія императрицы Елизаветы Петровны и не выдѣлили въ самостоятельную группу, какъ это сдѣлали со всѣми остальными „законоположеніями“ ¹⁾.

¹⁾ Op. cit., II. 12—12 об.

Система изложения „Описанія внутренняго правленія Россійской Имперіи“ не представляетъ чего либо особенно характернаго: согласно установившейся схемѣ того времени (см. напримѣръ „Начертаніе о приведеніи къ окончанію комиссіи проекта новаго уложенія“ въ П. С. З., т. XVIII, № 13096), „Описаніе расположено на столько главъ, сколько существо внутренняго въ Россіи правленія главныхъ частей въ себѣ заключаетъ“. Главы эти — слѣдующія: 1) о порядкѣ государства въ силѣ общаго права; 2) о правосудії; 3) о народномъ просвѣщеніи; 4) о земскомъ и городскомъ благочиніи; 5) о почтахъ и большихъ дорогахъ; 6) о государственныхъ доходахъ; 7) о государственномъ изобиліи; 8) о торговлѣ; 9) объ учрежденіяхъ для содержанія въ добромъ порядкѣ сухопутныхъ и морскихъ силъ; 10) о правахъ и преимуществахъ государственныхъ родовъ; 11) о правахъ надъ вещами. Въ каждой „главѣ“ по одному или по два тома довольно крупнаго письма съ широкими полями.

„Описаніе внутренняго правленія Россійскаго государства“, какъ видно, слѣдуетъ считать офиціознымъ сборникомъ по новой исторіи и догмѣ русскаго права, не лишеннымъ тенденціозности: на это указываютъ и цѣль, и планъ и приемы изложения, которыхъ держались его составители.

III. Общее значеніе „описанія внутренняго правленія Россійской имперіи“.

Работы комиссіи 1767—1774 гг. не пропали совсѣмъ даромъ для русской жизни. Правда, нѣкоторые изъ современниковъ отзывались о нихъ въ весьма не лестныхъ для нея выраженіяхъ. „Я предвидѣлъ, писалъ А. Т. Болотовъ, что изъ всего сего великаго предприятия ничего не выйдетъ, что грома надѣлается много, людей оторвется отъ домовъ множество, денегъ на содержаніе ихъ истратится бездна, вранья, крика и вздора будетъ много, а дѣла изъ всего этого не выйдетъ никакого и все кончится ничѣмъ“¹⁾). Рѣзкому приговору А. Т. Болотова о комиссіи 1767—1774 противорѣчать, однако, отзывы лицъ, принимавшихъ участіе въ ея дѣятельности и далеко не

¹⁾ А. Болотовъ, Жизнь и приключенія, т. II, стб. 654. Черезмѣрная строгость приговора, произнесеннаго авторомъ, можетъ быть, отчасти объясняется тѣмъ, что ему въ это время „не хотѣлось разставаться съ милую свою и столь блаженново деревенскою жизнью“ для того, что-бы бѣхать депутатомъ въ комиссию и тѣмъ не менѣе желательно было оправдать свое „отынинанье“.

расположенныхъ судить о ней благосклонно. „Важное въ сей комиссії, по словамъ кн. М. Щербатова, было то, что всякое состояніе людѣй всякаго уѣзду черезъ свои наказы ихъ депутатамъ объясняло свои нужды, а губернаторы объясняли состояніе ихъ губерній. И хотя, истину сказать, самые сіи наказы наполнены были тѣми же предубѣжденіями, каковыя въ голосахъ у депутатовъ являлись, то сія была грязь, изъ которой можно было много золота получить: ибо среди самого непросвѣщенія пристрастія и, можно сказать, безумія, каждый, однако, не оставлялъ объяснить, что ему тягостно быть казалося; присутственный же мѣста въ своихъ наказахъ изъяснили, что темно, что неудобоисполнительно и что недостаточно въ законахъ находять, каждое по препорученнымъ ему дѣламъ; а сего и довольно для заготовленія вещей къ сочиненію законовъ¹⁾). Это мнѣніе человѣка, далеко не безусловно поклонявшагося Екатеринѣ, однако, совпадало съ собственнымъ ея взглядомъ на значеніе комиссії. Во-первыхъ, она признавала, что „комиссія уложенія, бывъ въ собраніи, подала ей свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло [она, императрица] имѣть и о комъ пещись должно“. Во-вторыхъ „наказъ комиссіи, по ея мнѣнію, ввѣль единство въ правило и въ разсужденія, не въ примѣръ болѣе прежняго. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайней мѣрѣ стали знать волю законодавца и по оной поступать“²⁾. Ясно, такимъ образомъ, что комиссія помимо чисто кодификаціонныхъ работъ принесла свою долю пользы для развитія политического сознанія и русского общества и правительства. Въ самомъ дѣлѣ она оказала нѣкоторое влияніе на реформу областныхъ установленій и на развитіе сословного строя: съ одной стороны депутаты укрѣпили верховную власть въ намѣреніи осуществить эти преобразованія, съ другой взаимными обмѣнами мыслей, спорами на застѣданіяхъ большаго собранія и занятіями по различнымъ отраслямъ дѣйствующаго права въ частныхъ комиссіяхъ сами себя подготовляли къ принятію учрежденія о губерніяхъ и жалованныхъ грамотъ.

Роль депутатовъ, казалось, этимъ и ограничилась: сама императрица перестала смотрѣть на нихъ, какъ на кодификаторовъ, и придавала имъ лишь силу и значеніе общественнаго мнѣнія³⁾). Теперь,

¹⁾ Кн. М. Щербатовъ, Размышленіе о законодательствѣ вообще въ Собр. соч., т. I, стб. 361—362.

²⁾ Русск. Арх., за 1865 г., № 4, стб. 480.

³⁾ С. Р. И. О., XXIII, 403.

однако, мы имѣемъ возможность указать и на иного рода результаты дѣятельности комиссіи: она не только подготовила громадный законодательный матеріаль, но и намѣтила систему, которыми не замедлили воспользоваться канцелярія, оставшіяся отъ частныхъ комиссій, для составленія описанія внутренняго правленія Россійской имперіи. Если описание залежалось въ бумагахъ опального вельможи и осталось неизданнымъ, то комиссію давно уже закрытую и полузабытую въ этомъ исходѣ, конечно, винить не приходится: она, во всякомъ случаѣ, обусловила возможность такого изданія, которое имѣло бы, несомнѣнно, важное значеніе для юридического и политического образования русскихъ людей второй половины XVIII вѣка.

„Описаніе“ любопытно, однако, не только какъ новый, доселѣ, кажется, неизвѣстный результатъ дѣятельности комиссіи 1767 — 1774 г., но и какъ первое довольно полное собраніе узаконеній XVIII вѣка. Это собраніе отличается двойственнымъ характеромъ: имѣя въ виду скорѣе образовательный, чѣмъ кодификаціонный цѣли, его составители не различали законовъ, утратившихъ силу, отъ дѣйствующаго права. Поэтому въ описаніи историческое расположение матеріала лишь въ слабой степени подчинено довольно поверхностной системѣ, не вытекающей изъ юридическихъ свойствъ классифицируемаго матеріала, а вскорѣ снятой съ готовыхъ образцовъ, предлагаемыхъ современною политическою теоріей. Описаніе — не простое собраніе законовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядке, но и не настоящій, переработанный сводъ одного дѣйствующаго права; оно одновременно должно было служить источникомъ для исторіи русскаго права и основаніемъ для его догмы.

Въ самомъ дѣлѣ описание содержитъ матеріалы по исторіи русскаго законодательства со временъ уложенія царя Алексея Михайловича и до начала восьмидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія; матеріалы эти, особенно за прошлый вѣкъ нашей исторіи, довольно значительны: даже поверхностное сравненіе описанія съ „полнымъ“ собраніемъ законовъ, показываетъ, что составители послѣдняго не имѣли подъ руками или не издали всего того, что вошло въ описание. Поэтому „описаніе“, какъ *указатель* законовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и какъ *источникъ*, изъ котораго мы знакомимся съ содержаниемъ какихъ утраченныхъ оригиналовъ, не потеряло своего значенія и въ настоящее время¹⁾). При этомъ реестры, сопровождающіе

¹⁾ Выводъ этотъ сдѣланъ на основаніи сравненія первой главы описанія въ П. С. З.—Детальное сопоставленіе всего того, что напечатано въ П. С. З. и на-

нѣкоторыя изъ главъ этого обозрѣнія, даютъ возможность слѣдить за развитиемъ законодательства не только по царствованіямъ, но и по различнымъ отраслямъ государственной жизни.

Кромѣ материаловъ по истории нашего законодательства, описаніе содергитъ, однако, и дѣйствовавшее въ то время право; регламенты, учрежденія и уставы разбиты, при этомъ, на части, которая разнесены по главамъ описанія, и, такимъ образомъ, подчинены его системѣ. Сочинители, работавшіе въ комиссіи 1767 — 1774 г., нерѣдко называли подобного рода экстракти „сведѣніями“ или сводами. И дѣйствительно описание обладаетъ нѣкоторыми изъ свойствъ, включаемыхъ въ понятіе о сводѣ законовъ: и тамъ и здѣсь наблюдается простая инкорпорація, а не кодификація права; законы передаются не цѣликомъ, а въ пересказѣ. Послѣдній въ подобного рода сборникахъ отличается двоякимъ характеромъ: съ одной стороны онъ возможно точно передаетъ текстъ закона, ибо сохраняетъ значеніе лишь постольку, поскольку выражаетъ содержаніе подлинника; съ другой, популяризируя дѣйствующее право, такимъ образомъ нерѣдко получаетъ значеніе толкованія закона¹⁾. Составители описанія повидимому сознавали необходимость соблюдать первое изъ этихъ условій и безсознательно осуществляли второе. Вполнѣ ясно понимали они также, что подобного рода собраніе не можетъ имѣть силы закона, такъ какъ помѣщенная въ немъ узаконенія получили ее со временемъ ихъ обнародованія, а не по включенію въ сводъ²⁾; поэтому, они смотрѣли на описание, какъ на образовательное средство или простое руководство для юристовъ и „российскихъ гражданъ“ вообще.

Подобное сочетаніе двухъ задачъ, далеко не однородныхъ между собою, признавала возможнымъ и даже желательнымъ отчасти позднѣйшая комиссія 1804—1809 гг. по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ основныхъ отдѣловъ предполагаемаго свода. „Нельзя достичь, писали ея члены, желаемаго совершенства въ изложеніи государственного права, не упомянувъ въ ономъ о разныхъ периодахъ законодательства и не помѣстивъ даже, законовъ отмѣненныхъ особыми предписаніями или вышедшихъ

ходится въ описаніи, выходить за предѣлы настоящей работы: оно лежало бы на обязанности редактора или издателя этихъ дополненій къ П. С. З.

¹⁾ Н. Коркуновъ, Значеніе свода законовъ въ *Журналѣ Министерства Народного Просвещенія*, 1894 г., сентябрь, passim.

²⁾ Именной указъ 1764 г., марта 17-го о признаніи публикуемыхъ указовъ дѣйствительными лишь тогда, когда они будутъ печатные (П. С. З., т. XVI, № 12090), можетъ быть, способствовалъ развитію такого убѣжденія.

изъ употребленія по несообразности своей съ обычаями, которые во всѣхъ государствахъ, уклоняясь оть существующаго права непримѣтнымъ образомъ получали силу законовъ и заступали ихъ мѣсто". Такое начертаніе, по мнѣнію комиссіи, „представить не только историческое обозрѣніе россійскаго законодательства, но откроеть недостатки и противорѣчія, какіе временемъ и обстоятельствами допущены въ разныхъ частяхъ его". Попытка соединить въ одномъ и томъ же описаніи полное собраніе законовъ съ ихъ сводомъ могла быть вызвана аналогичными соображеніями. Замѣтимъ, наконецъ, что „описаніе", одновременно носило характеръ не только свода, но и офиціознаго учебника по законоискусству.

Въ виду такого разнообразія задачъ, преслѣдуемыхъ составителями описанія, оно одновременно оказывалось полнымъ собраніемъ, сводомъ законовъ и учебникомъ по законоискусству, что, разумѣется, лишало этотъ офиціозный сборникъной цѣльности и надлежащимъ образомъ не удовлетворяло ни одной изъ вышепоставленныхъ задачъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

**Обстоятельства, задержавшія обнародование „Описанія внутрен-
наго правленія Россійской Имперіи“.**

Въ началѣ 1780 годовъ работы по сочиненію описанія внутрен-
наго правленія Россійской Имперіи были, повидимому, уже окончены:
составители этого сборника украсили его общимъ предувѣдомленіемъ,
въ которомъ разъяснили причины, вызвавшія составленіе собранія,
его систему и значеніе для русскихъ читателей, при чёмъ успѣли рас-
предѣлить „экстракты“ „систематически по главамъ, снабженнымъ
руководящими вступленіями и реестрами матерій“. Все, казалось,
готовое было для изданія... и тѣмъ не менѣе ничто не вышло въ
свѣтъ. Въ самомъ описаніи нигдѣ нѣть никакихъ намековъ на об-
стоятельства, вліяніемъ которыхъ возможно было бы разъяснить та-
кой печальный исходъ этого дѣла: приходится разыскивать ихъ въ
новыхъ взглядахъ и отношеніяхъ главнѣйшихъ лицъ, интересы кото-
рыхъ могли быть связаны съ составленіемъ описанія, а также въ из-
мѣнившихся условіяхъ времени.

Нельзя сказать, чтобы Екатерина II по закрытію комиссіи 1767—
1774 гг. перестала интересоваться работами доктринальского харак-
тера. Императрица все еще продолжала изучать выписки изъ зако-
новъ, какія дѣлалъ для нея Соймоновъ „по Блакстоновскимъ загла-
віямъ“ и читала книги по юридическимъ наукамъ; въ 1775 и слѣд.
годахъ она, кромѣ того, сличала Наказъ съ „толкованіями“ англій-
скаго юриста ¹⁾ и, по сочиненіи учрежденія о губерніяхъ, прнялась

¹⁾ С. Р. И. О., XLII, 284. А. Храповицкій, Дневникъ, издан. подъ редак-

вообще за подготовку „уставовъ“ для нѣкоторыхъ изъ центральныхъ установленій государства¹).

Такимъ образомъ, вкусы Екатерины въ это время еще не настолько измѣнились, чтобы вызвать какой либо рѣзкій поворотъ въ направлении первоначальной ея дѣятельности; но способы, какими она думала достигнуть прежнихъ своихъ пѣлей, уже были, однако, иными. Неудачный исходъ кодификаціонныхъ работъ комиссіи 1767 года разубѣдилъ ё въ возможности сразу создать цѣлую систему новыхъ юридическихъ нормъ²); оставивъ мысль о томъ, что во многихъ слuchaихъ лучше внушать, чѣмъ вводить реформы³), она сама приступила къ нимъ по частямъ, при чемъ ограничилась на первый разъ лишь учрежденіемъ о губерніяхъ, на необходимость котораго уже довольно ясно указали депутаты той же комиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Результаты обрадовали Екатерину: „Наказъ“, писала она въ пылу увлеченія 29-го ноября 1775 года, „сравнительно съ учрежденіемъ о губерніяхъ, сущая болтовня“; „послѣднія мои установленія отъ 7-го ноября, право, лучше всего, что я дѣлала до сихъ порь“; и дѣйствительно, по замѣчанію одного изъ статсъ-секретарей императрицы, она „почитала ихъ выше всѣхъ въ свѣтѣ законовъ“⁴). Успѣхъ, увѣнчившій мѣропріятія 1775 года, вѣроятно, укрѣпилъ Екатерину въ намѣреніи осуществить реформу по частямъ, не задаваясь мыслью сразу создать что либо цѣльное. „Наше законодательное зданіе, читаемъ мы въ одномъ изъ ея писемъ къ Вольтеру, мало по малу воздвигается; основаніемъ ему служить наказъ для составленія уложенія, посланный вамъ мною десять лѣтъ тому назадъ; вы увидите, что учрежденіе о губерніяхъ не противорѣчитъ духу его, а прямо изъ него истекаетъ; двухлѣтній опытъ по-

цией Н. Барсукова, С.-Пб., 1874 г., стр. 20, 32, 42. Въ это время императрица Екатерина выказывала предпочтение Блакстону передъ Бильфельдомъ (С. Р. И. О., XLII, 286).

¹) А. Храповицкій, Дневникъ, стр. 32, 51, 54, 55, 59 и 81. А. Грибоевскій, Записки, стр. 25, 26, 51, 71, 98 и 99.

²) „L'expérience, писала Императрица въ 1788 г. принцу де Линю, т'a convaincu que plus il y a de monde de rassemblé pour raisonner et plus on entend déraisonner“ (С. Р. И. О., XXVII, 535).

³) С. Р. И. О., VII, 101: „Souvent il vaut mieux inspirer que commander des réformes“.

⁴) Г. Державинъ, Записки, стр. 242 (342).

казалъ, что совѣстные суды, введенные имъ, способствуютъ искоренію ябедничества. За этимъ учрежденіемъ будуть слѣдоватъ другія: о финансахъ, торговлѣ, полиціи и проч., составленіемъ которыхъ занимаются два года, а затѣмъ и изданіе Уложенія будетъ дѣломъ легкимъ и скорымъ¹⁾). Осуществленіе всѣхъ этихъ частныхъ реформъ требовало, однако, не мало времени. Спустя девять лѣтъ по выходѣ закона 7-го ноября, напримѣръ, надѣ составленіемъ проектовъ о порядкѣ дѣлопроизводства въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ все еще работала особая комиссія (1784), а преобразованіе областного устройства продолжалось въ теченіе всего царствованія Екатерины²⁾). Слѣдуетъ имѣть въ виду, при этомъ, что новое „учрежденіе“ по ея мнѣнію, должно было „приготовить и облегчить лучшее и точнѣйшее исполненіе издаваемыхъ впредь полезнѣйшихъ узаконеній“³⁾; естественно, поэтому, что такой порядокъ могъ оказаться гораздо болѣе пригоднымъ и дѣйствительнымъ средствомъ для установления законности въ управлениі, чѣмъ „Описаніе“. Еще губернская реформа не была выполнена, какъ уже послѣдовало изданіе жалованыхъ грамотъ 1785 г., закрѣпившихъ сословный начала, такъ ярко проявившіяся на засѣданіяхъ комиссіи 1767 г. и въ новомъ губернскомъ устройствѣ. Появленіе законодательныхъ актовъ, представлявшихъ своего рода сводъ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыми пользовались свободные классы русского общества, до нѣкоторой степени устранило необходимость изданія прежнихъ узаконеній и косвенно, быть можетъ, отозвалось на судѣбѣ „Описанія“, поскольку оно должно было удовлетворить сословнымъ потребностямъ наиболѣе образованныхъ людей того времени. Въ самомъ дѣлѣ каждому свобод-

¹⁾ С. Р. И. О., XXVII, 136. — Та же мысль, впрочемъ не такъ ясно, высказана императрицей въ одномъ изъ ея писемъ къ кн. Волконскому, въ предисловіи къ уставу о благочинії и въ манифестѣ объ учрежденіи государственного заемнаго банка (Осьмнадцатый Вѣкъ, т. I, стр. 182; П. С. З., т. XXI, № 15379; т. XXII, № 16407). Взгляды подобного рода распространялись и въ обществѣ (Бибикова, Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова, С.-Пб. 1817, стр. 132). Вероятно, около этого времени (послѣ 7-го ноября 1775 г.) императрица намѣревалась также составить рядъ наказовъ (важнѣйшимъ?) правительственный мѣстамъ, центральнымъ и областнымъ (Г. А., X, 17, л. 299).

²⁾ П. С. З., т. XXIII, №№ 17512 и 17, 514. Л. Арсеньевъ, Статистические черки Россіи, С.-Пб., 1848 г., стр. 117—131.

³⁾ С. Р. И. О., XXIII, 39; XXVII, 57. Архивъ Государств. Сов., т. I, ч. 2, стр. 209.

ному „гражданину“ для знанія „своего права“ въ сущности достаточно было теперь ознакомиться съ содержаніемъ этихъ грамотъ, не прибѣгая къ прежнімъ узаконеніямъ: онѣ оказывались такимъ же уложеніемъ для сословныхъ группъ, какъ и учрежденіе о губерніяхъ — для губернскихъ властей. Слѣдовательно, изданіе сборника законовъ, въ значительной степени уже утратившихъ свою силу, становилось если не излишнимъ, то во всякомъ случаѣ не столь необходимымъ, какъ прежде.

Замѣтимъ, наконецъ, что не только попеченія Екатерины II о губернскомъ устройствѣ и организаціи сословій, но и реформы ея по части государственного хозяйства и народного образованія¹⁾ еще болѣе отвлекали сочинительницу Наказа отъ выполненія прежде поставленной ею задачи общей кодификаціи права, съ которой, какъ мы видѣли, тѣсно связаны были и работы надъ „Описаніемъ“²⁾.

Всѣ эти мѣропріятія, нерѣдко подготавляемыя довольно значительными предварительными разысканіями³⁾, требовали большой энергіи со стороны Екатерины и могли, во всякомъ случаѣ, временно пріостановить изданіе „Описанія внутренняго правленія Россійской Имперіи“.

Между тѣмъ, со второй половины восьмидесятыхъ годовъ правительственные силы, нужные для такого рода работы, значительно ослабѣли: это, конечно, задерживало обнародованіе „Описанія“, которое, съ правительственної-же точки зрењія, оказывалось такимъ образомъ не только менѣе нужнымъ, но и болѣе затруднительнымъ, чѣмъ въ прежнее время. Едва ли не на первомъ планѣ въ числѣ этихъ силъ стояла сама императрица: въ 1780 годахъ, однако, ей уже минуло 50 лѣтъ; она, видимо, старилась и теряла прежнія силы и способность рабо-

¹⁾ Въ ожиданіи одного изъ сочиненій Вольтера императрица писала ему: „La lecture de vos écrits me delasserait de certains règlements de finances, calqués sur les principes de 1767, qui m'occupent depuis deux ans et dont je ne vois pas la fin; cependant le tout ne roule que sur ces mots: vivre et laisser vivre.“ (С. Р. И. О., XXVII, 138; 1777 г. ноября 23-го). П. С. З., т. XXI, № 15507.

²⁾ Впрочемъ еще въ послѣдніе годы императрица Екатерина работала надъ „сочиненіемъ сенатскаго указа“, которымъ она думала „освободить сенатъ отъ одолѣвшей его сенатской канцеляріи“ (А. Грибоевскій, Записки, стр. 25, 26, 51, 71 и 98; А. Храповицкій, Дневникъ, стр. 32, 51, 54, 55, 59, 81).

³⁾ Ср., напримѣръ, извѣстія о работахъ, подготавливавшихъ манифестъ о дуэляхъ у А. Храповицкаго, Дневникъ, стр. 24—30, 32 и 41.

тать надъ отвлеченными вопросами законодательства¹). На первыхъ порахъ она пробовала скрывать это отъ своихъ приближенныхъ²), но вскорѣ (1789 г.) и сама принуждена была сознаться предъ ними въ томъ, что на старости лѣтъ давно уже не можетъ приняться за письмо и читаетъ „вздоръ“, а вмѣсто законодательства, которымъ занимается съ трудомъ, думаетъ взяться за исторію для внуковъ³); и дѣйствительно, послѣдніе годы своей жизни Екатерина часто и охотно работала надъ составленіемъ „записокъ касательно Россійской исторіи“⁴). Теряя силы, императрица вмѣстѣ съ тѣмъ теряла и бодрость духа, и надежду на успѣхъ; „не вѣмъ, писала она въ 1787 году (?), ради кого тружусь и мои труды, попеченіе и горячее къ пользѣ имперіи радѣніе не будуть ли тщетны, понеже вижу, что мое умоположеніе не могу учинить наслѣдственное“⁵).

Междуди тѣмъ слабѣвшія силы императрицы не находили себѣ поддержки въ сподвижникахъ, число и достоинства которыхъ, быть можетъ, не совсѣмъ случайно, оказывались вѣдь соотвѣтствія съ широкими ея планами⁶). Ближайшимъ помощникомъ императрицы въ

¹) „Надобно полагать, писалъ про императрицу Гаррисъ въ 1778 г. (января 27-го), что ея врожденный здравый смыслъ одержитъ верхъ надъ любовью къ удовольствіямъ, которая овладѣваетъ ею все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ она входить въ лѣта“ (*Русск. Стар.*, 1896 г., № 2, стр. 402). Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ Гаррисъ въ одной изъ своихъ депешъ отзывается о возрастающей „лѣтни“ государыни *Русск. Стар.*, ibid., № 4, стр. 139).

²) А. Храповицкій, Дневникъ, стр. 20, 48, 47.

³) А. Храповицкій, Дневникъ, стр. 43, 208, 311 и 318. Н. Мурзакевичъ, Кабинетъ Зимняго дворца императрицы Екатерины II въ Журн. Мин. Народн. Просв., 1872 г., ч. CLXII, стр. 327—342.

⁴) А. Храповицкій, Дневникъ, стр. 181, 314, 315, 365, 366, 368, 370, 375, 381, 382, 386, 393, 435. Въ то же время императрица занималась переводами сочиненій Платона (ibid., стр. 323 и 331), не говоря, конечно, о ея чисто литературныхъ занятіяхъ, которая она нерѣдко прикрывала научными (ср. примѣченіе 2-е).

⁵) Г. А., X, 17, 1. 296.

⁶) Уже въ началѣ царствованія Екатерины это обстоятельство обратило на себя вниманіе иностранныхъ пословъ. „За исключеніемъ Панина, который обладаетъ скорѣе привычкой къ извѣстному труду, нежели умомъ и знаніемъ, у государыни нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы содѣйствовать ея правительственнымъ видамъ, клюящимся къ возвеличенію страны“. (Депеша де Бретейлья отъ 9-го января 1768 г.) „Планы ея (Екатерины) слишкомъ разнообразны. Ея проекты многочисленны и обширны, но совершенно не соотвѣтствуютъ тѣмъ

ся кодификаціонной дѣятельности, какъ извѣстно, былъ князь А. А. Вяземскій, завѣдывавшій, по всей вѣроятности, и составленіемъ описанія. Исключительное и исчерпывающее значеніе, какое сама императрица придавала новымъ своимъ „учрежденіямъ“, а также уменіе въ ней интереса къ вопросамъ юридического свойства могло, конечно, ослабить дѣятельность генераль-прокурора по части работъ надъ „Описаніемъ“, въ особенности если припомнить, что какъ разъ ко времени ихъ окончанія онъ сталъ, повидимому, терять довѣріе Екатерины. Причины этой перемѣны разыскать не трудно. Князь А. А. Вяземскій никогда не отличался блестящими способностями¹⁾; заваленный громаднымъ количествомъ самыхъ разнообразныхъ дѣлъ и лишенный непосредственного руководства старѣющейся императрицы, трудолюбивый дѣлецъ терялъ голову²⁾; онъ предпочиталъ иногда „держаться не за корень, а за вѣтви“ (то-есть, за приближенныхъ Екатерины) и тѣмъ вызывалъ ея неудовольствіе³⁾. Его финансовая дѣятельность, повидимому, менѣе всего удовлетворяла Екатерину: прежній „ученикъ“ государыни, ею „сформированный“, теперь съ одной стороны нерѣдко рѣшался поднимать голосъ въ совѣтѣ противъ значительныхъ издержекъ, нужныхъ для веденія войнъ⁴⁾, съ другой не всегда умѣлъ соблюдать казенные интересы

средствамъ, коими она располагаетъ“ (депеша лорда Букингема отъ 25-го августа 1763 г.). Г. А. Потемкинъ также старался отстранить отъ императрицы влиятельныхъ сановниковъ (ср. депешу Д. Гарриса отъ 3-го июня 1779 г. въ *Русск. Стар.*, 1896 г., № 4, стр. 146).

¹⁾ Князь А. А. Вяземскій былъ человѣкомъ „недальнихъ мыслей“ (*А. Храповицкій*, Дневникъ, стр. 323; *М. Щербатовъ*, Статистика въ разс. *Россія*, стр. 58), плохо учился въ кадетскомъ корпусѣ и, хотя владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, но не зналъ французскаго (*С. Соловьевъ*, И. Р., XXVII, 380. *Дѣ Парелло* (?), Отзыvъ о петербургскомъ дворѣ 1783 г. въ *Русск. Арх.*, 1875 г., № 6, стр. 120). Н. Панинъ, говоря о кн. А. Вяземскомъ, въ бытность его генераль-прокуроромъ, удивлялся, „какъ фортуна его въ это мѣсто поставила“ (*С. Порошинъ*, Записки, стб. 520). *А. Градовскій* (Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генераль-прокуроры, Спб., 1866, стр. 248, 254—255) высказалъ противоположный взглядъ на личность кн. А. Вяземскаго. Ераткую его біографію, лишенную, однако, интересующихъ насъ въ данномъ случаѣ мелочей, см. въ соч. *П. Иванова*, Опытъ біографій генераль-прокуроровъ и министровъ юстиціи, Спб., 1863 г., стр. 41—57.

²⁾ Не даромъ Храповицкій называлъ должность генераль-прокурора — „une casse sou“ (*А. Храповицкій*, Дневникъ, стр. 409). С. Р. И. О., XXVII, 32.

³⁾ *А. Храповицкій*, Дневникъ, стр. 14.

⁴⁾ *А. Храповицкій*, Дневникъ, стр. 4, 9, 11, 13 и 14, 244 и 245.

и вызывалъ гнѣвъ императрицы своими неудачными бюджетными предположеніями¹⁾). Все это естественно приводило къ разладу между учительницей и ея ученикомъ, тѣмъ болѣе, что въ характерѣ и дѣятельности послѣдняго стали обнаруживаться черты далеко не безупречного свойства. Въ 1783 г. поговаривали, напримѣръ, о томъ, что государыня начинаетъ познавать алчность и корыстолюбіе князя Вяземскаго, и что онъ не пользуется ея расположениемъ въ той же степени, какъ прежде²⁾). Вскорѣ затѣмъ императрицѣ на дѣлѣ пришлось убѣдиться, что ей нельзя безусловно довѣрять искренности генераль-прокурора. Несмотря на то, что Екатерина еще въ „секретнѣшемъ наставлѣніи“ требовала отъ него „совершенного чистосердечія и откровенности, такъ какъ для него хуже всего—не имѣть отъ своего государя совершенной довѣренности“³⁾), князь Вяземскій попытался скрыть отъ императрицы до 8.000.000 руб. государственныхъ доходовъ, „чтобы держать себя болѣе въуваженіи, когда при нуждѣ въ деньгахъ онъ отзовется по табели неимѣніемъ оныхъ, но послѣ, будто особымъ своимъ изобрѣтеніемъ и радѣніемъ найдеть оныя кое-какъ и удовлетворить требованіе двора“⁴⁾. Дѣло, однако, дошло до свѣдѣнія Екатерины. Можеть быть, въ виду этого непріятнаго для него открытия, князь А. Вяземскій въ началѣ 1785 года и рѣшился, было, оставить службу, тѣмъ болѣе, что въ числѣ прочихъ враговъ своихъ долженъ былъ считать и всесильнаго князя Г. Потемкина⁵⁾; уже нѣсколько времени до этого рѣшенія въ Петербургѣ указывали на гр. А. Воронцова или П. Завадовскаго, какъ на одного изъ его преемниковъ. Сама императрица, повидимому, все болѣе убѣждалась въ невозможности одному лицу пользоваться такими широкими полномочіями,

¹⁾ А. Храповицкій, Дневникъ, стр. 63, 65, 67, 72, 75, 224 и 317. Кн. М. Щербатовъ, Пол. Соч., стб. 700.

²⁾ Де Паремо, (?) Отзыvъ о петербургскомъ дворѣ 1783 г. въ Русск. Арх., 1875 г., № 6, стр. 121. Г. Державинъ (Записки, стр. 133) разказываетъ о томъ, какъ въ 1779 г. или нѣсколько позже кн. Потемкинъ подвушилъ кн. Вяземскаго.

³⁾ С. Р. И. О., VII, 346.

⁴⁾ Г. Державинъ, Записки, стр. 141—145 (241—245). Ср. стр. 190 (290), 225—227 (325—327).

⁵⁾ Г. Винскій, Мое время въ Русск. Арх. за 1877 г., № 2, стр. 157. Ср., однако, Г. Державинъ, Записки, стр. 183 (283). Противъ кн. А. Вяземскаго враждовали также графы Безбородко и Воронцовы (ib. стр. 226—326).

какія до тѣхъ порь сосредоточивались въ лицѣ генераль-прокурора кн. А. Вяземского, и думала воспользоваться его падениемъ для того, чтобы видоизмѣнить самый институтъ генераль-прокурерія, подраздѣливъ его вѣдомство на нѣсколько отраслей¹⁾). Тѣмъ не менѣе просьба кн. А. Вяземского не была услышана; но съ этого времени онъ уже не пользовался расположениемъ государыни и чрезъ нѣсколько лѣтъ окончательно отставленъ былъ отъ многочисленныхъ своихъ должностей, при чемъ „изъ жалованья получилъ только одну третью вмѣсто всей награды“²⁾). Двусмысленное положеніе, въ какомъ находился кн. Вяземскій во второй половинѣ восьми-десятыхъ годовъ, быть можетъ, оказалось пагубное вліяніе и на судьбу руководимаго имъ описанія внутренняго правленія Россійской Имперіи. Чрезвычайно занятый текущими дѣлами, генераль-прокуроръ, вѣроятно, не находилъ времени для окончанія всего этого предпріятія, а, можетъ быть, и не рѣшался испрашивать средствъ, нужныхъ для изданія „Описанія“. Впрочемъ, даже въ томъ случаѣ, еслибы сама императрица знала о составленіи такого сборника и сочувствовала его обнародованію, она все же едва ли согласилась бы передать такое дѣло въ другія руки³⁾). Наконецъ, и при желаніи ея поручить окончательную редакцію и изданіе описанія новому лицу, подыскать его въ сущности было очень трудно. „Люди съ способностью, писала Екатерина, повидимому, около этого времени, переводятся до такой крайности, что ни съ кѣмъ ни о какомъ дѣлѣ переговорить нельзя“⁴⁾). Этотъ отзывъ императрицы

¹⁾ Г. Винскій, Мое время въ Русск. Арх., 1877 г., стр. 113. А. Храповичкій, Дневникъ, стр. 322, 396, 406, 410. Г. Державинъ, Записки, стр. 249 (349).

²⁾ А. Храповичкій, Дневникъ, стр. 4, 13, 272, 310, 396, 405 и 418—419.

³⁾ А. Храповичкій, Дневникъ, 310 По этому примѣру видно, что императрица не желала слишкомъ оскорблять своего старого „ученика“. Правителемъ дѣлъ канцеляріи кн. Вяземского былъ долгое время Васильевъ, позднѣе министръ финансовъ (Русск. Стар., 1880 г., т. XXIX, стр. 816).

⁴⁾ С. Р. И. О., XLII, 276. Всѣдѣ за этой запиской императрицы кн. А. А. Безбородкѣ (безъ даты) помѣщена другая отъ 1780—1781 гг. Такія же жалобы императрица не разъ высказывала и до этого времени и послѣ него (Ср., напримѣръ: А. Храповичкій, Дневникъ, стр. 73, 377). Впрочемъ, Екатерина не всегда строго придерживалась этого мнѣнія. „Я никогда не искала, говорила она однажды, и всегда находила подъ рукой людей, которые служили мнѣ и по большей части служили хорошо; все зависѣтъ отъ умѣнья направить ихъ“. Въ данномъ случаѣ, однако, императрица разумѣла не столько совѣтниковъ, сколько простыхъ исполнителей ея предназначенній.

не лишенъ бытъ справедливости; въ 1784 году, напримѣръ, она уже не могла спросить совѣта или прибѣгнуть къ помощи такихъ людей, какъ И. И. Неплюевъ и кн. Я. П. Шаховской, А. И. Бибиковъ, Г. Н. Тешловъ и гр. Н. И. Панинъ: все они умерли до этого года. Изъ ближайшихъ помощниковъ Екатерины въ живыхъ еще оставались графъ А. А. Безбородко и Д. П. Трощинскій; первый, однако, сильно занять былъ редакціей многихъ, вновь издаваемыхъ, манифестовъ, указовъ и трактатовъ, а также перепиской и переговорами по внѣшнимъ сношеніямъ, тогда какъ во второмъ она, можетъ быть, не успѣла еще разглядѣть будущаго государственного дѣятеля¹⁾). Остальные приближенные императрицы, во всякомъ случаѣ, не болѣе названныхъ выше пригодны были для того, чтобы замѣнить кн. А. Вяземскаго въ руководствѣ надъ работами по обнародованію „Описанія“. Поэтому князь Вяземскій продолжалъ все болѣе и болѣе дрожащею рукою подыскивать опредѣленія по дѣламъ канцелярій, оставшихся отъ нѣкогда бывшихъ частныхъ комиссій, а готовый экземпляръ описанія тѣмъ временемъ залеживался въ его бумагахъ²⁾.

Печальный исходъ работъ по составленію „Описанія“, можетъ быть, вызванъ былъ и другими обстоятельствами болѣе общаго свойства, въ силу которыхъ появленіе и распространеніе экземпляровъ его въ публикѣ правительство едва ли могло признать вполнѣ удобнымъ. Въ то время, когда заканчивалось „Описаніе“, пора либеральныхъ идей и увлеченій уже миновала; наступила эпоха, предуготовлявшая царствование императора Павла. При такихъ условіяхъ изданіе описанія съ правительственной точки зреянія становилось все менѣе и менѣе свое-временнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на охранительный оттѣнокъ, замѣтный въ его предисловіи, предполагаемый сводъ долженъ былъ способствовать юридическому образованію русскихъ людей, благодаря которому на болѣе прочной основѣ могло бы создаваться и общественное мнѣніе, отражаемое прессой. Эти силы, первоначально находившія опору въ верховной власти, теперь стали подвергаться репрессивнымъ мѣрамъ. Къ тому времени, когда въ государствахъ, слу-

¹⁾ А. Грибоевскій, Записки, стр. 11, 22. А. Волотоевъ, Памятникъ протекшихъ временъ, М., 1875 г., стр. 122.

²⁾ Арх. Госуд. Сов., Дѣла Код. Отд., ч. ХCVII, кн. 318, № 3. Опредѣленіе комиссіи о сочиненіи проекта Нового Уложенія 1792 г. мая 18-го. Здѣсь, кажется, мы послѣдній разъ встрѣчаемъ подпись кн. Вяземскаго; впрочемъ, онъ еще прожилъ до 7-го января 1793 года (А. Храповицкій, Дневникъ, стр. 418).

жившихъ нѣкогда для Россіи образцами государственного порядка, установилась свобода печати, въ Россіи начали появляться цензурные стѣсненія. Изданій по примѣру частныхъ распоряженій 1771 и 1776 годовъ ¹⁾, знаменитый указъ 15-го января 1783 года о вольныхъ типографіяхъ все же, какъ извѣстно, подчинилъ свѣтскую печать надзору полиції ²⁾. Со второй половины восьмидесятыхъ годовъ это консервативное направление правительственной дѣятельности въ Россіи стало расти все болѣе и болѣе такъ же, какъ и въ сосѣднихъ державахъ ³⁾. Ближайшими причинами, повліявшими на его развитіе, можно считать, конечно, опасенія, внущенные правительству нѣкоторыми проявленіями общественного мнѣнія и дѣятельности, а также характеромъ и значеніемъ его вѣйшей политики.

Въ концѣ 1785 года императрица уже приказала графу Брюсу пересмотрѣть книги, выходившія изъ вольныхъ типографій, и поручить архіепископу московскому Платону испытать Н. И. Новикова въ законѣ. Одновременно съ опечатаніемъ его книжной лавки въ 1785 году нѣсколько духовныхъ и свѣтскихъ особъ по порученію главно-командующаго должны были освидѣтельствовать всѣ вольныя типографіи, находившіяся въ Москвѣ; распоряженіе это, истолкованное однимъ изъ послѣдующихъ указовъ въ томъ смыслѣ, что книги изъ всѣхъ типографій должны выходить „не иначе, какъ по надлежащей цензурѣ“, подтверждено было дальнѣйшими актами такого же содержанія ⁴⁾. Вообще дѣятельность русскихъ розенкрайцеровъ въ Москвѣ, во главѣ которыхъ стоялъ въ то время Н. Новиковъ, вызвала многія подозрѣнія со стороны правительства: таинственная организація въ

¹⁾ П. С. З., т. XIX, № 13572; т. XX, № 14495. Ср. П. С. З., т. XIX, № 12089, т. XVI, № 12313, т. XVIII, № 12890, т. XIX, 13572, т. XX, №№ 14927, 15019. *Русск. Стар.*, 1875 года, т. XIV, стр. 450, *А. Храповицкій*, *Дневникъ*, стр. 42. Около этого времени свобода печати установлена въ Швеціи и Даніи.

²⁾ П. С. З., т. XXI № 15634; ср. т. XXIII, № 16868.

³⁾ *A. Sorel, L'Europe et la Révolution française*, т. I, р. 489 и другіе; въ частности то же направление замѣтно уже въ уложеніи Фридриха Великаго и позднѣйшихъ проектахъ (*M. Philippson, Geschichte des Preussischen Staatswesens etc.*, Leipzig., 1880, В. I.) а также въ работахъ надъ кодексомъ, составленіе котораго предпринято было при Маріи-Терезіи, что и задержало ихъ ходъ (*P. Harras von Harrasowzky*, Op. cit., В. IV, W., 1886, s. 10; В. V, W., 1886, s. 4).

⁴⁾ Чт. М. О. И. и д., 1867 г., кн. IV, стр. 40—62, С. Р. И. О., XXVII, 359 и 363. П. С. З., т. XXII, №№ 16301, 16352, 16362, 16378, 16556, 17564. Арх. Госуд. Сов., т. I, ч. 3, стб. 729—730.

виду самостоятельно поставленныхъ цѣлей не внушила ему довѣрія; членовъ ея обвиняли не только въ нарушеніи догматовъ православной церкви и законовъ; но и въ политической агитациі, чemu способствовало главнымъ образомъ предполагаемое участіе „извѣстной персоны“ (Павла Петровича) въ этомъ движеніи¹), а также сношенія русскихъ масоновъ съ враждебными Россіи державами и смыщеніе ихъ съ иллюминатами или даже съ „якобинцами“²); все это окончательно возстановило императрицу противъ нового направленія³).

Не успѣлъ еще знаменитый русскій публицистъ попасть въ Шлиссельбургскую крѣпость, какъ осенью 1790 года возникло дѣло о книгѣ А. Н. Радищева, въ лицѣ котораго Екатерина готова была признать такого же „мартиниста“, какъ и Н. И. Новикова⁴). Авторъ „Путешествія“, „наполненный и зараженный“, по словамъ императрицы, „идеями, взятыми изъ сочиненій Руссо и Рейналя, а также другими французскими заблужденіями, ищетъ всячески и защищаетъ все возможное къ уменію почтенія къ закону Божию и мірскому, къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противу начальникъ и начальства“, при чемъ намекается на возможность ниспрроверженія существующаго государственного порядка и на необходимость сочетать власть со свободою, что, будто бы „цѣлить на французской развратной нынѣшній примѣръ“⁵). За эти „преступленія“ А. Н. Радищевъ, какъ извѣстно, сосланъ былъ въ Илимскій

¹⁾ И. Лопухинъ, Записки въ Членіяхъ М. О. И. и Д., 1860 г., кн. II, стр. 41.

²⁾ И. Лопухинъ, Записки въ Членіяхъ М. О. И. и Д., 1860 г., кн. II, стр. 20, 21, 42. Письмо кн. Н. Трубецкаго къ А. Кутузову въ Русск. Стар. за 1896 г., № 11, стр. 350.

³⁾ И. Лопухинъ, Записки въ Членіяхъ М. О. И. и Д., 1860 г., кн. II, стр. 43. *C-te Rostopchine, Notice sur les Martinistes* (1811 г.) въ Арх. кн. Воронцова, кн. XXVI, М., 1882 г., стр. 498, 500, 501. Свѣдѣнія о предполагаемомъ противоправительственномъ политическомъ характерѣ масонского движенія въ Россіи собраны въ соч. М. Лопинова, Новиковъ и Московскіе мартинисты, М., 1867 г.; см., напримѣръ, стр. 66, 74, 105, 106, 110, 133, 159, 172, 173, 195, 247—248, 275, 280, 283, 296, 301, 302, 313, 325, 326, 328, 333, 335, 342, 343. Офиціальные обвиненія противъ мартинистовъ сведены въ указѣ Екатерины кн. А. Прозоровскому 1-го августа 1792 г., см. оп. cit., стр. 0114—0115. О связи между масонскими кружками и иллюминатами см. A Sorel, op. cit., t. I, pp. 177—178.

⁴⁾ А. Храповицкій, Дневникъ, стр. 338; Ср. М. Лопиновъ, Op. cit., стр. 97.

⁵⁾ А. Радищевъ, Путешествіе, С.-Пб., изд. 1790; *ею же: Житіе О. Ушакова въ Османнадиатомъ Вѣкѣ* изд. Бартенева, т. I, стр. 196. Членія М. О. И. и Д. за 1865 г., кн. III, стр. 67—77; *Имп. Екатерина, Разборъ соч. А. Радищева въ Архивѣ кн. Воронцова*, т. V, стр. 407—422.

острогъ на десять лѣтъ съ лишеніемъ дворянскаго достоинства и орденовъ¹).

Такимъ образомъ, самостоятельный обнаружениія еле зародившагося общественнаго мнѣнія начинали беспокоить императрицу Екатерину; потерявши надежду измѣнить его направлениѣ при помощи литературы (ср. ея комедіи противъ мартинистовъ), она рѣшилась прибегнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ.

Явленія, подобныя вышеуказаннымъ во внутренней жизни Россіи за это время, не могли, конечно, поддержать слабѣвшій интересъ Екатерины къ законодательнымъ или кодификаціоннымъ работамъ и укрѣпить ее въ намѣреніи выполнить реформы, поставленныя ею на очередь въ первые годы своего царствованія. „Не время,—сказала она однажды А. Храповицкому—дѣлать реформы“²). Въ виду такихъ условій изданіе „Описанія“ съ правительственной точки зрѣнія едва ли можно было считать своевременнымъ.

Вниманіе русского общества и правительства, при этомъ, все болѣе и болѣе устремлялось на вѣтшнюю политику Россіи, значеніе которой въ Европѣ возрастило съ каждымъ годомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, даже тѣ русскіе писатели второй половины XVIII столѣтія, которые воспѣвали „лавръ съ оливковыми вѣтвями, возвышенный до облакъ Фелицею“³), и утверждали, что война удивляетъ одну чернь, а „мудрый любить тишину“⁴), все же охотно посвящали свои оды прославленію побѣдъ, одержанныхъ силою русскаго оружія; другіе хотя и указывали на тяжелыя послѣдствія войны⁵), при чемъ, „съ отвращеніемъ кидая взоры на ея ужасы“⁶), „проклинали и ненавидѣли битвы“⁷), мѣшавшія водворенію „злаыхъ вѣковъ на земль“⁸), однако не всегда считали возможнымъ

¹) П. С. З., т. XXIII, № 16901 (1790 г. сентябрь 4); т. XXIII, № 19508 (1796 г. сентября 16).

²) А. Храповицкій, Дневникъ, стр. 71.

³) Г. Державинъ, Соч., изд. Я. Грота, С.-Пб., 1864 и слѣд., т. I, стр. 163 и 289.

⁴) Г. Державинъ, Соч., т. I, стр. 359.

⁵) М. Херасковъ, Творенія, ч. III, стр. 104. Вечера на 1772 г., изд. 2-ое, ч. II, стр. 119—124. Г. Державинъ, Соч., т. I, стр. 341—361.

⁶) Г. Державинъ, Соч., т. I, стр. 286.

⁷) М. Херасковъ, Творенія, ч. III, стр. 106, 116; ч. VII, стр. 65. В. Петровъ, Соч., изд. 1811 г., ч. II, стр. 103. Е. Костровъ, Соч., изд. А. Смирдина, С.-Пб. 1849, стр. 146, 210, 214, 216.

⁸) М. Херасковъ, Творенія, ч. III; стр. 119; ч. VII, 98—99 и 131. Вечера на 1772 г., изд. 2-ое, ч. II, стр. 119—124.

довольствоваться миромъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда война представлялась имъ „печальною необходимостью“ ¹⁾, „причины которой были покрыты вѣрою, справедливыми требованиями, а также защитою отечества и правъ онаго“ ²⁾, когда она, напримѣръ, уничтожала „страхъ и ужасъ, навѣваемый Татарами“ ³⁾, или направлена была къ тому, чтобы „каратъ и просвѣщать жестокихъ варваровъ“ ⁴⁾, современники готовы были признать ея значеніе; послѣднее, напротивъ, по мнѣнію иѣкоторыхъ изъ нихъ, отсутствовало, если военные дѣйствія объявлены были изъ-за „единаго славолюбія“ ⁵⁾. Рассматривая, такимъ образомъ, войну какъ средство для достижения мира ⁶⁾ и считая побѣды, сами по себѣ взятыя, „мечтами героевъ дикихъ“ ⁷⁾, современные писатели даже о расширѣніи предѣловъ государственной территории не всегда говорили съ похвалою. Правда одни изъ нихъ по окончаніи войны 1768 — 1774 гг., напримѣръ, выражали неудовольствіе по поводу приобрѣтенія „плодомъ толь многихъ побѣдъ и иролитой толь многой человѣческой крови“ сравнительно „ничего незначащей частички полуострова Крыма“ ⁸⁾ и одобряли польскіе раздѣлы ⁹⁾; но другимъ, напротивъ, въ то же время казалось „не нужнымъ Россамъ простирать ‘обширныхъ странъ своихъ предѣлы‘“ ¹⁰⁾; третья, наконецъ, доходили до того, что не только приобрѣтенія отъ Польши, но и присоединеніе Крыма считали невыгодными для Росс-

¹⁾ В. Петровъ, Соч., ч. II, стр. 98.

²⁾ Р. Цебриковъ, Дневникъ въ Русск. Стар., 1895, т. LXXXIV, стр. 152. Митр. Платонъ, Поуч. слова, III, 35.

³⁾ А. Болотовъ, Жизнь и приключенія, т. IV, стр. 84.

⁴⁾ В. Петровъ, Соч., ч. I, стр. 234, 288—289. Р. Цебриковъ, Дневникъ, ibid., стр. 186, 207. Вечера на 1772 г., изд. 2-е, ч. I, стр. 46. Митр. Платонъ, Поуч. слова, III, 81.

⁵⁾ Ки. М. Щербатовъ, О поврежденіи нравовъ въ Русск. Стар. за 1871 г., июнь, стр. 684. А. Болотовъ, Памятникъ протекшихъ временъ, М., 1875 г., стр. 145. Р. Цебриковъ, Дневникъ, въ Русск. Стар. за 1895 г., т. LXXXIV, стр. 152—153.

⁶⁾ Е. Костровъ, Соч., стр. 145 — 148. М. Херасковъ, Творенія, ч. III, 98; ч. VII, 107 и 123. Митр. Платонъ, Поуч. слова, III, 80.

⁷⁾ В. Петровъ, Соч., ч. II, стр. 206.

⁸⁾ А. Болотовъ, Жизнь и приключенія, т. III, стр. 534.

⁹⁾ В. Петровъ, Соч., ч. II, стр. 162—163. Г. Добрынинъ, Записки въ Русск. Стар. за 1871 г., май, стр. 576 — 577. Живописецъ, Н. Новикова, изд. 7-е, стр. 157—161.

¹⁰⁾ М. Херасковъ, Творенія, ч. VII, стр. 106.

сін¹); тѣмъ менѣе, конечно, заслуживали ихъ одобреніе фантастические планы любимца Екатерины о завоеваніи Турціи и Индіи²). При такихъ взглядахъ на значеніе военныхъ дѣйствій естественно вкоренялось убѣжденіе, что государь „отвѣтствененъ передъ Богомъ за каждую каплю крови своего народа, силѣ и выносливости кото-раго онъ въ значительной степени обязанъ своими побѣдами“³).

Войны, предпринятые въ царствованіе императрицы Екатерины II, въ значительной степени, однако, удовлетворяли вышеприведеннымъ условіямъ, почему большинство современниковъ и считало ихъ законными; но и въ противномъ случаѣ блестящіе успѣхи русскихъ войскъ достаточны были для того, чтобы смягчить самые рѣзкіе отзывы „рос-сийскихъ гражданъ“ о внѣшней политикѣ правительства⁴).

Со второй половины XVIII вѣка русское общество стало все болѣе и болѣе интересоваться этими „блестательными политическими дѣлами“⁵). „Всѣ любопытны были слышать новости“ о нихъ и приходили въ „пріятное восхищеніе“ отъ празднествъ, устраиваемыхъ въ честь побѣдъ, одержанныхъ русскими войсками⁶); даже въ провинціи встрѣчались люди, „которые обо всѣхъ новыхъ слухахъ и новизнахъ имѣли особое попеченіе“ и съ которыми можно было провести цѣлый вечеръ „въ безпрерывныхъ разговорахъ о политическихъ происшествіяхъ въ свѣтѣ“⁷). Вѣроятно, въ виду удовлетворенія этой потребности, а также возраставшаго интереса русской публики къ событіямъ, происходившимъ въ Европѣ, и появилось въ 1790 году предпринятое проф. П. Сохацкимъ изданіе „Гамбургскаго политического журнала съ показаніемъ ученыхъ и другихъ вещей“ въ русскомъ перевѣдѣ. Журналъ давалъ весьма обстоятельный свѣдѣнія о ходѣ европейскихъ дѣлъ: первая часть (или книжка) каждого нового года начиналась обыкновенно общимъ „историческимъ и политическимъ обозрѣніемъ“ истекшаго; такое же значеніе имѣли и всеобщія извѣ-

¹) Кн. М. Щербатовъ, О поврежденіи нравовъ въ Русск. Стар. за 1871 г. юль, стр. 684—685.

²) Г. Державинъ, Соч., т. I, стр. 135.

³) Г. Державинъ, Соч., т. I, стр. 286; Кн. М. Щербатовъ, Пол. соч., стб. 685.

⁴) Р. Дебриковъ, Дневникъ, ibid., стр. 152 и 157.

⁵) Г. Державинъ, Записки, стр. 319.

⁶) А. Болотовъ, Жизнь и приключенія, т. III, стр. 533, 536, 543; Памятникъ и пр., стр. 126, 153 и 160. Ср. Политический журналъ за 1793 г., ч. X.

⁷) А. Болотовъ, Жизнь и приключенія, т. IV, стб. 513—514.

стія о воинскихъ и политическихъ происшествіяхъ а также „о разныхъ государствахъ“, появлявшіяся въ каждомъ номерѣ; къ нимъ обыкновенно присоединялись еще „письма (корреспонденціи) изъ разныхъ городовъ“. Отдѣль „извѣстій“, озаглавленный „Россія“, по случайности своего содержанія представлялъ, конечно, мало нового для русскихъ читателей; но въ статьяхъ о войнахъ Россіи съ Турцией и Швеціей, а также объ ея столкновеніяхъ съ Польшей они могли найти довольно цѣльное обозрѣніе военной и дипломатической исторіи своего отечества за это время; наконецъ, еще больший интересъ въ современникахъ должны были вызвать статьи о Французской революції, въ которыхъ всѣ перипетіи этой драмы пересказаны все менѣе и менѣе спокойнымъ тономъ. Къ сожалѣнію трудно сказать, въ какой мѣрѣ „Политический журналъ“ пользовался распространениемъ среди русского общества; судя по тому, однако, что переводы его на русский языкъ непрерывно выходили въ теченіе 38 лѣтъ, не смотря на довольно объемистые размѣры изданія (по 4 тома въ годъ), можно думать, что этотъ журналъ имѣлъ свой кругъ читателей ¹⁾. Новости, впрочемъ, старались почерпать не только изъ журналовъ, но и изъ другого рода источниковъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ охотно начинали обращаться къ чтенію газетъ. Такъ какъ онѣ „еще гораздо пріятнѣе становились въ безлюдствѣ“ ²⁾, то и въ губернскихъ центрахъ уже попадались люди, державшіе и читавшіе ихъ съ должнымъ вниманіемъ ³⁾). Нѣкоторые изъ современниковъ даже жаловались на то, что „публичныя вѣдомости бываются невѣрны и что о войнахъ въ оныхъ не ведется журналовъ, при чемъ частыя промѣшки дѣяній въ неподлинности любящаго отчество свое любопытство гражданина оставляютъ“ ⁴⁾). Интересъ русской публики къ вѣшнимъ событиямъ настолько усилился, что правительство въ 1788 году сочло даже „нужнымъ подтвердить прежніе указы, запрещавшіе

¹⁾) Политический журналъ съ показаніемъ ученыхъ и другихъ вещей, издаваемый въ Гамбургѣ обществомъ ученыхъ людей, пер. съ нѣмецкаго; изд. П. Сохацкаго съ 1790 г. Этотъ органъ нѣсколько разъ измѣнялъ свое наименованіе и издателей, но выходилъ вплоть до 1827 г. включительно; за это время вышло 152 части.

²⁾) Письмо гр. П. И. Панина, Д. И. фонъ-Визину (1774 г.) въ Русск. Стар. за 1873 г., т. VIII, стр. 909.

³⁾) А. Болотовъ, Жизнь и приключенія, т. IV, стб. 513.

⁴⁾) Кн. М. Щербатова, Отвѣтъ на вопросъ о войнѣ съ турками и шведами въ Чр. М. О. И. и Др. за 1860 г., т. I, стр. 73.

разговоры о военныхъ распоряженіяхъ и дѣлахъ политическихъ на биржѣ, въ клубахъ и трактирахъ¹⁾.

Само собою разумѣется, что „счастливыя и торжественные судьбы“ собственныхъ войскъ не только интересовали, но и радовали российскихъ гражданъ²⁾; „каждый изъ нихъ, напримѣръ, слыхалъ о великомъ днѣ Кагульскомъ и проливалъ радостныя слезы, достойная русского сердца“³⁾). Если не всѣ кампании были подобны 1770-му году, „самому цвѣтущему году нашей воинской славы“⁴⁾), то во всякомъ случаѣ всѣ онѣ увѣнчались успѣхомъ, который „исторгаль изъ очей современниковъ слезы, кои разливалы во всѣхъ тончайшихъ каналахъ ихъ бренного состава нѣкую пріятность“⁵⁾), пробуждалъ „патріотическое удовольствіе“ современниковъ⁶⁾ и усиливаль въ нихъ чувство національной гордости⁷⁾).

Настроеніе русского общества, вызванное удачными и „Богу угодными“ побѣдами, ярко отражалось въ литературѣ того времени⁸⁾. Одописцы охотно перечисляли поименно русскихъ героевъ⁹⁾ и прославляли ихъ „совершенныя и знаменитыя побѣды“, одержанныя ими надъ врагами при помощи „горящихъ любовью къ отечеству войскъ“¹⁰⁾. Не только подвиги Суворова и Румянцева, дѣятельность Орлова и Потемкина¹¹⁾, но и „немерзаемая слава российскихъ солдатъ“ вообще

¹⁾ П. С. З., т. XXIII, № 16673.

²⁾ А. Болотовъ, Жизнь и приключенія, т. IV, стб. 791 — 792, 1087, 1206. Г. Державинъ, Соч., т. V, стр. 726 и 727.

³⁾ Н. Карамзинъ, Историческое похвальное слово Екатеринѣ II, въ Соб. Соч., изд. А. Смирдина, С.-Пб. 1835 г., т. VIII, стр. 11.

⁴⁾ Н. Карамзинъ, Ор. cit., стр. 13.

⁵⁾ Р. Дебриковъ, Дневникъ въ Русск. Стар. за 1895 г., т. LXXXIV, стр. 157. .

⁶⁾ Г. Добрининъ, Записки въ Русск. Стар. за 1871 г., май, стр. 576—577.

⁷⁾ Письмо И. Лопухина къ А. Кутузову (1790 г.) въ Русск. Стар. за 1874 г., т. IX, стр. 260.

⁸⁾ Митр. Платонъ, Поуч. слова, III, 77—78; XIII, 277.

⁹⁾ В. Петровъ, Соч., ч. I, стр. 70; 206—242.

¹⁰⁾ Гр. А. Самойловъ, Жизнь кн. Г. А. Потемкина въ Русск. Арх. за 1867 г., стр. 1253.

¹¹⁾ См., напримѣръ оды: въ честь гр. А. В. Суворова-Рымникского въ соч. Е. Кострова, стр. 141 — 149; Г. Державина, т. I, стр. 341 — 361, 642; т. VI, стр. 19; — въ честь гр. П. Румянцева въ соч. В. Петрова, ч. I, стр. 120 — 129, 205 — 242; ч. III, стр. 168 — 225. Живописецъ, Н. Новикова, изд. 7-е, стр. 269—270; ср. также А. Болотовъ, Жизнь и приключенія, т. III, стр. 540; — въ честь гр. Г. Орлова въ соч. Е. Кострова, стр. 170—171; В. Петровъ, ч. I, стр. 78—83; ч. III, стр. 19—46, 87—98; М. Хераскова, ч. III, стр. 71—121.

вызывала искренние восторги современников¹⁾ и „рождала стихи“, въ которыхъ поэты выражали „чувства всѣхъ гражданъ“²⁾ и воспѣвали „громкіе бои“ русскаго воинства въ назиданіе потомству³⁾.

Событія виѣшней политики еще сильнѣе заинтересовали русское общество послѣ того, какъ оно увидѣло, что подвиги национальныхъ героевъ вызываютъ удивленіе и уваженіе заграничныхъ сосѣдей. И дѣйствительно, нѣкоторые изъ органовъ иностранной печати въ хвалебномъ тонѣ отзывались о „блестательныхъ и громкихъ побѣдахъ непреоборимыхъ русскихъ ратниковъ“ и объ „отмѣнномъ искусствѣ и твердости русской политики“⁴⁾. Такимъ образомъ дѣянія русскихъ войскъ, по увѣренію писателей того времени, не только „привлекали на себя очи всей Европы, но и представляли зреюще вселенный“; весь міръ долженъ былъ свидѣтельствовать о добродѣтеляхъ „русскихъ героевъ, побѣдоносной рукой дававшихъ покой Европѣ“⁵⁾. Современники полагали, что „непобѣдные Россы изумляли и удивляли весь свѣтъ своими побѣдами и возвели себя на самую вышнюю степень славы и величія“. „Міръ не зналъ, какъ побѣждаютъ Россіянъ и Россіяне не знали, какъ не сокрушить врага. Ихъ стихія была слава“...⁶⁾. „Свѣтъ, удивленный ихъ силой“, на-

Вечера на 1772 г., изд. 2-е, ч. I, стр. 53—54;—въ честь кн. Г. Потемкина въ соч. В. Петрова, ч. I, стр. 111—120, 158—165, 170—184, 189—192; ч. II, 16—25, 100—116; ч. III, стр. 46—52, стр. 244—257; не даромъ кн. Г. Потемкинъ „изъ современныхъ поэтовъ предпочиталъ другимъ В. П. Петрова“ (ср. А. Самойловъ, Жизнь и дѣянія кн. Г. А. Потемкина въ *Русск. Арх.* за 1867 г., стб. 1570); эта біографія гр. А. Самойлова—панегірикъ кн. Потемкину. Гораздо болѣе умѣренны отзывы о немъ Г. Державина (соch., т. I, стр. 170—177; 231—235). Ср. Г. Державинъ, Зап., стр. 301, 320, 339 и 379.

¹⁾ М. Херасковъ, Ода Россійскому воинству въ Твор., ч. VII, стр. 101—108

²⁾ Е. Костровъ, Соч., стр. 149.

³⁾ М. Херасковъ, Творенія, ч. VII, стр. 134.

⁴⁾ Політический журналъ за 1790 г., ч. IX; за 1791 г., ч. VIII, стр. 20; за 1792 г., ч. XI, стр. 128; за 1793 г., ч. VIII, стр. 25.

⁵⁾ В. Петровъ, Соч., ч. III, стр. 169, 172. М. Херасковъ, Творенія, ч. III, стр. 93; ч. VII, стр. 101—108. Е. Костровъ, Соч., стр. 166. Г. Державинъ, Соч., т. I, стр. 227. Р. Цебриковъ, Дневникъ, Ibid., стр. 176. Митр. Платонъ, Поуч. слова, II, 278; III, 82.

⁶⁾ Пустомель, за 1770 г., изд. А. Асанасьевъ, стр. 7. Адская почта на 1769 г. изд. 2-е, стр. 131, 192. А. Болотовъ, Жизнь и приключенія т. II, стб. 1055—1056. Н. Карамзинъ, оп. сіт. въ Соч., т. VII, стр. 27. В. Петровъ, Соч., ч. I, стр. 83, ч. III, стр. 48. Е. Костровъ, Соч. стр. 166. Митр. Платонъ, Поуч. слова, II, 278, 280; III, 76.

чиналь уважать ее, а это, конечно, не мало лъстило национальному самолюбию¹⁾ и придавало новое, самостоятельное значение России въ международныхъ отношеніяхъ. „Сія православная земля, пись редакторъ Адской Почты, такъ усилилась, что всего съвера судьбина отъ нея зависитъ“²⁾. Вообще „Россія, по замѣчанію одного изъ муаристовъ XVIII вѣка, послѣ Петра I мало имѣвшая участія въ дѣлахъ Европы, въ царствованіе Екатерины II приняла на политическомъ театрѣ дѣйствительную роль; она показала себя въ уважительной осанкѣ...“³⁾.

Такимъ образомъ, благодаря удачнымъ войнамъ второй половины XVIII вѣка „увѣнчаваемымъ... полезнѣйшими и выгоднѣйшими“ мирными трактатами, „Россія привыкла—славы къ блескамъ, къ торжествамъ и блескамъ“⁴⁾, а „духъ“ современниковъ приходилъ въ „восхищеніе“ при созерцаніи „отечества своего красна, величественна и славна“⁵⁾. Между тѣмъ значительная доля этой славы приписывалась самой Екатеринѣ II; отблескъ ея становился лучезарнымъ нимбомъ въ которомъ современники представляли себѣ „Великую“. „Однѣхъ побѣдъ недоставало для того, что бы возвысить ее до небесъ“, настутили эти побѣды, и Екатерина, „одушевлявшая мужественное и побѣдоносное воинство своею душою“, являлась современникамъ „во всемъ блескѣ и сияніи своей славы“⁶⁾. Естественно, что при такихъ условіяхъ внѣшняя политика правительства стала пользоваться довѣріемъ общества: въ концѣ царствованія Екатерины „никто при начатіи войны не унывалъ и... военные съ охотою шли на сраженіе“⁷⁾. И дѣйствительно, страхъ, нѣкогда навѣваемый на русскихъ людей Татарами и Турками, напримѣръ, послѣ удачныхъ войнъ уступилъ мѣсто смѣлости, вызываемой увѣренностью въ успѣхѣ. Молодые люди

¹⁾ Политический журналъ за 1794 г.. ч. III, кн. 3, стр. 155. В. Петровъ, Соч., ч. II, стр. 27. А. Болотовъ, Памятникъ, стр. 1. Ср. пр. Е. Комаровскій, Записки въ Русск. Арх. за 1867 г., стб. 521 — 539 и слѣд. примѣчанія.

²⁾ Адская Почта за 1769 г., изд. 2-е, стр. 130.

³⁾ Г. Винскій, Записки въ Русск. Арх. за 1877 г. №№ 1 — 2, стр. 100. Адская почта за 1769 г., изд. 2-е, стр. 45 и 132. Вечера на 1772 г., изд. 2-е, ч. I, стр. 84. Митр. Платонъ, Поуч. слова, III, 80.

⁴⁾ В. Петровъ, Соч., т. II, стр. 200. Митр. Платонъ, Поуч. слова, III, 80.

⁵⁾ М. Херасковъ, Творенія, ч. VII, стр. 132.

⁶⁾ Митр. Платонъ, Поуч. слова, III, 87. М. Херасковъ, Творенія, ч. III, стр. 78; ч. VII, стр. 97. Г. Державинъ, Соч., т. I, стр. 13 — 15. А. Болотовъ, Жизнь и приключенія, т. III, стб. 532; его же Памятникъ, стр. 161.

⁷⁾ А. Храповицкій, Дневникъ, Стр. 48; ср. стр. 151, 178 и 191. Р. Цебриковъ, Дневникъ, въ Русск. Стар. за 1895 г., т. LXXXIV, стр. 208.

смѣялись надъ стариками, у которыхъ „ волосы дыбомъ становились при воспоминаніи о янычарахъ“ ¹⁾). Воины были „единственно одушевлены духомъ мужества и славы“ ²⁾). „Солдаты начинали чувствовать свое достоинство“ ³⁾ и, „за стыдъ ставили бояться Турокъ“, а офицеры „знали цѣну непріятелей своего отечества“ и утверждали, что „не Турки на Русскихъ, но Рускіе на Турокъ наводять страхъ и ужасъ“ ⁴⁾). Современникамъ казалось, что прежняя военная слава Турокъ миновала безвозвратно. „Орудія, писаль издастель Пустомели во время первой турецкой войны, коими до сей поры Турки враговъ своихъ поражали и которыя возвѣщали наводимый ими на всю Европу ужасъ, нынѣ только ихъ же самихъ приводятъ въ трепеть и возвѣщаютъ имъ нещастіе“ ⁵⁾). Такіе же взгляды высказывали современники и по объявленіи второй войны съ Турками. „Было время и для Турковъ, разсуждалъ одинъ изъ ея очевидцевъ, побѣждать европейскія войска, истреблять государей, покорять все мечу своему, что ему ни попадется или что ему за благо ни разсудится, осаждать и самыя Вѣны, столичные города римскихъ императоровъ. Но видно на все и всему есть извѣстное и опредѣленное время — паденіе и возвышеніе государствамъ, равно какъ рожденіе и смерть человѣку“ ⁶⁾). Такое бодрое настроеніе „российскихъ гражданъ“ поддерживали, разумѣется, успѣшные дѣйствія русскихъ военныхъ силъ въ Польшѣ и противъ Швеціи, а также выгодные для Россіи (по крайней мѣрѣ съ точки зренія большинства современниковъ) результаты ихъ, подготавляемые и закрѣпляемые дипломатіей.

Довѣріе русского общества къ военнымъ планамъ правительства и проектамъ Петербургскаго кабинета вызывало чувство „признательности“ въ Екатеринѣ и, вѣроятно, не мало содѣйствовало развитію ея интереса къ внѣшней политикѣ: послѣдняя находила, такимъ образомъ, прочную опору въ национальномъ чувствѣ и сильную поддержку въ нѣкоторыхъ приближенныхъ императрицы ⁷⁾. „Листецы (въ томъ числѣ и иностранные органы печати), по замѣчанію одного изъ иностранныхъ пословъ, убѣдили императрицу въ томъ, что Росс-

¹⁾ Живописецъ Н. Новикова, изд. 7-е, стр. 98, 127—128.

²⁾ Митр. Платонъ, Поуч. слова, III, 77.

³⁾ Р. Цебриковъ, Дневникъ, Ibid., стр. 176.

⁴⁾ Живописецъ Н. Новикова, изд. 7-е, стр. 128.

⁵⁾ Пустомеля за 1770 г., изд. А. Асанасьева, стр. 49—50.

⁶⁾ Р. Цебриковъ, Дневникъ. (Вокругъ Очакова), Ibid., стр. 160.

⁷⁾ Гр. А. Самойловъ, Жизнь и дѣянія кн. Г. А. Потемкина въ Русск. Арх. за 1867 г., стр. 1010—1014, 1208. Г. Державинъ, Записки, стр. 277) 387).

сія есть величайшая имперія въ мірѣ, ея удачныи войны утвердили ее въ этой мысли, и теперь трудно кому бы то ни было представить ей положение государства въ его истинномъ свѣтѣ; только изъ ряда выходящихъ событія могли бы убѣдить ее въ томъ¹⁾). Подобного рода событія произошли, однако, не на востокѣ, а на западѣ Европы и не только не измѣнили, но еще болѣе упрочили внутреннюю политику Екатерины на консервативныхъ началахъ, побудивъ ее, при этомъ, усиленно заняться европейскими дѣлами, въ „дирекціи“ которыхъ даже иностранные дипломаты готовы были признать за Россіей самостоятельное и весьма важное значеніе²⁾; впрочемъ, его не отрицали и заграничные „журналы“: по словамъ одного изъ нихъ, напримѣръ, „Екатерина Великая волею своею рѣшаетъ положеніе многихъ государствъ и премудрыми дѣяніями своими преображаетъ исторію Россіи въ существенную часть исторіи всемірной“³⁾.

Естественно, что при такихъ условіяхъ не внутренняя, а внѣшняя политика стала все болѣе и болѣе интересовать славолюбивую Екатерину II. „Душа ея, писалъ статѣс-секретарь императрицы Г. Державинъ въ началѣ 1790-хъ годовъ, болѣе занятая была славою и замыслами политическими, такъ что иногда не понимала она, что читано было ей въ запискахъ дѣлъ гражданскихъ“⁴⁾.

Въ это время событія, волновавшія Францію, дѣйствительно, начинали привлекать всеобщее вниманіе. Какъ и другіе европейскіе государи, Екатерина не сразу поняла международное значеніе французской революції⁵⁾. Вскорѣ, однако, взгляды ея по этому вопросу опредѣлились.

¹⁾ Гаррисъ, Депеша отъ 31-го іюля 1778 г. въ Русск. Стар. 1896 г., № 4, стр. 143. Политический журналъ изд. Сохацкимъ за 1791 г., ч. V, стр. 191 и за 1794 г., ч. IV, кн. 2, стр. 175.

²⁾ А. Храповицкій, Дневникъ, стр. 393. Депеша Д. Гарриса отъ 31-го іюля 1778 г. Ibid. Письмо Сенакъ де Мельяна въ Русск. Арх. за 1866, стр. 440.

³⁾ Политический журналъ за 1791 г., ч. V, стр. 191 и за 1792 г., ч. III, стр. 156.

⁴⁾ А. Храповицкій, ор. cit., 393. Г. Державинъ, Записки, стр. 219 (319), 287 (387). Впрочемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что пѣвецъ Фелицы былъ сильно раздосадованъ отношеніемъ императрицы Екатерины къ его довладамъ. Ср. также отзывъ Senac de Meilhan въ Русск. Арх. за 1866 г., стр. 440 и статью неизвѣстнаго по случаю кончины Екатерины II въ Политическомъ журналь за 1796 г., ч. IV, кн. 3, стр. 346.

⁵⁾ А. de Tocqueville. L'ancien régime et la Révolution, 7 ed., p. 2. Причины, объясняющія подобного рода отношенія европейскихъ государствъ къ революціи, хорошо разъяснены у А. Sorel, Op. cit., t. I et II, passim.

Уже въ общественномъ броженіи, сказавшемся благодаря дѣятельности Новикова и Радищева. Екатерина усматривала вредное влияніе на русское общество тѣхъ радикальныхъ идей, которые въ связи съ другими причинами вызвали политическое движение въ Западной Европѣ конца прошлого вѣка ¹⁾). Мѣры, направленныя противъ „разсѣванія заразы французской“, не замедлили появиться. Кроме усиленія цензуры и закрытія вольныхъ типографій ²⁾), Екатерина повелѣла Симолину (въ августѣ 1790 г.) объявить всѣмъ русскимъ приказаніе о скорѣйшемъ возвращеніи ихъ изъ Франціи въ отечество, а указомъ 8-го февраля 1792 года изгнала изъ Россіи французовъ, не пожелавшихъ открыто подъ присягою отказаться отъ революціонныхъ идей ³⁾). Еще позднѣе императрица пришла къ заключенію, что ослабленіе монархической власти во Франціи подвергаетъ опасности всѣ другія монархіи ⁴⁾). Такимъ образомъ, вопросы вѣнѣній политики пріобрѣли въ ея глазахъ первостепенное значеніе и для направленія внутренней дѣятельности правительства. Къ этимъ мнѣніямъ вскорѣ присоединилось убѣжденіе во враждебномъ отношеніи Франціи къ Россіи, которое какъ нельзя лучше доказывали, по мнѣнію Екатерины, депеши, перлюстрованныя ею въ январѣ 1789 года ⁵⁾. Заня-

¹⁾ При чтеніи книги А. Радищева императрица замѣтила „Тутъ разсѣваніе заразы французской“ (*А. Храповицкій*, Дневникъ, стр. 338; ср. *Чт. М. О. И. и Д.*, 1865 г., кн. III, стр. 77); въ польскихъ волненіяхъ она также усматривала результаты „адекватного ученія“ (*ibid.*, стр. 345). См. еще *Чт. М. О. И. и Д.*, 1865 г., кн. 3, стр. 77. Кн. М. Щербатовъ разсуждалъ объ этомъ иначе: „малое просвѣщеніе, писать онъ въ своей „Статистикѣ“, вводить (населеніе) токмо въ вящія заблужденія и къ духу неподданства... Ежели народъ подлож просвѣтится [въ недостаточной мѣрѣ] и будетъ сравнивать тягости своихъ налоговъ съ пышностью государя и вѣльможъ, не знаа, впрочемъ, ни нужды государства ни пользы самой пышности, тогда не будетъ ли онъ роптать за налоги, а наконецъ, не произведеть ли сіе и бунта?“ (*Кн. М. Щербатовъ*, Статистика въ разсужд. Россіи, стр. 95).

²⁾ П. С. З., т. XXIII, № 16868 и 17508.

³⁾ *А. Храповицкій*, Дневникъ, стр. 345. П. С. З., т. XXIII, № 17101. Ср., *ibid.*, № 17201. Этотъ указъ дѣйствительно приведенъ былъ въ исполненіе (*А. Болотовъ*, Жизнь и приключенія, т. IV, стб. 1079).

⁴⁾ *А. Грибоевскій*, Записки, стр. 48. Политический журналъ за 1791 г., ч. X, стр. 101.

⁵⁾ С. Р. И. О., XLII, 153. *А. Храповицкій*, Дневникъ, стр. 235 и 395. *А. Грибоевскій*, Записки, стр. 51. Въ 1792 г. императрица узнала о появленіи какого-то француза, проѣхавшаго черезъ Кёнигсбергъ 22-го марта „съ злынъ умысломъ на здравіе Ея Величества“. — Въ томъ же году въ Шковѣ были задержаны графъ де Монтею, будто бы „якобинецъ“, которому поручено было сжечь нашъ черноморскій флотъ“ (*Л. Энгельгардтъ*, Записки, М., 1867 г., стр. 35).

тая, однако, войнами съ Турцией и Швецией, а также вторымъ Польскимъ раздѣломъ и довольно тѣмъ, что событія во Франціи нѣсколько отвлекаютъ вниманіе Австріи и Пруссіи отъ русской политики на югъ и сѣверъ Европы¹⁾, императрица лишь 8-го февраля 1792 года окончательно порвала всякия сношенія съ Франціей; со второй половины того же года она уже рѣшилась принять участіе въ коалиціи противъ нея, участіе, которое болѣе активнымъ образомъ обнаружила не ранѣе „ужасныхъ происшествій 10-го августа и 10-го января“²⁾...

Характеръ послѣдняго десятилѣтія царствованія императрицы Екатерины II, какъ видно, не благопріятствовалъ кропотливой работѣ надъ изданіемъ описанія внутренняго правленія Россійской Имперіи. Появленіе его не только казалось обществу и правительству менѣе нужнымъ, но сопряжено было и съ болѣе значительными затрудненіями, чѣмъ прежде; наконецъ, если бы даже приведеніе такихъ работъ „къ окончанію“ оказалось дѣломъ не труднымъ, результаты ихъ становились не особенно желательными съ правительственной точки зреянія, въ виду условій времени, не благопріятствовавшихъ подобнаго рода предпріятіямъ.

Итакъ, „Описаніе, запоздавшее всего, быть можетъ, на нѣсколько лѣтъ, осталось рукописнымъ сборникомъ, которымъ едва ли воспользовались и послѣдующія комиссіи „для составленія или собранія законовъ“. Первой изъ этихъ комиссій, въ 1796 году, какъ извѣстно, поручено было собрать существующія узаконенія и извлечь изъ нихъ три книги законовъ: уголовныхъ, гражданскихъ и дѣль казенныхъ³⁾. Кромѣ того, однако, въ силу указа отъ 16-го декабря, комиссіи предстояло заняться составленіемъ особой четвертой книги, въ которую она должна была помѣстить все право общее и особенное, а также „опущенія и неисправленія должностей, за кои слѣдуетъ удовлетвореніе обиженныхъ и другіе штрафы, и потому оно не относится прямо

¹⁾ А. Храповицкій, Дневникъ, стр. 386.

²⁾ А. Sorel, op. cit. t. II, разсвѣт. С. Р. И. О., XLII, 180 — 181 (1791 г. июня 30-го), 202 (1791 г. сентября 24-го). П. С. З., т. XXIII, № 17101. А. Болотовъ, Записки, т. IV, стб. 1077.

³⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17652 (1796 г. декабря 16-го). Обзоры по историч. сѣвѣд. о сводѣ законовъ, стр. 33. Сперанскій не упоминаетъ четвертой части предполагавшагося собранія.

къ уголовному преступленію". При этомъ „за руководство“ при составлениі этой книги комиссія должна была принять „Наказъ и все, что сдѣлано комиссіей 1767 года“ ¹⁾). Возможно, что наказъ, начертаніе, „уроки“ императрицы Екатерины и вообще дѣятельность комиссіи объ общемъ правѣ могли повліять вмѣстѣ съ другими работами прежнихъ депутатовъ на составленіе плана четвертой книги новаго собранія ²⁾). Никакихъ указаній, однако, на то, чтобы его составителямъ извѣстно было „Описаніе“ внутренняго правленія Россійской Имперіи мы не встрѣтили. То же, повидимому, произошло съ комиссіей 1804—1826 годовъ. Пользуясь при изложеніи оснований россійскаго права идеями большою частью уже выработанными во второй половинѣ XVIII вѣка ³⁾), она имѣла въ своемъ распоряженіи какое то „изложение образованія Россійскаго государства во всѣхъ отрасляхъ управлѣнія со временемъ перемѣнъ, сдѣланныхъ Петромъ“ и „до-

¹⁾ Арх. Госуд. Сов., Дѣла Код. Отд., № 230, Приложеніе къ журналу 1800 г. марта 31-го.

²⁾ Арх. Госуд. Сов., *ibid.* Основныя подраздѣленія этой книги (части и „составы“) слѣдующія. *Часть I.* О правѣ общемъ относительно сохраненія цѣлости, доброго порядка и тишины государства: 1) о власти самодержавной и отъ онъя учрежденныхъ судебныхъ мѣстъ и прочихъ правленій и начальствъ (*sic!*); 2) о внутреннемъ распределѣніи государства на части и о существенномъ тѣхъ частей положеніи; 3) о существующихъ въ государствѣ христіанскихъ и иныхъ вѣрахъ относительно наблюденія по онъмъ при сохраненіи догматовъ и прочихъ правилъ и обрядовъ; 4) о благоустройствѣ относительно личной и общественной безопасности и спокойствія государственныхъ жителей и чужестранныхъ вообще, о штрафахъ и взысканіи въ случаѣ нарушенія сего; 5) о правосудії вообще по дѣламъ гражданскимъ; 6) о управлѣніи вправовъ и благопристойности; 7) о благочиніи и полиціяхъ вообще; 8) о коллегіяхъ, канцеляріяхъ и прочихъ присутственныхъ мѣстахъ, учрежденныхъ для отправленія порученныхъ имъ дѣлъ, кроме правосудія по дѣламъ гражданскимъ. *Часть II.* О правѣ особенномъ относительно лицъ, недвижимыхъ и движимыхъ имѣній и всякихъ обязательствъ государственныхъ жителей вообще: 1) о различіи сихъ государственныхъ жителей на разные роды (дворянъ, средняго и нижняго рода людей), о личныхъ и вещественныхъ ихъ преимуществахъ, выгодахъ и обязанностахъ; 2) о разныхъ установленіяхъ, касающихся до лицъ (супружествѣ, родителяхъ и дѣтяхъ, усыновленіи, онекѣ); 3) о вещахъ или имѣніяхъ недвижимыхъ и движимыхъ, подлежащихъ въ собственность дворянству и прочимъ владельцамъ; 4) о обязательствѣ вообще со стороны государственныхъ жителей по принадлежностямъ коронѣ и по ихъ между собою собственностямъ всякаго рода и существа. Подпись: Д. с. с. Иванъ Ананьевской. (Составы дѣлятся на отдѣленія, отдѣленія на главы).

³⁾ Систематический сводъ существующихъ законовъ Россійской Имперіи съ основаніями права изъ онъхъ извлечеными, издаваемый комиссию составленія законовъ, Спб., 1815, т. I, стр. 1—XVIII и 1—101.

полнение къ этому изложению касательно власти сената и высшихъ въ государствѣ присутственныхъ мѣстъ въ особенности¹⁾); но въ дѣлахъ этого установления намъ удалось разыскать лишь „вѣдомость, какимъ образомъ Россійской Имперіи правительства отправление имѣютъ“; упоминаемые здѣсь указы, однако, не старше половины 1760 годовъ, такъ что и самая вѣдомость, по всей вѣроятности, составлена еще въ комиссии обѣ общемъ правѣ (1767—1774 гг.)²⁾. Другіе факты изъ исторіи комиссіи 1804—1826 гг. также указываютъ на то, что она едва ли пользовалась „Описаніемъ“. Когда въ 1815 году, напримѣръ, государственный совѣтъ при разсмотрѣніи нового уложенія почувствовалъ нужду въ полномъ сводѣ прежнихъ законовъ, то оказалось, что такого свода „не было“ и пришлось составлять его заново³⁾. Правда, члены комиссіи работали надъ „собраніемъ существующихъ въ Россійской Имперіи законовъ“; но и при его сочиненіи, повидимому, къ „Описанію“ также не обращались. Догматическое изложеніе этого свода сопровождаются обширными выписки изъ законовъ, во многомъ напоминающія прежніе экстракты, надъ которыми такъ долго работали „сочинители“ XVIII вѣка, но составленные независимо отъ нихъ; во всякомъ случаѣ, въ составѣ этого собранія вошли лишь уложенія: гражданское, торговое и уголовное, въ неполномъ видѣ и расположенные по системѣ, отличной отъ предшествующихъ попытокъ подобного рода⁴⁾. Наконецъ, и въ дѣлахъ бывшаго втораго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, преобразованнаго вслѣдъ затѣмъ въ Кодификаціонный отдѣлъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они недавно поступили въ Архивъ Государственного Собрѣта, „Описанія внутренняго правленія Россійской Имперіи“ также, не сохранилось⁵⁾, чѣмъ можетъ быть, объясняется и тотъ съ первого взгляда странный фактъ, что оно (по крайней мѣрѣ въ полномъ его составѣ) осталось, по всей вѣроятности, совершенно неизвѣстнымъ лучшимъ юристамъ начала нынѣшняго столѣтія: гр. М. Сперанскому и З. А. Горюшкину⁶⁾.

¹⁾ Имп. Публич. Библ., Ф. II, № 4. (Каталогъ манускриптовъ, принадлежащихъ къ Россійскому законодательству, составленный при комиссіи 1821—1822 гг.).

²⁾ Арх. Госуд. Сов., Дѣла Код. Отд., № 599 (стар. нум.).

³⁾ Обозрѣніе историч. свѣдѣній, стр. 38—39.

⁴⁾ Арх. Госуд. Сов., Дѣла Код. Отд. № 296.

⁵⁾ Поиски наши въ этомъ архивѣ, и въ большинствѣ другихъ хранилищъ—остались до сихъ поръ безъ успѣха.

⁶⁾ Обозрѣніе историч. свѣдѣній, стр. 38 и 51. Здѣсь говорится, что по упраздненіи комиссіи 1767 г. въ 1774 году въ царствованіе императрицы Ека-

Такимъ образомъ, работы по составленію описанія могли, конечно, оказать нѣкоторое вліяніе въ узкой бюрократической сферѣ, но видимыхъ послѣдствій во всякомъ случаѣ не имѣли¹⁾.

Между тѣмъ, изданіемъ „Описанія“, предназначенаго для всеобщаго употребленія, была бы удовлетворена одна изъ настоительныхъ потребностей русскихъ людей второй половины XVIII вѣка. Въ самомъ дѣлѣ общественное сознаніе этого времени нуждалось въ реальнай опорѣ, которая доставила бы ему возможность подняться на уровень требованій, предъявляемыхъ обществу государствомъ. Сложныя задачи русской дѣятельности, особенно по учрежденію губерній, трудно было, однако, решить на основаніи отвлеченныхъ теорій натурального права; для этого слѣдовало обратиться къ ознакомленію съ народнымъ бытомъ и къ изученію позитивнаго національнаго законодательства въ томъ видѣ, въ какомъ оно выработано было самою жизнью. Лучшіе представители русскаго общества начинали сознавать такую потребность и въ извѣстной степени могли бы удовлетворить ее, если-бы описание внутренняго правленія Россійской Имперіи, въ равной мѣрѣ предшествовавшее и полному собранію и своду ея законовъ, оказалось бы доступнымъ публикѣ. Въ такомъ случаѣ этотъ сборникъ не только пригодился бы въ видѣ пособія для обучения подростающихъ поколѣній русскому праву и для его разработки учеными юристами; но и распространеніе его среди русскаго общества и возможно болѣе широкое пользованіе имъ въ бюрократическихъ сферахъ способствовало бы, вѣроятно, нѣсколько большему развитію правомѣрности общественныхъ отношеній и законности въ правительственной дѣятельности. Крутой поворотъ во внутренней политикѣ императрицы Екатерины II за послѣднее десятилѣтіе ея царствованія отозвался, однако, и на судьбѣ „Описанія“: оно осталось

терини II уже не возвращались къ составленію свода или Уложенія.—З. Горюшкинъ въ числѣ пособій „къ познанію россійскаго права“ рекомендуетъ между прочимъ „Труды комиссіи Уложения, продолжаемые до 1775 г. въ 80 частяхъ состоящіе, видимые въ спискахъ“ (З. Горюшкинъ, Руководство, I, 1—2); но, очевидно, дальнѣйшихъ работъ въ томъ же направленіи не знаетъ.

1) Нѣсколько иное значеніе, напримѣръ, получили работы надъ Австрійскимъ уложеніемъ. „Wenn auch der Codex Theresianus nicht zum Gesetze wurde, so war doch die auf seine Verfassung verwandte Mѣhe nicht nutzlos, denn er bildet die Grundlage der folgenden Codificationsarbeiten die nach langer Zeit und nach Zustandekommen unserer allgemeinen bürgerlichen Gesetzbücher führten“ (P. Harras von Harrassowsky, op. cit., B. I, s. 18).

неизданнымъ. Обнародованію его, повидимому, воспрепятствовали не только случайные обстоятельства, но и то новое направлѣніе, которое приняло развитіе русской жизни этого времени: общество, въ значительной мѣрѣ удовлетворенное реформами 1775—1785 гг., начинало увлекаться успѣхами русскихъ войскъ и дипломатіи, а правительство, уже охладѣвшее къ задачамъ „мудраго правленія“, не столько интересовалось тѣми мѣропріятіями, въ связи съ которыми, какъ указано было выше, стояло и изданіе „Описанія“, сколько заботилось о содержаніи военныхъ силъ и ихъ употребленіи, о внѣшней политикѣ Россіи вообще и, въ частности, объ отношеніяхъ ея къ французской революції.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Вопросъ о численности дворянъ, лишенныхъ первоначального образования.

Судя по сказкамъ недорослей, явившихся въ 1761 году въ Герольдію, изъ 435 человѣкъ 74 оказались лишенными какого бы то ни было образованія; они не умѣли ни читать, ни писать; кроме того, до 7 недорослей обучены были одному чтенію, но не письму. По возрасту, однако, почти все они, казалось, должны были обладать хотя бы кое-какими элементарными знаніями. Въ самомъ дѣлѣ, соблюдая градацію, установленную указомъ 1737 г. ¹⁾), можно распределить ихъ съ этой точки зрѣнія въ слѣдующемъ порядкѣ:

Возрастъ недорослей (въ годахъ).	Число недорослей.	
	не умѣющихъ читать и писать.	умѣющихъ читать, но не писать.
1—7	2	—
7—12	5	—
12—16	8	3
16—20	27	3
болѣе 20	32	—
Итого. . .		74

¹⁾ П. С. З., т. XV, № 7171.

Такимъ образомъ, до 17,0% дворянскихъ недорослей, явившихся въ Герольдію незадолго до появленія указа 18-го февраля 1762 г. (не считая 1,6% умѣвшихъ читать), было-бы не въ состояніи лично и непосредственно ознакомиться съ его содержаніемъ. Цѣлый семи дворянъ коснѣли въполномъ невѣжествѣ; въ Новгородской губерніи оказался, напримѣръ, въ числѣ прочихъ шестидесятилѣтній помѣщикъ И. М. Максимовъ съ двумя сыновьями 23 и 17 лѣтъ; всѣ они не умѣли ни читать, ни писать. Явленія подобнаго рода нельзя объяснить малолѣтнимъ возрастомъ недорослей: значительное большинство ихъ вышло изъ того периода, въ теченіе котораго по указу 1737 г. они должны были по меньшей мѣрѣ научиться читать и писать. Замѣтимъ, при этомъ, что среди дворянъ старше 20 лѣтъ попадались лица 50—60 лѣтъ (7 случаевъ изъ 33). Исключительно мѣстными причинами дѣло также вполнѣ не разъясняется, такъ какъ неграмотные дворяне происходили изъ разныхъ уѣздовъ¹). Нѣкоторое влияніе на плачевное состояніе образованія дворянъ могла оказать незначительность ихъ материальныхъ средствъ²); изъ указанныхъ 74 человѣкъ болѣе половины не имѣли крестьянъ, хотя и владѣли помѣстьями; нельзя не замѣтить, однако, что многіе изъ недорослей, на-

1) Уѣзды, въ которыхъ всѣ 485 недорослей владѣли (за немногими исключеніями) помѣстьями, слѣдующіе: Алаторскій, Алексинскій, Арзамасскій, Брянскій, Бѣльскій и Бѣлоозерскій; Великолуцкій, Верхососенскій, Владмірскій, Вологодскій, Вяземскій; Галицкій; Елецкій; Зубцовскій; Кадомскій, Кадыевскій; Казанскій, Калужскій, Карабчевскій, Каширскій, Кинешемскій, Козельскій, Козловскій, Костромскій, Крапивенскій, Курскій; Ливенскій, Лихвинскій, Луховской, Любимскій; Михайловскій, Можайскій, Московскій, Муромскій, Мценскій; Нижегородскій, Новгородскій, Новосильскій, Новоторжскій; Одоевскій, Орловскій; Пензенскій, Переяславль-Рязанскій, Пошечонскій, Пронскій, Псковскій, Пустожевскій, Путывльскій; Ржевскій, Романовскій, Рославльскій, Ростовскій, Рижскій, Рыльскій; Саратовскій, Симбирскій, Смоленскій, Староцѣпкій, Старооскольскій, Судайскій, Судиславльскій, Сузdalскій; Тамбовскій, Тарусскій, Тверскій, Торопецкій, Тульскій; Углицкій, Устюжно-Желѣзнопольскій; Юрьевъ Польскій; Шацкій; Чухломскій, Яренскій и Ярославскій. Подчеркнуты уѣзды, въ которыхъ оказались дворяне, лишенные элементарнаго образованія; больше всего ихъ было въ Новгородскомъ уѣздѣ.

2) Въ началѣ 1770-хъ годовъ Новгородскій губернаторъ Сиверсь требовалъ указа изъ сената о томъ, что повѣльно будетъ дѣлать съ малолѣтними дворянскими дѣтьми, которыхъ отцы по бѣдности своей пропитать не могутъ; сенатъ приказалъ опредѣлять ихъ въ гарнизонныя школы на казенное содержаніе (С. Соловьевъ, И. Р., XXIX, 1018).

ходившихся въ такомъ же положеніи и явившихся въ Герольдію вмѣстѣ съ неграмотными, тѣмъ не менѣе получили кое-какое образованіе, и, напротивъ, въ числѣ безграмотныхъ дворянъ немногого менѣе половины владѣло не только имѣніями, но и крестьянами, среднимъ числомъ до 7 дворовъ на хозяйство. Поэтому объяснять невѣжество нѣкоторыхъ дворянъ однимъ ихъ бѣдственнымъ материальными положеніемъ не приходится. Принимая, конечно, во вниманіе дѣйствіе этой причины, слѣдуетъ имѣть въ виду, кромѣ того, что всѣ недоросли, призванные въ 1761 году, за исключеніемъ двухъ, *впервые* являлись на смотръ въ Герольдію въ силу указа 29-го августа 1759 г.; отсутствіе надлежащаго контроля со стороны правительства, какъ видно, невыгодно отзывалось на образованіи дворянства: безъ такого надзора нѣкоторая изъ лицъ, принадлежавшія къ дворянскому классу продолжали коснѣть въ невѣжествѣ¹⁾.

То же отсутствіе самого элементарнаго образованія у нѣкоторыхъ дворянъ сказалось черезъ шесть лѣтъ послѣ описанного смотра недорослей, когда потребовались подписи на наказахъ, представленныхъ дворянскими обществами въ комиссию о сочиненіи новаго уложенія 1767—1774 годовъ.

Въ доказательство сказаннаго приводимъ таблицу, составленную на основаніи изученія дворянскихъ наказовъ 1767 года: многіе дворяне лично подписались подъ ними (графа 1-я); нѣкоторые сами не могли приложить рукъ къ сочиненнымъ ими инструкціямъ „по неумѣнію ихъ грамотѣ“ (графа 3-я); остальные по неизвѣстнымъ намъ причинамъ также поручили выполнить эту обязанность другимъ лицамъ (графа 2-я). Пользуясь приведенными статистическими данными по 34 уѣздамъ и сравнивая ихъ съ общимъ количествомъ подписей, не трудно вычислить и ихъ процентное взаимоотношеніе, какъ по каждому изъ уѣздовъ въ отдѣльности, такъ и по всѣмъ имъ въ совокупности (графы: 4, 5, 6 и 7).

¹⁾ Арх. Мин. Юстиц., Книга герольдмейст. конторы № 56, дѣло № 31-е. Указа 29-го Августа въ П. С. З. не помѣщено.

№	НАЗВАНИЕ УВЪЗДОВЪ И ПОЛКОВЪ.	Дворянне лиц- но подписане- ше наказы.			Неподписане- ше по раз- ных прич.			Дворянне не подпис. нак. по неграмот.			Общее число подписанет.			% лично под- писанеихъ дворянъ.			% дворянъ не подписан. по разн. прич.			% дворянъ не подписан. нак. по негр.		
		1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
1	Парееньевскій	4			6			10			40,0			—			—			60,0		
2	Уфимскій	30		3	40			73			41,9			3,3			—			54,8		
3	Калужскій и Медынскій	16			10			26			61,5			—			—			38,5		
4	Арзамасскій	23		1	10			34			67,6			3,1			—			29,3		
5	Любимскій	29			9			38			76,3			—			—			23,7		
6	Елисаветградскій пикин. полкъ	26			7			33			78,8			—			—			21,2		
7	Малоярославскій	12			3			15			80,0			—			—			20,0		
8	Касимовскій	8			2			10			80,0			—			—			20,0		
9	Верейскій	5			1			6			83,3			—			—			16,7		
10	Зарайскій	34		1	6			41			82,9			2,5			—			14,6		
11	Прилуцкій	93		1	16			110			84,5			1,0			—			14,5		
12	Черный гусарскій полкъ	51			8			59			86,5			—			—			13,5		
13	Ахтырскій	66			10			76			86,9			—			—			13,1		
14	Желтый гусарскій полкъ	49			7			56			87,5			—			—			12,5		
15	Костромскій	63		1	9			73			86,3			1,4			—			12,3		
16	Юрьевъ Польскій	8			1			9			88,9			—			—			11,1		
17	Серпуховскій, Тарусскій и Оболенскій	23		4	3			30			77,0			13,0			—			10,0		
18	Бѣлозерскій	42		3	5			50			84,0			6,0			—			10,0		
19	Малороссійскій Полтав- скій полкъ	10			1			11			90,9			—			—			9,1		
20	Козловскій	33		1	3			37			89,2			2,7			—			8,1		
21	Темниковскій	6		5	1			12			50,0			41,7			—			8,3		
22	Можайскій	13			1			14			92,9			—			—			7,1		
23	Днѣпровскій пикинерный полкъ	39			3			42			92,9			—			—			7,1		
24	Усманскій	14			1			15			93,3			—			—			6,7		
25	Владимірскій	45			3			48			93,7			—			—			6,3		
26	Судиславскій	50		10	3			68			79,0			16,2			—			4,8		
27	Суздальскій	41			2			43			95,3			—			—			4,7		
28	Погарскій	40			1			41			97,6			—			—			2,4		
29	Бахмутскій пикинерный полкъ	43		2	1			46			93,5			4,3			—			2,2		
30	Глуховскій	49		1	1			51			96,1			2,0			—			1,9		
31	Дорогобужскій	39		14	1			54			72,2			26,0			—			1,8		
32	Рыльскій	75		11	1			87			86,2			12,6			—			1,2		
33	Галицкій	75		23	1			99			75,7			23,3			—			1,0		
34	Лубенскій	112		3	1			116			95,5			2,6			—			0,9		
Итого . . .		1.266		84	178			1.528			82,8			5,5			—			11,7		

Не трудно убѣдиться, что на большей части наказовъ не каждый дворянинъ подписался за себя лично; на меньшей встрѣчаются также подписи, сдѣланныя по довѣрности лицами, которыхъ не носили подпісанныхъ именемъ фамилій, хотя, къ сожалѣнію, причины, по которымъ обладатели послѣднихъ сами не могли приложить руку, точно не указаны; лишь на 34 наказахъ прямо означена невозможность нѣ-которыхъ дворянъ лично расписаться подъ инструкціями, данными ими своимъ депутатамъ, по „неумѣнію ихъ грамотѣ“. Всѣхъ подпи-савшихъ эти послѣдніе тридцать четыре наказа, поэтому, естественно можно разбить на двѣ группы: къ первой принадлежать дворяне, владѣвшіе письмомъ, ко второй—дворяне, почему либо не приложив-шие рукъ къ тѣмъ же актамъ, при чёмъ изъ второй группы не трудно выдѣлить тѣхъ лицъ, которымъ пришлось сдѣлать это „по неумѣнію ихъ грамотѣ“. Число ихъ въ немногихъ уѣздахъ доходитъ до 50%, въ другихъ—спускается до 1%. Впрочемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что количество случаевъ, на основаніи которого вычислено это процент-ное отношеніе, могло оказаться кое-гдѣ довольно случайнымъ и въ разныхъ наказахъ—различно; поэтому и самое отношеніе далеко не всюду одинаково устойчиво. Тамъ, где цифры, съ которыми мы имѣемъ дѣло,—больше, процентное отношеніе нѣсколько ниже выс-шаго предѣла (то-есть 50—60%) и равно 10—15%; низшій пре-дѣль (1%) съ этой точки зрѣнія можно считать болѣе прочнымъ. Самое значительное количество невѣжественныхъ дворянъ, какъ видно изъ прилагаемой таблицы, оказалось въ сѣверо-восточной и юго-во-сточной частяхъ имперіи; оно уменьшается по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ, а также замѣтно понижается на юго-западѣ. Въ виду при-веденныхъ соображеній средний выводъ придется считать идеальною величиной, далеко отстоящую отъ дѣйствительности, поскольку она сказывалась въ каждомъ отдельномъ уѣздѣ. Какъ бы то ни было, на все количество означенныхъ выше уѣздовъ и полковъ среднимъ чис-ломъ приходится до 11,7% неграмотныхъ дворянъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, при этомъ, что съ уменьшеніемъ % не подписавшихъ по неграмотности увеличивается % не приложившихъ рукъ по неизвѣст-нымъ причинамъ; обратная пропорциональность въ отношеніи этихъ рядовъ заставляетъ невольно предполагать, что въ числѣ означенной группы могли находиться и неграмотные дворяне, почему либо не желавшие сознаться въ своемъ невѣжествѣ. Въ такомъ случаѣ ука-занное среднее (11,7%) для перечисленныхъ въ таблицѣ округовъ окажется нѣсколько ниже величины, какую мы могли бы вывести,

если бы имѣли въ своемъ распоряженіи болѣе обстоятельный свѣдѣнія. Та же величина, напротивъ, значительно понизится, если мы вычислимъ отношеніе числа неграмотныхъ дворянъ къ общему количеству всѣхъ дворянъ, лично или черезъ посредство другихъ лицъ подпісавшихъ дворянскіе наказы¹⁾; въ такомъ случаѣ она упадеть до 2,9%. Изъ вышеприведенныхъ сображеній нетрудно убѣдиться, что эта цифра должна быть менѣе настоящаго средняго; поэтому ее можно назвать минимальнымъ предѣломъ средняго количества неграмотныхъ дворянъ въ имперіи 1760-хъ годовъ.

Междудѣмъ ранѣе добытый % недорослей, лишенныхъ всякаго образованія (17,0%), пожалуй, слѣдовало бы считать максимальнымъ предѣломъ того же количества. Въ самомъ дѣлѣ, въ составѣ этихъ недорослей попадало съ одной стороны нѣсколько малолѣтнихъ, не лишенныхъ возможности въ ближайшемъ будущемъ (особенно послѣ первого смотра) получить кое-какое образованіе, съ другой зачислены были захудалые недоросли, давно уже пропустившіе сроки и явившіеся въ довольно значительномъ количествѣ, благодаря указу 29-го августа. Очевидно, что и % всѣхъ этихъ неграмотныхъ недорослей долженъ быть выше настоящаго средняго.

Послѣднее мы, такимъ образомъ, считаемъ возможнымъ, полагать, насколько это доступно по имѣющимъ у насъ даннымъ за 1761—1767 гг., между двумя означенными предѣлами, то-есть между 2,9% и 17,0%²⁾.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Сравненіе системы экстрактовъ 1767 г. съ системой „описанія вышняго правленія“.

Полного сходства между системами, по которымъ расположены экстракты 1767 г. и „описаніе вышняго правленія“, не замѣтно.

То и другое собраніе дѣлятся на три части или „предметы“, озаглавленные нижеслѣдующимъ образомъ:

¹⁾ Въ это количество, равное 6219, разумѣется, входитъ и число неграмотныхъ дворянъ, равное 178; отношеніе числа неподпісавшихся по неумѣнію грамотѣ и по другимъ причинамъ (178+84=262) къ валовому числу всѣхъ подпісавшихся (6219) составитъ около 4,2%.

²⁾ Вычислениа сдѣланы на основаніи материаловъ, собранныхъ въ С. Р. И. О., т.т. IV, VII, XIV, LXVIII и XCIII.

По плану расположения экстрактовъ 1767 г.. (Арх. Госуд. Сов., К. О., № 166. Имп. Публ. Библ. Ф II, № 130).

I. О учрежденіяхъ, должностяхъ, преимуществахъ и штатахъ правительства.

II. О должностяхъ и преимуществахъ, принадлежащихъ единственно до персонъ въ присудствіяхъ находящихся, каждого званія особенно.

III. Нѣть.

По „реестру“ первой главы описанія. (Румянц. Музей, № 2937 т. 1).

I. О вышнемъ правленіи, состоящемъ въ столицахъ и съ подчиненными онаго мѣстами.

II. О нижнемъ правленіи, состоящемъ по губерніямъ или намѣстничествамъ и о генеральномъ раздѣленіи Всероссійскія Имперіи на части.

III. О установленіи должности власти и преимуществахъ, относящихся прямо до персонъ.

Заглавія §§ той и другой системы однородны по содержанію, хотя и попали тамъ и здѣсь на разныя мѣста. Сопоставимъ порядокъ изложения въ экстрактахъ и „описаніи“, означая въ скобкахъ положеніе, какое занимаетъ данный параграфъ въ той и другой системѣ, при чемъ подъ буквами сопровождающими цифры будемъ разумѣть дѣленія второстепенные въ предѣлахъ каждого параграфа, означенного цифрою.

A) По первой части:

Сенатъ (1,1).

Герольдмейстерская контора (9,1d).

Синодъ (2,2).

Кабинетъ (28,3).

Коллегія иностранныхъ дѣлъ (4,4).
, военная (5,5).

Счетная контора (5a,5a).

Главный кригскомиссариатъ (5b,5b).

Главная провіантская канцелярія (5c,5c).

Главная канцелярія отъ артиллеріи и фортификаціи (5d,5d).

Коллегія Адмиралтейская (6,6).

Юстицъ коллегія (7,7).

Коллегія Вотчинная (8,8).

Бергъ коллегія (13,9).

Монетная канцелярія (18,9а).
Мануфактуръ коллегія (14,10).
Коммерцъ коллегія (12,11).
Медицинская коллегія (16,13).
Коллегія экономії (15,14).
Ревизіонъ коллегія (11,15).
Главный магистратъ (19,16).
Правленіе Банковъ (25,17).
Главная полиціймейстерская канцелярія (20,19).
Ямская канцелярія (21,20).
Канцелярія конфискаціи (22,21).
Главная дворцовая канцелярія (29,23).
Главная дворцовая конюшенная канцелярія (30,24).
Канцелярія опекунства (26,27).
Статсь-контора (23,30).
Соляная контора (24,31).
Контора Государственного банка (25,32).
Мастерская оружейная палата (27,34).

B) По второй части плана и третьей реестра:

О должності и проч.:

Президентовъ, вице-президентовъ и главныхъ судей (4,18).
Генераль-прокурора, оберъ-прокуроровъ и прокуроровъ (1,20).
Губернаторовъ, вице-губернаторовъ и проч. (3,22).
Генераль-рекетмейстера (2,22).
Оберъ-секретарей (5,27).
Секретарей (5,28).
Казначеевъ и рекетмейстеровъ (7,31а)
Камергеровъ (5f,31d).
Экзекуторовъ (5b,32а).
Регистраторовъ (5e,32c).
Нотаріусовъ (5c,32c).
Актуаріусовъ (5c,32c).
Переводчиковъ (5d,32d).
Канцеляристовъ и писцовъ (5kl,32f).
Какъ видно, большинство рубрикъ въ той и другой системѣ одинаковы по содержанию, хотя сочетанія ихъ различны.

